D 26/186
Bon 2.

НАРОДЫ РОССІИ

Этнографическіе очерки и разсказы
Н. А. Александрова.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

ИНОРОДЦЫ ЛѢСОВЪ.

(СИБИРЬ).

МОСКВА.
1899.

Изданіе А. А. Панафидина.

Д 21/186

Народы Россіи.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Выпускъ второй.

ИНОРОДЦЫ ЛѢСОВЪ.

(СИБИРЬ).

Н. А. Александрова.

Цѣна въ бум. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

МОСКВА.
Собственность книжной торговли, спеціально для иногородних, *А. Я. Панафидина.*
Москва, Покровка, Лялинъ пер., соб. д., № 11—13.
1899.

28

Рисунки дозволены цензурою. Москва, 24 февраля 1899 года.

2007051127

5 вып.

Типографія И. Я. Полякова. Покровка, Лялинъ пер., д. № 13.

НАРОДЫ РОССІИ.

ИНОРОДЦЫ ЛѢСОВЪ.

(СИБИРЬ).

КАМЧАДАЛЫ СЪ КУРИЛЬЦАМИ.

(Завоеваніе Камчатки и Курильскихъ острововъ).

Было время,—три столѣтія назадъ, когда никто не зналъ ни о Камчаткѣ, ни о томъ, гдѣ кончается Сибирь и есть-ли между Сибирью и Америкою какой либо проливъ. Многіе полагали, что пролива нѣтъ, и что обѣ эти страны сошлись на сѣверѣ нераздѣльно въ одну землю. Тогда въ эти отдаленныя страны никто еще не проникалъ; только русскіе казаки и промышленники, гоняясь за пушнымъ дорогимъ звѣремъ и разыскивая богатства Сибири, покоряли мало-по-малу сибирскихъ инородцевъ одного за другимъ. Они завладѣли сперва рѣкой Леной, потомъ дошли до Анадырь-рѣки, которая впадаетъ въ Беринговое море,—поставили на Анадыри острогъ, или ма-

ленькую крѣпостцу, — и отсюда снова стали развѣдывать пути дальше и дальше. Одни направлялись рѣкой Колымой и по Сѣверному океану на востокъ, другіе-же черезъ Чукотскую и Коряцкую земли за Анадырь. Такъ, смѣлый казакъ Семенъ Дежневъ, отплывши по Колымѣ, объѣхалъ по Сѣверному океану сѣверовосточную оконечность Азіи, и первый такимъ образомъ открылъ проливъ, раздѣляющій Сибирь отъ Америки и названный уже потомъ Беринговымъ. Въ это-же время проникли слухи и о Камчаткѣ: русскіе впервые узнали о ней отъ покоренныхъ коряковъ, которые часто откочевывали съ оленями въ Камчатку; а потомъ прошелъ слухъ и объ одномъ русскомъ промышленникѣ Ѳедотѣ Алексѣевѣ, ѣздившемъ ради промысла вмѣстѣ съ Дежневымъ на Ледовитый океанъ. Баба Ѳедота Алексѣева, отбитая Дежневымъ отъ коряковъ, разсказывала, что отправился Ѳедотъ Алексѣевъ по Колымѣ въ Ледовитый океанъ на семи кочахъ, что кочи эти занесло бурею къ камчатскимъ берегамъ, и Ѳедотъ Алексѣевъ, прозимовавъ въ Камчаткѣ, умеръ отъ цынги, а всѣ его товарищи убиты дикарями. Вмѣстѣ съ этимъ шла и другая молва о томъ, будто камчадалы были сначала покорны Ѳедоту Алексѣеву, и, называя русскихъ по ихъ огненному оружію, огненными людьми, почитали русскихъ промышленниковъ выше смертныхъ; но, увидѣвши разъ, какъ одинъ русскій

зарѣзалъ другого, убѣдились такимъ образомъ, что и русскіе смертны, и, чтобы избавиться отъ страшныхъ гостей, всѣхъ до одного истребили. Баба Ѳедота Алексѣева разсказывала, впрочемъ, что нѣкоторые изъ промышленниковъ спаслись, и бѣжали на лодкахъ, неизвѣстно куда, въ океанъ.

Въ такомъ родѣ ходила по Сибири первая живая вѣсть про Камчатку. Но что за земля Камчатка, какъ она велика, чѣмъ богата, что въ ней ростетъ, что водится, и что, наконецъ, за люди,— населяющіе ее дикари, — объ этомъ не было и рѣчи. Представлялась, вѣроятно, она русскимъ, по словамъ коряковъ, такой-же суровой и холодной, какъ и земля чукчей, такой-же мертвенной и ужасной, какъ тундра, и, какъ промышленники, такъ и казаки далеко за Анадырь идти не рѣшались. Первый, кто проникнулъ въ Камчатку,— это былъ казакъ Атласовъ. Въ 1605 году онъ двинулся съ шестьюдесятью другими казаками внутрь самой земли; прошелъ ее вдоль и поперекъ, собралъ съ дикарей дань, завладѣлъ нѣсколькими острожками (поселками); и тутъ впервые русскимъ пришлось увидѣть такую землю и такія въ ней чудеса, о которыхъ въ Сибири и слыхать еще никто не слыхалъ.

Сначала, какъ идти съ Анадыри на полуостровъ Камчатку, стелется повсюду та же промерзлая тундра, что и въ землѣ коряковъ, и встрѣ-

чаются тѣже голые камни и скалы, что и въ странѣ чукчей. Лѣсъ попадается изрѣдка, и сперва являются, въ видѣ отдаленныхъ передовыхъ постовъ, низкорослыя лиственницы, ель и береза. Одна изъ нихъ небольше, какъ въ ростъ человѣка, другія сгорбленными и уродливыми фигурами приникли, точно кустарники, къ землѣ; въ одномъ мѣстѣ лежитъ, невыдержавшая напора сѣверныхъ холодныхъ бурь, тощая ель, обнаруживъ свои слабые и маленькіе корни; въ другомъ — круглой маковкой виднѣется одинокая лиственница, похожая издали на сигнальный подорожный шестъ, на который обыкновенно привязывается въ Сибири пучекъ мха; тамъ опять, точно кладбище, торчитъ семья черныхъ лѣсныхъ труповъ; а то деревья спрятались въ небольшой котловинѣ и образовали маленькій островокъ; иныя вытянулись по направленію береговъ рѣки и сомкнулись, точно немного дружнѣе и бодрѣе; повсюду онѣ также тощи и хилы и также мрачны и безжизненны, какъ и все окружающее. Укуталось каждое деревцо густой сѣткой неудавшихся, засохшихъ вѣтвей или сучьевъ. Величиной и ростомъ кажется это деревцо молодымъ; на самомъ-же дѣлѣ оно, промучившись два-три вѣка,— не больше, какъ преждевременно состарилось; со дня самаго рожденія оно существуетъ между жизнью и смертью. Тонкій стволъ его, толщиной въ человѣческую руку, покрытъ сверху до низу

черными лишайниками; изъ подъ этихъ лишайниковъ тускло выглядываетъ кое-гдѣ изодранная синевато-пепельная кора; и поверхъ всего виситъ, точно траурный флеръ, густой слой длинныхъ, бородатыхъ ягелей.

Смотришь на эти траурныя декораціи, на эти разбросанныя повсюду кладбища лѣсныхъ труповъ,—и ясно видишь, что здѣсь предѣлъ лѣсной растительности и что дальше на сѣверъ по тундрѣ, ей уже нѣтъ больше пріюта; негдѣ уже стало укрыться ей за пригорками или по оврагамъ отъ холодныхъ вѣтровъ и бурь. Но чѣмъ ближе къ Камчаткѣ, тѣмъ смѣлѣе начинаютъ тянуться длинныя рощицы, тѣмъ стройнѣе и гуще ростутъ по склонамъ горъ лиственницы и ели. Дальше уже синѣются на горизонтѣ темной полосой густые лѣса, и тутъ открывается совершенно иная картина. На душѣ становится какъ-то легче и отраднѣе. Тундра уже иногда только виднѣется между горъ длинными рубцами, или является въ видѣ отдѣльныхъ островковъ; горы-же, напротивъ, сливаются плотнѣе въ непрерывныя цѣпи, и цѣпи эти, какъ отроги Станового хребта, дѣлаются выше и выше; и, вотъ, поднялся во всю свою величину Становой хребетъ; онъ прошелъ черезъ Камчатку съ сѣвера на югъ, вдоль по всему полуострову, разрѣзавъ его пополамъ, и уперся затѣмъ, точно лапами, тысячами отроговъ своихъ, съ одной стороны—въ Восточный

океанъ, а съ другой—въ Охотское море. Нѣтъ счета причудливымъ формамъ его высотъ, не подмѣтитъ глазъ всѣхъ разнообразныхъ его очертаній и линій. То вдругъ появится гора, точно скирдъ, то покажутся на какой-нибудь высотѣ большіе, остроконечные камни, точно уши; то выступятъ къ морю отдѣльно двѣ скалы, будто стоймя поставленныя лодки; то наконецъ встала гора кверху голымъ шатромъ, а снизу окаймилась рядами другихъ горъ, густо заросшихъ лѣсомъ. Есть на Камчаткѣ и такія горы, которыя вѣчно дымятся, и ихъ насчитываютъ до тридцати: одна пышетъ огнемъ, другая выбрасываетъ камни и пепелъ; иныя же ушли въ тучи,—и на нихъ лежитъ вѣчный снѣгъ; а есть и такія высокія горы, какъ напримѣръ Сночевская сопка, что въ ясный день видно ее верстъ за триста. Перерѣзавъ такими-то горами Камчатку, Становой хребетъ выдвинулся скалистымъ мысомъ Лопаткой въ Восточный океанъ. На океанѣ-же, недалеко отъ мыса, онъ проглянулъ рядомъ острововъ, и закурилось по островамъ множество горъ, отчего русскіе и назвали эти острова курильскими.

Не покрытъ Становой хребетъ густымъ, непролазнымъ лѣсомъ, что идетъ подъ названіемъ тайги въ Сибири, но рослый и красивый лѣсъ изъ лиственницы, ели, ольхи, рябины, осины, отойдя верстъ на тридцать отъ холодныхъ сильныхъ береговыхъ вѣтровъ, дующихъ съ моря,—окаймился

породистой березой и пріютилъ по своимъ чащамъ множество мелкихъ и крупныхъ звѣрей. Тутъ водятся медвѣди, олени, голубые песцы, горностаи, россомахи; а пушистые мѣха Камчатскихъ лисицъ и соболей славятся въ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ открыта Камчатка. Въ камчатскихъ лѣсахъ мало также строевыхъ деревъ, но нигдѣ по всей Сибири не видать такого множества всевозможныхъ травъ. Высокія травы скрываютъ всадника, а различныя питательныя коренья и всякаго рода ягоды растутъ и въ горахъ, и въ долинахъ, и между кустарниками. Луга-же около озеръ и рѣкъ такъ хороши, что въ иныхъ мѣстахъ можно собирать сѣно хоть по три раза въ годъ. Озерамъ, рѣкамъ и небольшимъ рѣчкамъ нѣтъ числа. Между горами повсюду извиваются ручьи: и бѣгутъ они въ море и океанъ, по направленію горныхъ отроговъ; рѣчки-же переполнены рыбою: и нѣтъ, какъ говорятъ путешественники, въ мірѣ другой страны, гдѣ-бы столько было превосходной и вкусной рыбы.

Богата также Камчатка множествомъ минеральныхъ источниковъ и ключей. Есть теплые, горячіе, холодные ключи; и по равнинамъ они бьютъ въ такомъ количествѣ, что лѣтомъ нельзя бываетъ по суху ни пройти, ни проѣхать, а зимою они мѣшаютъ замерзанію рѣкъ. Есть ключи, которые бьютъ фонтанами на футъ, на полтора въ вышину: есть и такіе, изъ которыхъ идетъ одинъ густой паръ,—и такой густой, что черезъ него на раз-

стоянія семи саженъ не видать человѣка; есть и громадныя жерла—сажени на три въ ширину, и въ нихъ кипитъ вода бѣлымъ ключемъ съ такой силой и съ такимъ шумомъ, что заглушаетъ человѣческій голосъ; есть, наконецъ, и возвышенности, откуда бьетъ струями въ разныхъ мѣстахъ горячій паръ, а глубоко подъ землей слышится громкое клокотанье источника. Попадаются затѣмъ цѣлыя озера изъ источниковъ, встрѣчаются съ горячей водой цѣлыя рѣчки. Но ни пользуются этими богатствами ни дикари камчадалы, ни русскіе.

Дикари камчадалы, до появленія казака Атласова, жили въ этой благодатной странѣ, не зная даже скотоводства. Имъ вдоволь было для пищи той рыбы и тѣхъ звѣрей, которые изобильно водятся въ Камчаткѣ. Они ѣли при этомъ мучнистые сладкіе коренья и ягоды, и жили,—семьи по три, по четыре, а иногда и больше,—въ земляникахъ, или земляныхъ юртахъ, возлѣ рѣчекъ. Хотѣлъ кто отдѣлиться,—поселялся на другой рѣкѣ. Рѣка была главной и безраздѣльной собственностью тѣхъ, кто на ней жилъ. Далеко, вслѣдствіе этого, отстояли одинъ поселокъ, или, какъ называютъ ихъ въ Камчаткѣ, острожекъ отъ другого острожка. Уходя отъ морскихъ непогодъ, камчадалъ устраивается обыкновенно своимъ поселкомъ въ какомъ-нибудь густомъ тальникѣ, верстъ за тридцать, за сорокъ отъ моря. Не видать его земляной юрты, она точно холмикъ, только

что дымится; но кругомъ юрты стоятъ на огромныхъ столбахъ высокіе, деревянные, остроконечные балаганы, и поселокъ издали кажется обстроеннымъ какими-то башнями. Хорошо чувствуетъ себя камчадалъ въ этомъ поселкѣ. Влѣзетъ онъ въ свою земляную яму черезъ ту же дыру, откуда выходитъ дымъ, и ѣстъ, усѣвшись у очага, вмѣсто хлѣба, свою любимую сушеную рыбу—юколу; ѣстъ также сушеную икру съ ивовой и березовой корой, а тамъ у него запасены, и въ ямахъ, и въ балаганахъ, разныя квашеныя и сушеныя рыбы, разныя травы,—сарана, что вмѣсто крупъ служитъ, сладкая трава, квашеная трава, сушеный пирей, полевой чеснокъ или черемша; есть и лакомства,—орѣхи въ родѣ кедровыхъ изъ сланца, черемуха, боярышникъ и тому подобное.

— Много еще юколы отъ зимы осталось?—спрашиваетъ камчадалъ одну изъ своихъ женъ.

— Много,—отвѣчаетъ та; и толчетъ въ большомъ корытѣ, изъ котораго кормятъ и собакъ, березовую кору, листъ пирей, сарану, жиръ, сухую рыбу; а потомъ, накаливъ до-красна на очагѣ каменья, бросаетъ эти каменья въ корыто, и варитъ такимъ образомъ камчадальское варево.

Камчадалъ облизывается, глядя на такое вкусное варево; а самъ, выбрасывая изъ юрты въ дымовую дыру недогорѣлыя головни, подумываетъ уже о свѣжей рыбкѣ,—подумываетъ о веснѣ.

Мечтаютъ о томъ же и камчадалки, сидя за рогожами въ юртѣ. Слышно, какъ онѣ сучатъ тамъ изъ крапивы нитки и торопятся доплетать рыболовныя сѣти.

Пора весны дѣйствительно настаетъ: холодные сѣверные и восточные вѣтры стали стихать; проглянулъ уже какъ-то разъ и свѣтлый денекъ. А только весной и бываютъ на Камчаткѣ свѣтлые дни. Стали эти дни чаще и чаще, солнце поднялось высоко и свѣтитъ уже такъ ярко, что камчадалы слѣпнутъ отъ блеска снѣга и надѣваютъ на глаза для защиты берестяныя сѣтки или очки. Быстро, наконецъ, отъ солнечныхъ лучей таетъ снѣгъ, быстро начинаютъ расходиться рѣки; и, почуявъ хорошую добычу, ползутъ съ горъ стадами черные и бурые медвѣди; бѣгутъ къ рѣкамъ и камчадалы, и стаи камчадальскихъ собакъ,—всѣ спѣшатъ полакомиться свѣжими лососями и гольцами. Отъ лососей-же вздувается рѣка,—точно живыми волнами кипитъ въ ней рыба, точно крупа въ жидкой кашѣ,—и, не выдержавъ напора, рѣка выступаетъ изъ береговъ, заливая окружающіе луга и ямы. Медвѣди ловятъ рыбу лапами, собаки достаютъ зубами,—и такимъ незатѣйливымъ способомъ они ловятъ ее больше, чѣмъ въ иныхъ странахъ люди сѣтями и неводами. Медвѣди и собаки, при такой наживѣ, сосутъ одинъ мозгъ изъ рыбы, а туловище бросаютъ. Камчадалы-же бьютъ лососей баграми, ловятъ просто

руками и сотнями вытаскиваютъ, забрасывая сѣти. А сойдетъ весенняя вода, и по берегамъ и ямамъ столько загниваетъ рыбы, что воздухъ пропитывается этой заразой на далекое пространство. Камчадалы при ловлѣ тутъ-же пластаютъ лососей, чистятъ ихъ, сушатъ и квасятъ; но, едва успѣютъ покончить съ этой работой, какъ надо уже перебираться на морской промыселъ къ морю. Тамъ, въ погонѣ за рыбами, вошли въ устье рѣкъ тюлени, а къ морскимъ берегамъ приплыли сивучи, бобры, бѣлухи и другіе жирные и большіе морскіе звѣри и рыбы. Тамъ у камчадаловъ есть лѣтніе травяные шалаши, есть также и высокіе деревянные балаганы; и, вотъ, забравши весь домашній скарбъ и оставивъ въ зимнихъ юртахъ одну какую-нибудь престарѣлую старуху, которая должна карауллить балаганы отъ медвѣдей,—охотниковъ до готовой рыбы,—камчадальскій острожекъ переселяется весь къ морю.

Въ зимнихъ еще шубахъ, или кухлянкахъ, сшитыхъ изъ оленьихъ или собачьихъ шкуръ, шерстью вверхъ, въ такихъ-же шапкахъ, въ родѣ русскихъ треуховъ, въ кожаныхъ широкихъ штанахъ, въ сапогахъ, скроенныхъ изъ разныхъ тюленьихъ кожъ,—бредетъ нѣсколько камчадальскихъ семействъ по горамъ, рѣкамъ и озерамъ. Гдѣ возможно плыть по рѣкѣ, ѣдутъ на б о т т а х ъ, то есть лодкахъ, а гдѣ нельзя,—перетаскиваются съ рѣки на рѣку, съ озера на озеро,

тащa при этомъ, какъ ботты, такъ и всю кладь, сами на себѣ и на своихъ собакахъ. Женщины несутъ за спинами въ мѣшкахъ, придѣланныхъ къ куклянкамъ, грудныхъ дѣтей, а на головахъ разную домашнюю утварь; мущины-же перегнувшись до земли, тащутъ тяжелую кладь. И трудно по одеждѣ отличить мущинъ отъ женщинъ: всѣ они одинаково средняго роста, плечисты, приземисты; и вся разница, что у женщинъ волосы заплетаются во множество косичекъ, а у мущинъ въ двѣ, и сапоги на женщинахъ до колѣнъ, а у мущинъ короткіе.

Идутъ камчадалы прямо къ морю, спугивая съ озеръ стаи лебедей, гусей, утокъ, гагаръ.

Но весна уже пришла; подымаются отовсюду густые туманы, перепадаютъ часто дожди, и, вотъ, гдѣ-то далеко прогремѣлъ громъ.

— Это,—говорятъ, камчадалы,—Кутха ботты таскередъ; то-есть прародитель ихъ Кутха перетаскиваетъ свои ботты (лодки), также, какъ и они, съ рѣки на рѣку.

Вотъ блеснула молнія, и камчадалы думаютъ, что это духи гаммулы выбрасываютъ изъ своихъ небесныхъ юрть оставшіеся головни.

А вотъ и радуга показалась, и камчадалы видятъ въ ней новую россомашичью куклянку Кутхи.

Недалеко однако и море. Слышится свирѣпый прибой морскихъ волнъ. Разносится по горамъ

несмолкаемый рев тюленей, сивучей; писчать морскіе коты,—опять стало быть для камчадаловъ обильная добыча. И, какъ подойдутъ камчадалы къ морю, такъ тутъ-же первымъ дѣломъ и начнутъ подкарауливать сонныхъ тюленей. Надѣвши сами на себя тюленьи шкуры, они тихо, подъ вѣтромъ, крадутся къ тюленямъ, и не успѣютъ несчастныя животныя, проснувшись, добѣжать до рѣки, какъ камчадалы оглушаютъ ихъ крикомъ и перебиваютъ всѣхъ до единаго. Бьютъ камчадалы тюленей, загоняя ихъ въ моржевыя сѣти, протянутыя поперекъ рѣки, — бьютъ кольями, острогами, а не то просто палками, камнями; и нѣтъ для камчадала деликатнѣй купанья, какъ тюленій жиръ и мясо. Камчадалы за то и обращаются съ костями убитыхъ тюленей съ особымъ, даже религіознымъ, почетомъ. Послѣ прибыльнаго промысла, обдереть камчадалъ съ тюленьихъ головъ мясо и положитъ челюсти посредѣ юрты на полъ. Войдетъ затѣмъ въ юрту другой камчадалъ съ мѣшкомъ, въ которомъ находится нѣсколько кореньевъ и береста, и также положитъ среди юрты. Около большого камня, обозначающаго морской берегъ, насыпятъ камчадалы множество маленькихъ камешковъ, что представляетъ будто бы волны; свяжутъ затѣмъ изъ травы какіе-то пучки, изображающіе какъ-бы тюленей, и, попотчивавши эти чучела, какъ дорогихъ гостей, икрой, брусникой, сушенымъ кипре-

емъ и жиромъ, волочатъ ихъ потомъ по мелкимъ камнямъ, будто по морю.

— Теперь всѣ тюлени будутъ думать,—разсуждаютъ камчадалы, — что гостить въ юртахъ пріятно; такъ какъ въ юртахъ у камчадаловъ и море, и угощенье есть.

Послѣ сдѣланнаго тюленямъ угощенья, камчадалы всѣ вдругъ выбѣгаютъ изъ юрты, и, прокричавъ что-то изо всей силы по направленію къ морю, точно зови тюленей, снова бѣгутъ въ юрту и снова таскаютъ травяныя чучела по камешкамъ, а потомъ второй разъ, продѣлывая тоже, кричатъ еще сильнѣе прежняго. Послѣ третьяго раза, они кладутъ въ мѣшокъ тюленьи челюсти, и, каждый, называя себя по имени, просятъ дорогихъ гостей жаловать почаще, такъ какъ у камчадаловъ и пріемы такимъ гостямъ, какъ тюлени, богатые, и провожанье съ подарками. При этомъ, положивъ въ мѣшокъ вмѣстѣ съ челюстями и нѣкоторые незначительные припасы, они просятъ, обращаясь къ челюстямъ, отнести эти припасы утонувшимъ въ морѣ камчадальскимъ сродникамъ; а въ заключенье всѣхъ такого рода церемоній, они выбросятъ чтимыхъ гостей вонъ изъ юрты, и тутъ уже станутъ угощать самихъ себя,—и угощенью этому не бываетъ иной разъ конца.

Вотъ къ пиру подъѣхали сосѣди изъ ближняго острожка, и пиръ попелъ на всю ночь. Нато-

пили хозяева для подчиванья сосѣдей юрту, какъ баню, раздѣлись до нага; раздѣлись и гости, — и засѣли всѣ другъ противъ друга у огня. Хозяева то накаливаютъ на огнѣ каменья, поливая ихъ для большаго жара холодной водой, то спѣшатъ подчивать своихъ гостей разнымъ варевомъ. Одинъ изъ хозяевъ суетъ въ ротъ гостю тюленье мясо, другой, накроивъ длинными ремнями тюленьяго жиру, суетъ ему въ горло лѣвой рукой жиръ, крича та, то-есть на, а правой отрѣзаетъ ту часть, которая не лѣзетъ уже въ ротъ. Усердно глотаетъ гость кусокъ за кускомъ, но еще усерднѣе занимается своимъ угощеньемъ хозяинъ. Гость наѣлся наконецъ до того, что проситъ пощады, а у хозяина тутъ только и разыгрывается страсть къ подчиванью, и онъ еще старательнѣе суетъ своему гостю жирный кусокъ. Гость спасается въ этомъ послѣднемъ случаѣ посредствомъ подарковъ. Онъ даритъ хозяину,— котораго современемъ, въ свою очередь, будетъ такимъ-же способомъ угощать и также доведетъ до отдариванья,—лучшихъ своихъ собакъ, а береть взамѣнъ чуть не калѣкъ, отдаетъ свою новую, сшитую изъ россомахи и окаймленную внизу разными цвѣтами, на подобіе радуги, кукляшку, а получаетъ за нее отъ хозяина чуть не обноски. Но пиръ еще не конченъ. Хозяева для веселья поятъ гостей опьяняющимъ настоемъ мухомора,— пьютъ его и сами; и тутъ являются на сцену у

подпившихъ камчадаловъ пѣсни, пляски и различнаго рода комическія представленія и передразниванья. Камчадалы большіе охотники до актерства. Камчадалъ представляетъ, какъ медвѣдь залѣзаетъ по горло въ рѣчку и сидитъ тамъ не шевелясь, чтобы мелкая рыбка, принявъ его шерсть за траву, забилась въ нее; и тутъ-же передразниваетъ, какъ медвѣдь отряхивается потомъ, когда выйдетъ на берегъ и ѣстъ пойманную рыбу. Иногда мужчина изображаетъ медвѣдя, а женщина медвѣдицу. Иногда кричатъ по утиному, по гусиному, подражаютъ очень вѣрно реву и голосамъ разныхъ звѣрей, а не то заголосятъ вдругъ пѣсню, на голосъ морской утки; въ заключеніе же начнется и пляска. Въ плескѣ участвуютъ всѣ: пляшутъ мужчины, женщины, дѣти, даже старики; и пляшутъ на разные лады, и часовъ по двѣнадцати по пятнадцати къ ряду. Иногда выходятъ плясать всѣ вдругъ, и скачутъ, какъ куропатки, а не то ходятъ какъ гуси, стараясь подражать гусямъ во всемъ.

Вышли бабы, сѣли посередь юрты, запѣли, замахали руками, закричали на разные голоса птицъ и звѣрей, пошли затѣмъ быстро передергивать плечами, мотать головой; тутъ-же стали выскакивать одинъ за другимъ спрятавшіеся по угламъ мужчины; и сперва одинъ, захлопавъ въ ладоши, какъ бѣшеный, началъ себя бить въ грудь и по бедрамъ, затѣмъ давай кружиться, вертѣться на

одномъ мѣстѣ: за нимъ вскорѣ изъ другого угла съ такимъ-же бѣшенствомъ вылетѣлъ другой, а тамъ третій,—и такъ всѣ.

Потомъ запрыгалъ кто-то какъ лягушка,—и за нимъ поочередно запрыгали остальные: наконецъ, вскочивъ на ноги, подняли всѣ руки кверху и закружились... И плясали-бы такъ камчадалы, не желая другъ другу уступить въ усердіи. до утра и до послѣднихъ силъ; но. какъ зачастую бывало у нихъ на морскихъ промыслахъ, кто-то крикнулъ у юрты: „курильцы!“; и пировавшіе, подхвативъ быстро свои копья и стрѣлы, опрометью бросились, кто какъ былъ, и, выбѣжавъ изъ юрть, они сперва оглядѣлись во всѣ стороны, а потомъ съ неистовымъ крикомъ пустились бѣжать къ морю.

Тамъ, дѣйствительно, недалеко отъ берега, на своихъ лодкахъ—б а й д а р а х ъ, были курильцы. Заслышавъ праздничные крики, они, вѣроятно, собирались напасть на пирующихъ врасплохъ. Увидя ихъ, опьянѣлые отъ мухомора камчадалы храбро вскочили въ свои б о т т ы (лодки), пустили въ курильцевъ нѣсколько стрѣлъ, но легкія морскія курильскія байдары скользнули быстрой тѣнью по водѣ, и курильцы скрылись. Камчадалы бросились было догонять ихъ, но въ морѣ на боттахъ далеко идти нельзя, и послѣ долгихъ и тщательныхъ усилій, они вернулись обратно, вполнѣ увѣренные, что курильцы явятся снова.

Осмотрѣли камчадалы по этому случаю свое оружіе, достали все, что у нихъ было въ запасѣ, — костяныя и каменныя стрѣлы и копья; взяли топоры, сдѣланные изъ оленьей и китовой кости и изъ ямы; достали также острокопечные ножи изъ горнаго зеленаго и дымчатаго хрусталя, и, наостривъ ихъ, а также намазавъ стрѣлы и копья ядовитой травой, приготовились такимъ образомъ какъ слѣдуетъ къ предстоящему бою.

И въ самомъ дѣлѣ, курильскія байдары утромъ снова показались на морѣ, но снова скрылись. Камчадалы ждали ихъ до полудня: и вдругъ замѣтили, что вдали на скалѣ у моря что-то чернѣется. Оставивъ у юрть нѣсколько караульныхъ, они побѣжали къ морю, прячась за скалы и каменья. Бѣгутъ они, едва переводя духъ, переползаютъ въ открытыхъ мѣстахъ, не сводя глазъ съ чернѣющихся на скалѣ фигуръ, но фигуры къ ихъ удивленію, не двигаются; онѣ точно лежатъ совершенно спокойно на одномъ мѣстѣ. Камчадаламъ уже недалеко до нихъ: и, вотъ, вытянулась передъ ихъ глазами одна большая фигура; и вдругъ послышался страшный, протяжный ревъ сивуча. Камчадалы поняли, что они обманулись; но добыча сивучей,—весьма отрадная добыча, и, притаившись за каменьями еще осторожнѣе и осмотрительнѣе, чѣмъ это было-бы отъ курильцевъ, они стали совѣтываться откуда лучше зайдти на сивучей подъ вѣтеръ. Посовѣтовавшись и поспоря,

повернули немного назадъ, обогнули нѣсколько пригорковъ; и только стали было подползать, какъ поднялся еще одинъ сивучъ и тоже заревѣлъ. Тутъ дѣлать ужъ было нечего, приходилось, пока еще нѣкоторые изъ сивучей спятъ, броситься на нихъ немедленно и бить. Проснувшіеся сивучи, завидѣвъ камчадаловъ, подняли свои щетинистыя гривы, и послышался ихъ тяжелый вздохъ; а камчадалы мгновенно спустили свои стрѣлы, — и поднялась жестокая бойня. Одному сивучу, загребавшему уже по берегу своими лапами, они пересѣкли къ морю дорогу; и сивучъ заревѣлъ, точно левъ, и, замотавъ своей гривистой головой, самъ бросился на своихъ враговъ. Другой сивучъ метался весь израненый на скалѣ; и камчадалы прикололи его копьями. Нѣкоторые раненые успѣли уйдти въ море, но камчадалы и тутъ пустили въ нихъ стрѣлы, зная, что сивучи не вытерпятъ раны, которая разъѣдается морской водой, и измученные сами приплывутъ обратно къ берегу.

Страшно и отчаянно ревѣли въ этой бойнѣ сивучи, также дико кричали торжествующіе камчадалы; но вдругъ издали донесся еще чей-то болѣе ужасный ревъ,—и въ это же время въ сторонѣ острожка показались оставшіеся на карауль камчадалы. Они махали руками, палками; звали видимо къ себѣ. У промышляющихъ мелькнула было мысль о курильцахъ, но со стороны острож-

ка разнесся вторичный ревъ,—и стало явственно слышно, что это былъ ревъ загнаннаго въ заливъ касатками кита. Для ловли кита у камчадаловъ не было моржевыхъ ременныхъ сѣтей, которыми ловятъ китовъ въ тѣхъ мѣстахъ на Камчаткѣ, гдѣ бываютъ киты и гдѣ камчадалы занимаются ихъ ловлей; не было также морскихъ байдаръ, но добыча была слишкомъ соблазнительна; и выпустить такую добычу изъ рукъ слишкомъ было-бы обидно.

На заливѣ океана, вдали передъ острожкомъ, китъ отъ чего-то видимо обезсиленный, поднялся спиной на поверхность воды; надъ нимъ летали стадами чайки, его по всѣмъ признакамъ несло къ берегу; и онъ то ударялъ хвостомъ по водѣ и скрывался въ поднятыхъ имъ-же волнахъ, то снова показывался какъ пластъ на поверхности; и чѣмъ онъ рѣже ныряль, тѣмъ ревъ его становился слабѣе, глуше, и тѣмъ движенія его были медленнѣе и тише. Камчадалы поняли, что китъ уже издыхаетъ, изуреный и некусаный касатками; но на боттахъ подъѣзжать къ киту было опасно; касатки могутъ перевернуть боттъ; вслѣдствіе чего камчадалы и не ходятъ никогда на промыселъ за касатками; а, боясь ихъ, только издали дружески разговариваютъ съ ними. Касатки-же не разъ уже показывались возлѣ изнемогающаго кита, но затѣмъ онѣ мелькнули далеко въ другомъ мѣстѣ; китъ-же по всѣмъ признакамъ

остался одинъ; а когда касатки показались еще дальше у самого океана и когда онѣ наконецъ положительно скрылись,—тогда уже камчадалы и помчались на своихъ боттахъ къ киту. Они пустили въ него нѣсколько стрѣлъ, но китъ и безъ того уже едва показывалъ признаки жизни. Отъ брошенныхъ стрѣлъ онъ однако еще разъ задвигался, но уже не издавъ ни малѣйшаго звука; и камчадалы, подъѣхавъ къ нему, спокойно привязали его ремнями и поволокли къ берегу.

На берегъ по этому случаю высыпали изъ юрть всѣ женщины и дѣти. Надѣвши лучшія свои платья, они кричали, бѣгали, скакали, а камчадалы съ разными обрядами и церемоніями вытащили чудовищное животное. Они тутъ же стали его сейчасъ. обчищать, рѣзать, и тутъ-же, вынимая изъ него свои стрѣлы, вынули неожиданно и нѣсколько чужихъ стрѣлъ,—это, видимо, были стрѣлы курильцевъ. Промычавъ что-то недовольнымъ голосомъ, камчадалы живѣе прежняго засуетились около кита. Каждый отмѣривалъ себѣ кожу животнаго на ремни и подошвы, вырѣзывалъ китовые усы на сѣти, а потомъ добрались и до челюстей, которыя идутъ на полозья для санокъ, а также на разныя кольца и на вязки для собакъ. Женщины отбирали кишки, которыя служатъ у камчадаловъ вмѣсто кадокъ и бочекъ; и стало уже темнѣть, а камчадалы все еще дѣ-

лили общую добычу. и только къ полуночи кое-какъ съ нею управились.

Съ радостными и сіяющими лицами вернулись они тогда въ свои юрты, хотя мысль о курильцахъ не покидала ихъ, и, нѣтъ-нѣтъ, они заговаривали о предстоявшемъ на нихъ нападеніи. Тогда одинъ изъ камчадаловъ, сильно добивавшійся руки молодой дѣвушки, чтобы показать ея отцу свое удальство и неустрашимость, отправился на высокую прибрежную скалу караулить курильцевъ; послѣ чего остальные, поговоривъ о курильцахъ и наѣвшись китоваго жира и мухоморовъ, успокоились и уснули.

Камчадалъ-женихъ, справлявшій уже цѣлый годъ въ юртѣ отца невѣсты всю тяжелую работу, стоя на карауль и глядя на волнующееся море, задумался о вождѣленномъ концѣ его усилій и о томъ скоромъ для него днѣ. когда онъ будетъ хватать свою невѣсту, то-есть жениться. Ему представилось. какъ за ней ходятъ и слѣдятъ повсюду охраняющіе ее женщины и дѣвушки; представилось, какъ онъ улучитъ минуту, когда этихъ сторожей случится поменьше и какъ онъ при этомъ бросится на свою невѣсту. Но невѣста крѣпко, конечно, будетъ опутана рыбьими сѣтями, будетъ увязана ремнями; и все это потребуется разорвать. Но, когда онъ начнетъ рвать, тогда женщины бросятся на него. подымутъ крикъ. на ихъ зовъ прибѣгутъ другія. и станутъ его бить, ца-

рапать ему лицо, и онъ не выдержитъ, и окровавленный отойдетъ прочь; но какъ только залѣчитъ раны, то снова соберется съ силами и опять пойдетъ хватать невѣсту. Тутъ, представляется ему уже другая картина: на этотъ разъ онъ разорветъ сѣти, и отбѣжитъ сейчасъ-же прочь, а невѣста дастъ рукой знать о его побѣдѣ и прокричитъ умильнымъ и жалобнымъ голосомъ: „ни, ни“. Тогда онъ увезетъ ее въ свой острожекъ, а потомъ черезъ нѣсколько дней пріѣдетъ съ ней навѣстить ея отца и мать, и пойдетъ у нихъ пиръ; затѣмъ пріѣдутъ къ нему гости и будетъ пиръ у него.

И, увлекшись такими мечтами, лежа на скалѣ, камчадалъ запѣлъ нѣсню. Пѣлъ онъ все, что ему приходило въ голову о невѣстѣ, а потомъ сталъ глядѣть на блестящія звѣзды, на сіяющій надъ океаномъ мѣсяцъ; и долго еще не оставляла его мечта о скоромъ пріобрѣтеніи невѣсты. Но мало-по-малу эта мечта смѣнялась другими, и камчадалъ сталъ переноситься мыслью къ окружающему міру. Думаетъ онъ, что кромѣ коряковъ, живущихъ по одну сторону отъ него, и кромѣ курильцевъ, живущихъ на островахъ по другую сторону, нѣтъ больше на свѣтѣ людей. Думаетъ онъ и о землѣ, которая по его мнѣнію плоская, и о томъ, что когда на другой сторонѣ земли зима, у камчадаловъ лѣто, а когда у камчадаловъ зима, то тамъ лѣто. что подъ землей небо, а подъ не-

бомъ еще земля; но дальше этого не идетъ его фантазія. Смотря-же на небо, на звѣзды, на луну, онъ и не помышляетъ о Творцѣ всего этого, не чувствуетъ ни страха, ни благоговѣнія: Бога, по его понятіямъ, нѣтъ, а есть прародитель камчадаловъ Кутха, который жилъ прежде на Камчаткѣ и по разнымъ рѣкамъ оставилъ послѣ себя разное потомство. Кромѣ Кутхи, камчадалъ насчитываетъ еще нѣсколько морскихъ, горныхъ и лѣсныхъ божковъ да деревянныхъ идоловъ, которые у камчадаловъ не въ особомъ почетѣ, и камчадалы бросаютъ имъ въ жертву какія нибудь скудные остатки своей пищи, а затѣмъ при каждой неудачѣ въ чемъ нибудь однихъ идоловъ замѣняютъ другими. Представляются камчадалу и злые духи, но они ему видятся только въ томъ, чего онъ боится и что можетъ причинить ему какой либо вредъ. Думаетъ онъ при этомъ и о вѣчности міра, и полагаетъ, что какъ онъ самъ, такъ и всѣ живущіе, даже каждая муха—безсмертны, и что послѣ жизни на землѣ богатые станутъ бѣдными, а бѣдные богатыми. Размышляя такъ, онъ представляетъ себѣ тутъ-же и невѣсту свою на томъ свѣтѣ; и, задремавши при такихъ безконечныхъ размышленіяхъ, онъ уже забылся совсѣмъ, забылъ и о курильцахъ, которыхъ долженъ высматривать; какъ, вдругъ, недалеко возлѣ него раздался какой-то стукъ, какой-то порохъ.

Курильцы были почти передъ носомъ.

Камчадалы съ Курильцами.

Такого-же роста и такіе-же смуглые и скуластые, какъ камчадалы, но бойкіе и отважные, они шли недалеко по берегу, натягивая свои луки. Кукляшки ихъ сшитыя изъ птичьихъ кожъ, пестрѣли при лунномъ свѣтѣ разными цвѣтами гагаръ, лебедей, орловъ, чаекъ; на головахъ качались птичія перья; и караульный камчадалъ ясно видѣлъ, что они идутъ прямо на него. Онъ струсилъ, что всегда случается со всѣми камчадалами,—бросился бѣжать, но не успѣлъ еще онъ вскочить въ юрту и крикнуть, какъ мимо его пролетѣла стрѣла, и курильцы были уже у самаго острожка. Въ острожкѣ поднялся крикъ, вопль; женщины съ дѣтьми разсыпались,—кто куда,—по оврагамъ, въ горы, въ лѣсъ; курильцы смѣшались съ камчадалами, и застучали, и заблистали ножи и копья. Въ одномъ мѣстѣ храбрый и проворный курилецъ былъ уже въ камчадальской юртѣ и грабилъ изъ нея все, что попадалось ему подъ руки; въ другомъ—курилецъ неистово дрался съ камчадаломъ и побѣждалъ послѣдняго; тутъ-же вспыхнула одна изъ юртъ, и въ заревѣ было видно, какъ курильцы потащили къ морю что то барахтавшееся и вырывавшееся, какъ они разносили юрту за юртой, и метали стрѣлы въ бѣгущихъ во всѣ стороны несчастныхъ камчадаловъ.

Послѣ погрома юртъ, у моря раздался еще разъ женскій жалобный крикъ; но курильскія байдары мелькнули какъ чайки, и все стихло.

На другой день бѣжавшіе камчадалы вернулись обратно къ своимъ разоренным жилищамъ, но отъ кита нашли уже кой-какіе остатки мяса, отъ сивучей и тюленей тоже, и все было раскидано и разбросано. Многаго понятно не взяли курильцы, такъ какъ некуда было захватить, но все оказалось непорченымъ, разбитымъ, разорваннымъ, а на землѣ, около балагановъ, лежалъ въ крови убитый и весь истерзанный одинъ изъ камчадаловъ. Всплеснули руками надъ трупомъ жена и родные, и сперва они тихо поплакали а потомъ оттащили трупъ на ремнѣ къ собакамъ. Камчадалы вѣрили, что когда покойника съѣдятъ собаки, то на томъ свѣтѣ онъ будетъ ѣздить на хорошихъ собакахъ. Какой-то камчадалъ голосилъ, не дождавшись жены; пропало два подростка-ребенка, а бывшій караульный-женихъ сновалъ какъ сумасшедшій изъ юрты въ юрту, бѣгалъ по оврагамъ, въ горы; но, увы!—его невѣсты тоже нигдѣ не оказалось...

Камчадалъ, потерявшій жену, погоревалъ часъ-другой, а потомъ, принарядивъ каменнаго болвана въ ея праздничную куклянку и сапоги, легъ съ нимъ спать, и сталъ тутъ-же какъ ни въ чемъ не бывало забавлять свою каменную жену и шутить съ ней. Побродилъ также еще день по острожку, проработавшій даромъ годъ, неутѣшный женихъ; но и онъ скоро успокоился, отправившись обратно

въ свой острожекъ и найдя тамъ въ другомъ острожкѣ новую невѣсту.

Такимъ образомъ послѣ погрома все затихло, и морскіе промыслы пошли у камчадаловъ своимъ чередомъ,—прибыльно и весело. Опять десятками считались сивучи, тюлени, бѣлуги, бобры, и жерди передъ юртами были полны тысячами разныхъ рыбъ, вывѣшанныхъ для сушки, а женщины также понапасли за лѣто множество ягодъ, травъ, кореньевъ и наѣлись вдоволь пауковъ, чтобы рожать побольше дѣтей.

Наступила однако и осень. Голые камчадалы смѣнили опять свою лѣтнюю одежду, состоящую изъ одного ременнаго пояса съ мѣшечкомъ напереди и съ мохрами назади, на теплыя ременныя кухлянки. Женщины въ это время ходили уже по полямъ и постукивали палками, разыскивая такимъ способомъ норы, куда мыши позапрятали собранную ими сарану. Но вотъ уже дождь, и снѣгъ, и холодный вѣтеръ, и опять густые туманы,—и заволокли они все море и горы. Стали камчадалы собирать и привязывать бѣгавшихъ по волѣ собакъ, принялись за справку саней и сбруи, и какъ только выпалъ глубокій снѣгъ и подморозило,—потянулись веренцы камчадальскихъ саней по направленію къ зимнимъ острожкамъ. Маленькія, короткія саночки,—такія, что двумъ едва можно сѣсть, завалены были тяжелыми промысловыми кладями, и камчадалъ пра-

вилъ ими на горахъ и при спускахъ съ помощью ногъ и большой палки, называющейся о п т о л о м ъ. Онъ постоянно кричалъ на собакъ „аахъ, аахъ", погоняя ихъ такимъ возгласомъ и приговаривалъ „ко, ко, ко", сдерживая ихъ при крутыхъ спускахъ. Но путь былъ не далекъ,—его можно было и не считать по ночамъ, какъ мѣрили камчадалы большія разстоянія; камчадалъ совершилъ этотъ путь меньше чѣмъ въ день. Разгрузившись въ зимнемъ острожкѣ, онъ бросилъ собакамъ, спустя нѣсколько часовъ послѣ отдыха, по половинѣ юколы и зорко прослѣдилъ за тѣмъ, чтобы каждая съѣла свою порцію. А на другой день онъ летѣлъ уже на этихъ собакахъ на охоту, и, вмѣсто крика, чтобы не испугать лѣснаго звѣря, постукивалъ только по полозу, когда нужно ему было поворотить направо и билъ оптоломъ наотмашь по снѣгу, въ лѣвую сторону, когда хотѣлъ поворотить налѣво. Въ лѣсу онъ наставилъ множество капкановъ на соболей, убилъ огневку-лисицу, а вечеромъ, сидя въ юртѣ за своимъ постояннымъ варевомъ, принялся за сказки и за разсказы о томъ, гдѣ кто былъ и что видѣлъ. Тутъ шли одна за другой весьма причудливыя сказки, до которыхъ камчадалы большіе охотники; являлись импровизаціи и безконечные разсказы. Разскажетъ какую-либо страшную сказку одинъ камчадалъ, его перебьетъ сейчасъ же разсказомъ о небывалой были другой; вспомнитъ кто-либо о

какомъ-то загадочномъ происшествіи; и тутъ же разойдется во всю съ разными выдумками какой-либо балагуръ. Судачатъ камчадалы про сосѣдей; всѣхъ ихъ пересмѣютъ и передразнятъ; моютъ бока корякамъ и курильцамъ; разсказываютъ и объ охотѣ; и звѣрей-то всѣхъ пересудятъ и пересмѣютъ. А нашелся камчадалъ, который былъ на Курильскихъ островахъ, и вотъ онъ повѣствуетъ о курильской землѣ и о жизни куриловъ.

„Переѣзжать,—говоритъ онъ,—съ мыса Лопатки на первый курильскій островъ очень страшно. Ходитъ тамъ во всякую погоду морской валъ—выше горы; бѣлый, свирѣпый этотъ валъ; и курильцы, боясь его, приносятъ ему въ жертву своихъ идольчиковъ,—деревянныя стружки. Самые-же курильскіе острова скалистые, горы на нихъ есть выше облаковъ, и по всѣмъ горамъ и скаламъ множество птицъ. Курилы ѣдятъ этихъ птицъ, ѣдятъ и морскихъ звѣрей, за которыми гоняются по океану; но рыбы у нихъ мало".

Камчадалъ при такомъ многозначительномъ заявленіи покачалъ головой и выразилъ на своемъ лицѣ сожалѣніе, какъ-бы говоря: „несчастные они послѣ этого!"

Продолжая свой разсказъ, камчадалъ сообщилъ, что живутъ курильцы въ юртахъ, живутъ дружно, никогда не ссорятся. ѣздятъ съ острова на островъ другъ къ другу въ гости, и, когда пріѣдутъ гости, то хозяева, разодѣвшись въ

праздничное платье, встрѣчаютъ гостей со стрѣлами и копьями. Они патянутъ луки, какъ на войнѣ, станутъ рядомъ другъ противъ друга, а потомъ сойдутся и начнутъ плясать, обниматься, цѣловаться, даже плачутъ отъ радости. При этомъ разсказчикъ принялся представлять, какъ они обнимаются, цѣлуются и сталъ передразнивать, какъ они говорятъ, какъ потчуютъ гостей и какъ въ заключеніе какой-нибудь старикъ, которые у курильцевъ всегда въ большомъ почетѣ, сообщаетъ гостямъ обо всемъ у нихъ случившемся. Передразнивая старика, камчадалъ старческимъ шепелявымъ голосомъ сталъ отъ имени старика говорить, какъ курильцы жили и промышляли за то время, что не видались съ сосѣдями, кто за это время у нихъ умеръ, какъ его закопали въ землю, и, разсказывая объ этомъ, онъ представлялъ тутъ-же и внимательныя физіономіи окружающихъ, съ которыми курильцы слушали старика.

Вспомнилъ разсказчикъ и о курильскихъ поединкахъ. „Выйдутъ, говорилъ онъ, другъ противъ друга съ палками, толщиною въ руку, и сперва одинъ изъ дуелистовъ ударитъ со всей силы три раза по спинѣ другого; а потомъ второй перваго, и такъ до трехъ разъ... Жестоко бьются“,—замѣтилъ камчадалъ, и при этомъ скорчилъ такую гримасу, какъ будто его тутъ-же и самого били.

На разспросы-же слушателей,—какія у курильцевъ жены, дѣти, какія юрты и собаки,—разска-

ницкъ отвѣчалъ, что и жены, и дѣти, и юрты, все у нихъ такое-же, какъ и у камчадаловъ; но что зимою курильцы ходятъ на лыжахъ, а не ѣздятъ на собакахъ, и что собаки у нихъ только для охоты за звѣрями. Камчадалы были удивлены этимъ извѣстіемъ, и, грустно покачавъ головами, проговорили въ одинъ голосъ: „что-же и за жизнь безъ ѣзды на собакахъ!..“

Сталъ, наконецъ, разсказывать онъ и о страшныхъ наводненіяхъ, которыя бываютъ на курильскихъ островахъ, о постоянныхъ землетрясеніяхъ... Но тутъ перебилъ его одинъ изъ слушателей, сообщивъ о томъ, что и у нихъ недавно изъ сосѣдней горы пошелъ сильный дымъ и вся земля затряслась.

Потолковали камчадалы по этому случаю и о своихъ повсюду дымящихся горахъ; и вспомнили, конечно, о покойникахъ, которые, по ихъ понятіямъ, живутъ въ этихъ отдаленныхъ юртахъ, и, когда гора пышетъ огнемъ и выбрасываетъ камни, то это значитъ, что покойники топятъ свои подземныя юрты и выбрасываютъ изъ нихъ головни. Поговорили, какъ покойники питаются вкусными китами, которыхъ ловятъ въ подземномъ морѣ. И такъ долго-бы, безконечно тянулись у словоохотливыхъ камчадаловъ разсказы за разсказами, если-бы не привелъ всѣхъ въ изумленіе необычайной новостью одинъ изъ побывавшихъ лѣтомъ въ дальнихъ сѣверныхъ острожкахъ. Тамъ

онъ слышалъ, будто-бы идутъ изъ корякской земли новые огненные люди и будто-бы идутъ они прямо на камчадальскую землю. Такое неожиданное и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное извѣстіе прервало всѣ разсказы и повергло камчадаловъ въ уныніе.

А огненные люди, — это и были атаманъ Атласовъ съ шестьюдесятью казаками, завоевавшими въ одинъ походъ всю Камчатку.

Казаки Атласова, провѣдавши, конечно, отъ камчадаловъ о курильцахъ, добрались и до курильскихъ острововъ; но тутъ они встрѣтили весьма храброе сопротивленіе. Первый островъ, на которомъ жили камчадальскаго происхожденія курилы, подчинился казакамъ довольно скоро, хотя и не безъ отчаяннаго боя и неоднократныхъ возмущеній; но остальные острова держались весьма долго и упорно. На нихъ жили настоящіе курилы, какъ называли этотъ народъ казаки, вслѣдствіе повсюду курившихся или дымившихся на островахъ горъ, или-же, какъ сами себя курилы называли аӣ у (айносы), что на ихъ языкѣ обозначало не особое названіе ихъ племени, а просто человѣкъ, житель. Они мало походили на камчадаловъ и были чисто монгольскаго племени. Средняго роста, преземистые, какъ и всѣ вообще приморскіе жители, они были значи-

тельно красивѣе и развязнѣе камчадаловъ. Лицо не такое плоское, иногда круглое и даже правильное, смуглый цвѣтъ кожи покрытъ густыми черными волосами; и волосы свои они никогда не брили и даже мало подрѣзали, отчего лицо всегда обростало до самыхъ глазъ, а окладистая борода, которая заплеталась въ двѣ, три косы, достигала у нѣкоторыхъ до пояса и закрывала всю грудь. Самая-же волосатая порода курильцевъ, извѣстная подъ именемъ мохнатыхъ, обрѣталась на югѣ, на островахъ, прилегающихъ къ Японіи. Эта порода была воинственнѣй и независимѣй всѣхъ другихъ.

Звѣроподобные однако и какъ-бы страшные на видъ курилы, тѣмъ не менѣе, по разсказамъ казаковъ и путешественниковъ, далеко не отличались жестокими и суровыми качествами дикарей. Напротивъ, они нрава кроткаго, добродушны, скромны, вѣжливы, живутъ дружно, уважаютъ стариковъ, а къ родственникамъ питаютъ нѣжную привязанность. Гостей курилы встрѣчаютъ, выряднвшись въ лучшее платье, вооруженные; при чемъ низко до земли кланяясь, они прикладываютъ въ знакъ почтенія руки къ лицу, затѣмъ къ бородѣ и къ животу.

Съ однимъ изъ русскихъ, покорявшихъ курильскіе острова, былъ слѣдующій случай. Расположившись на островѣ, онъ раскинулъ палатку и ждалъ двухъ атамановъ (тоеновъ; т. е.

князей), пожелавшихъ, по увѣренію мѣстныхъ курильцевъ, принять подданство. Когда показались на морѣ байдары съ атаманами, то мѣстные мохнатые курильцы заходили вдругъ вдоль берега съ копьями и обнаженными саблями, выкидывая какъ-то браво ноги вверхъ. Они при этомъ кричали нелѣпымъ звѣрообразнымъ голосомъ, скакали, а женщины, бѣгая позади ихъ, пищали тонкими, визгливыми голосами. Атаманы на байдарахъ подняли обнаженныя сабли и копья, и также неистово кричали, а когда сошли на берегъ, то, смѣшавшись въ одну толпу съ береговыми, сперва заскакали всѣ вмѣстѣ, а потомъ атаманы, проходя передъ толмачемъ (переводчикомъ) какъ-бы въ парадѣ, держали надъ его головой обнаженныя сабли. Русскіе, опасаясь нападенія и приявъ ихъ воинственный видъ за намѣреніе броситься въ сабли, вооружились и выстроились фронтомъ, выбравъ извѣстное мѣсто для защиты. Оказалось однако, что весь этотъ воинственный обрядъ совершался въ знакъ увѣренія въ дружбѣ. Окончаніемъ его было дѣйствительно принятіе подданства.

Родственниковъ и близкихъ однолеменниковъ курилы принимали еще съ большимъ почтеніемъ; они становились на колѣни и, простирая объятія, цѣловались, обнимались; при чемъ у иныхъ выступали на глазахъ даже и непритворныя слезы радости. Послѣ обычныхъ такого рода привѣт-

ствій, хозяева вступали съ гостями въ разговоръ о разныхъ новостяхъ, происшествіяхъ и слухахъ; до чего курилы такіе-же страстные охотники, какъ и камчадалы. Всякая неправдоподобная выдумка, передаваемая съ извѣстными прикрасами и добавленіями, возбуждала общее вниманіе, и всѣ слушали, стоя въ безмолвіи; когда-же разсказывалось что-либо смѣшное, то по правиламъ приличія, всѣ тихо посмѣивались, или только улыбались, чтобы не унизить достоинство говорившаго и не мѣшать разсказу. При разговорахъ-же курильцы всегда добродушно гогочатъ (го, го, го), поглаживая свои бороды, брюхо, или хлопаютъ въ ладоши.

Ихъ юрты, также какъ у камчадаловъ, съ однимъ отверстіемъ, служащимъ какъ дверью, такъ и дымовой трубой, но юрты строятся изъ дерева, четырехугольныя, съ плоской крышей и съ окошками изъ пузырей; у южныхъ-же или мохнатыхъ куриловъ вмѣсто юртъ балаганы на высокихъ столбахъ, обложенные сверху и съ боковъ травою.

Мущины курилы занимаются обыкновенно промысломъ разныхъ морскихъ звѣрей и птицъ, мясо которыхъ, по недостатку рыбы на островахъ, служитъ имъ запасомъ пищи на цѣлый годъ. Добыча пушныхъ звѣрей, бобровъ и лисицъ, всегда была главнымъ источникомъ ихъ торговыхъ выгодъ. Но кромѣ этого мущины занимаются постройкою юртъ и байдаръ. На обязанностяхъ-же

женщинъ лежитъ все хозяйство: онѣ готовятъ пищу, шьютъ одежду и обувь, выдѣлываютъ птичьи и звѣриныя кожи, а въ давнія времена выдѣлывали матерію для платья изъ лыка, и приготовляли нитки изъ китоваго уса и крапивы.

Религіозныхъ понятій совсѣмъ никогда не было у курильцевъ. Они говорили, что когда-то къ нимъ на землю сходилъ кто-то въ туманѣ съ неба но потомъ опять поднялся туда-же. Изъ живыхъ существъ они обожаютъ одного филина и также, какъ камчадалы, свято вѣруютъ въ прореканія шамановъ. Прежде они содержали во множествѣ деревянныхъ болванчиковъ, которыхъ почитали и которымъ приносили жертвы, заключавшіяся въ шкурѣ перваго убитаго ими звѣря. Болванчики, носившіе названіе юрутъ, выдѣлывались довольно искусно изъ тонкихъ стружекъ и держались въ юртахъ. Во время разъѣздовъ по островамъ вмѣсто болванчиковъ служили просто тонкія стружки,—пингулъ или пипахху, имѣвшіяся у курилъ нарочно въ большомъ количествѣ, чтобы бросать ихъ въ разъяренныя волны, въ жертву невѣдомымъ духамъ.

Какъ распространеніе христіанской религіи, такъ и обращеніе курилъ въ подданство шло очень медленно и продолжалось чуть не столѣтіе. Россія посылала одного развѣдчика за другимъ, одна экспедиція смѣняла другую; но курильцы то ожесточенно отстаивали свои неприступные берега и

свою независимость, то уходили съ острова на островъ и скрывались въ непролазныхъ горныхъ трущобахъ и по неизвѣданнымъ островамъ. Отстаивая свою свободу, они уже не нападали на камчадаловъ, какъ прежде до появленія русскихъ, а всѣ свои силы и энергію сосредоточили на защитѣ самихъ себя и своей собственности отъ огненныхъ людей.

Такъ первый курильскій островъ взятъ былъ послѣ ожесточеннаго боя, а на второмъ островѣ казаки встрѣтили курильцевъ въ такомъ множествѣ, что вернулись назадъ, и, спустя два года, явились съ двумя пушками и съ большимъ количествомъ снарядовъ. Тутъ они имѣли три боя, и, какъ гласитъ описаніе того времени, курильцы были зѣло жестоки. Но казаки все таки собрали ясакъ (дань), привели ихъ въ подданство; хотя далѣе на слѣдующіе острова идти не рѣшились и снова вернулись обратно.

Между тѣмъ по Европѣ ходила молва о существованіи на курильской грядѣ острова, богатаго серебромъ и золотомъ. Испанцы и голландцы искали его, а португальцы послали было и два корабля, полагая нагрузить ихъ драгоцѣнными металлами.

Вслѣдствіе этого, или по какимъ другимъ причинамъ, но и Россія стала впервые серьезно заботиться о пріобрѣтеніи курильскихъ острововъ и снарядила экспедицію съ навигаторами. Нави-

гаторы дошли до шестого острова. но, потерпѣвъ на утломъ судѣ морское крушеніе, навигаторы едва добрались на немъ обратно до Камчатки и Охотска. Спустя однако четыре года, новая вторая экспедиція прошла всѣ курильскіе острова; а казаки завладѣли еще двумя, но почти ненаселенными островами. Въ это-же время обезлюдѣлъ, покоренный уже давно, второй островъ, съ котораго курильцы вслѣдствіе притѣсненій и тягостнаго ясака, разбѣжались по разнымъ пустынымъ островамъ, гдѣ современемъ совершенно одичали и сдѣлались звѣринаго права. Потомъ, по прошествіи двадцати лѣтъ, составилась еще экспедиція; дошли до десятаго острова, но снова безуспѣшно; а затѣмъ до двѣнадцатаго, до четырнадцатаго, шестнадцатаго; хотѣли возвратить курильцевъ, бѣжавшихъ со второго острова, хотѣли подчинить южныхъ мохнатыхъ курильцевъ, но вслѣдствіе жестокаго обращенія съ ними одного завоевателя-казака, курильцы оказывали вездѣ сопротивленіе, или-же въ ужасѣ отъ приближенія русскихъ бѣжали и долго не сдавались. Мохнатые просили толмачей (переводчиковъ) объявить секретно русскимъ въ Камчаткѣ, чтобы присылали къ нимъ людей хорошихъ, обходительныхъ, а не такого казака-завоеватели и правителя, котораго они высмотрѣли весь нравъ сердитый и во многихъ случаяхъ непостоянство; да неужели-же и

всѣ русскіе таковы?—спрашивали курильцы. И курильцы сильно были озлоблены противъ русскихъ, такъ что когда одинъ изъ сибирскихъ промышленниковъ, явившись на восемнадцатый островъ, потребовалъ отъ мохнатыхъ ясакъ и сталъ съ ними обращаться также, какъ казакъ-завоеватель, то мохнатые перебили почти всѣхъ русскихъ. Затѣмъ отъ другого промышленника, прибывшаго къ нимъ черезъ нѣсколько лѣтъ, они бѣжали. И такъ долго слѣдовали неудача за неудачей, пока, наконецъ, и казаки, и промышленники не убѣдились, что жестокости только вредны. Тогда съ помощью добрыхъ и ласковыхъ отношеній, мало-по-малу, стали возстановливаться связи съ курильцами; и одинъ изъ весьма богатыхъ сибирскихъ купцовъ потратилъ на это дѣло много лѣтъ, много труда и денегъ.

Такимъ образомъ прошло чуть не столѣтіе, и только лаской и честностью русскіе достигли добрыхъ отношеній съ дикарями и привели ихъ, какъ въ подданство, такъ равно стали обращать и въ христіанство. Всѣ они теперь крещены, но, конечно, и теперь еще, поя на шеѣ кресты и образа, и говоря: мы живемъ какъ русскіе, — у насъ Богъ одинъ и Государь одинъ,—они тѣмъ не менѣе въ тихомолку держатся во многомъ старинныхъ своихъ обычаевъ и вѣры.

Теперь однако, какъ курильцевъ, такъ и камчадаловъ осталось весьма немного. Настоящіе

камчадалы встрѣчаются рѣдко, а ихъ языкъ вы услышите еще рѣже. На сѣверѣ Камчатки они слились съ коряками, на югѣ преобразились въ русскихъ, но большая часть совсѣмъ вымерла отъ гибельныхъ оспенныхъ эпидемій, которыя свирѣпствовали въ Камчаткѣ весьма продолжительное время. Тоже случилось и съ курильцами; ихъ можно еще видѣть на южной половинѣ острова Сахалина, на второмъ курильскомъ островѣ, но и они о себѣ горделиво говорятъ: „мы русскіе, а курильцы—это были мохнатые!“

ТУНГУСЫ.

(Ученая экспедиція Миддендорфа).

Съ давнихъ временъ множество ученыхъ экспедицій и путешествій совершено было по Сибири. Миллеръ. Палласъ, Врангель, Кастренъ, Шренкъ, Булычевъ, Кривошапкинъ и другія лица, какъ посылаемыя отъ Императорскаго Географическаго Общества, такъ и отъ Академіи Наукъ, напечатали свои научныя изслѣдованія; но къ самымъ позднѣйшимъ такого рода трудамъ принадлежитъ путешествіе академика Миддендорфа.

Миддендорфъ странствовалъ среди Самоѣдовъ, Остяковъ. Якутовъ, а съ Енисея онъ вступилъ и въ область Тунгусовъ. Тунгусы, не смотря на свою малочисленность, считаются главенствующимъ инородческимъ населеніемъ; они заняли самую обширную площадь Сибири. Миддендорфъ видѣлъ ихъ, начиная отъ Енисея до береговъ

Охотскаго моря и отъ земли Чукчей и Камчатки до Амура и Уссурійскаго края. Имъ, а также и якутамъ, принадлежитъ самая страшная и самая большая часть сибирской лѣсной пустыни, называемой тайга.

Кто не бывалъ въ чащахъ хвойнаго лѣса, начинающагося отъ тундры, кто также не видалъ трущобъ сѣверной тайги, тотъ не можетъ себѣ представить того ужаса, которымъ охватываетъ человѣка безмолвный лѣсъ и непроницаемая его тьма. Надъ безконечной песчаной пустыней Сахары, надъ безбрежнымъ бурнымъ океаномъ синѣетъ куполъ неба, видны облака, набѣгаютъ тучи, попадаются животныя, птицы: въ трущобахъ же тайги, которыя не допускаютъ ни кустарника, ни травы, гдѣ одни мхи да зеленовато-бѣлые лишаи, покрывающіе стволы деревьевъ отъ вершины до корней и перебрасывающіеся нитями съ одного сука на другой; гдѣ вѣтви этихъ деревьевъ переплелись въ непроницаемые своды, а старые стволы окружены частоколами подростковъ, — тамъ ни просвѣта для неба, ни горизонта для глаза; тамъ нѣтъ даже и животныхъ, и все замерло, нигдѣ ни звука, ни шороха,—все точно подъ землей. — только отшельникъ этихъ первобытныхъ лѣсовъ—длинноносый дятелъ тѣшится надъ гибнущими свидѣтелями минувшихъ вѣковъ и глухо стучитъ въ ихъ кору, точно о крышку гроба.

Ученому изслѣдователю земли, растеній, животныхъ и жизни человѣка приходится проходить и такія непролазныя трущобы тайги; ему необходимо собрать матеріалъ, или всѣ свѣдѣнія отовсюду; и Миддендорфъ прошелъ сибирскую тайгу изъ конца въ конецъ, и изслѣдовалъ ее вдоль и поперекъ. Онъ говоритъ: „мы знаемъ строго различать разнаго вида мышей, но этнографически, къ стыду нашему, еще не опредѣлили людей, въ то время, когда изученіе высшаго творенія природы справедливо должно стоять и выше изученія мышей, жуковъ и всего остальнаго зоологическаго добра“.

Ради этой цѣли Миддендорфъ тщательно и долгое время изучалъ жизнь инородцевъ Сибири; онъ проходилъ по слѣдамъ тунгусовъ тысячиверстныя разстоянія, подвергая свою жизнь всевозможнымъ опасностямъ и мученіямъ: холода, голода, нападенія хищныхъ звѣрей, смерти отъ того же тунгуса, какъ и были убиты его спутники Вагановъ и другіе. Онъ, волей неволей, переносилъ всю первобытную жизнь дикаря на самомъ же себѣ; онъ также ѣздилъ верхомъ на оленѣ, также одѣвался и охотился на звѣрей и также спалъ въ холодномъ чумѣ у пылающаго очага; ѣлъ то же, что и дикари; и все это, вслѣдствіе извѣстныхъ условій климата и природы, считалъ вполнѣ необходимымъ.

Ужасны, тѣмъ не менѣе, не одинъ только тру-

щобы тайги, но и сама тайга страшна. По ней всюду рыскаютъ хищные звѣри, отъ которыхъ скачетъ съ дерева на дерево робкая бѣлка, а на вершинахъ деревъ каркаютъ вороны да кое-гдѣ парятъ высоко въ небѣ величавые беркуты. Всюду мракъ и холодъ. „Странствуя по ней,—говоритъ Миддендорфъ,—нерѣдко проѣзжаешь сотни миль и на всемъ этомъ разстояніи по цѣлымъ недѣлямъ, а иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ, не встрѣчаешь ни малѣйшаго признака человѣческой жизни". Благо, когда попадется инородческій чумъ и мелькнетъ гдѣ-либо въ лѣсу дикій тунгусъ.

Вотъ онъ.—этотъ дикарь,—самый древній, какъ говоритъ исторія, обитатель Сибири, бойко несется за звѣремъ на скользкихъ лыжахъ, ловко изворачиваясь межъ тѣсно стоящихъ деревьевъ. У русскихъ сложилась о немъ такая поговорка: „гдѣ два оленя прошли, тамъ тунгусу широкая дорога". И дѣйствительно, онъ пролѣзаетъ, какъ кровожадный звѣрь, сквозь всѣ чащи; онъ ищетъ только птицы, и гонится за звѣремъ съ мѣста на мѣсто по всей тайгѣ. Какъ охотникъ, онъ одѣтъ весьма просто: на немъ сукуй (полушубокъ) изъ оленьихъ шкуръ, на ногахъ сотуры (штаны) изъ той-же кожи, въ рукѣ-же медвѣжья рогатина, — необходимая принадлежность тунгуса,—и винтовка съ пороховницей, а за спиной лукъ, колчанъ и стрѣлы. Колчанъ сшитъ изъ оленьей кожи и украшенъ шитьемъ изъ разно-

цвѣтнаго бисера, стрѣлы разной величины и формы; есть длинныя, есть короткія, есть съ деревянной шишкой на концѣ, чтобы только глушить мелкаго звѣрка, не портя его дорогой шкурки; есть съ орлиными перьями на рукояти, и эти перья приспособлены для вѣрности лета стрѣлы.

Тунгусъ истый охотникъ, хотя онъ также рыболовъ, но рыболовствомъ занимается нехотя, изъ нужды; оно мало свойственно его бойкому, живому характеру, требующему удали и проворства. Онъ, не смотря на сильную стужу, доходящую до замерзанія ртути, несется на лыжахъ по лѣснымъ горамъ, съ горы на гору, въ одномъ иногда лѣтнемъ замшевомъ кафтанѣ. Миддендорфъ встрѣтилъ въ морозъ на охотѣ и такого тунгуса, у котораго даже голая грудь видѣлась и который тѣмъ не менѣе въ такомъ видѣ прожилъ подъ открытымъ небомъ три долгихъ зимнихъ ночи.

Въ прежнія времена главная погоня тунгуса была за соболемъ, но потомъ соболь сталъ водиться менѣе, а бѣлки, которыхъ соболь уничтожалъ, такъ расплодились, что въ бытность Миддендорфа тунгусы били ихъ по тысячамъ въ годъ. Какъ впачалѣ соболи, такъ затѣмъ и бѣлки шли въ торговлю и составляли какъ бы монету, извѣстной цѣнности. Основа-же самаго существованія тунгусовъ, то есть ихъ прошитанія, заклю-

чается въ охотѣ на лося, оленя, кабарги и козули. Тунгусы увѣряли Миддендорфа, что лосей въ горахъ можно иной разъ видѣть по тридцати головъ сразу, хотя лоси всегда ходятъ по одиночкѣ, а не стадомъ.

Выносливость тунгуса, какъ охотника, замѣчательна. Онъ не ропщетъ ни въ непогодь, ни въ бурю, ни въ жестокій морозъ. Отъ непогоди онъ уходитъ въ чумъ, отъ мороза онъ спасается у костра.

Но Миддендорфу, не смотря на всевозможныя его заботы и предосторожности, разъ пришлось на таёгѣ чуть не замерзнуть, а другой—чуть не сгорѣть. Онъ попалъ какъ то въ лѣсную засѣку, образовавшуюся отъ бурь. Тамъ лежали на громадномъ пространствѣ стволы деревьевъ накрестъ одинъ подъ другими, повсюду торчали между ними пни, вывернутые съ землей корепья, груды щепокъ, обломанныхъ сучьевъ и наконецъ деревья, полунаклоненныя въ различныхъ направленіяхъ. Миддендорфу слѣдовало бы обойти такой буреломъ, но онъ понадѣялся пробраться сквозь него, и, чѣмъ дальше шелъ, тѣмъ все болѣе и болѣе запутывался, пока, наконецъ, не собравъ послѣднія силы, онъ и его спутники съ топорами въ рукахъ не рѣшились вернуться назадъ. Они однако и тутъ ломились нѣсколько часовъ по разнымъ путямъ, чтобы вывести изъ этой засады хоть бѣдныхъ вьючныхъ оленей, для

которыхъ здѣсь не было корма. Но наступила темнота, настала долгая ночь, и путешественники стали думать о собственномъ спасеніи. Чтобы не замерзнуть, они прижались плотно другъ къ другу, и такъ провели всю ночь до утра. Сгорѣть Миддендорфъ на тайгѣ могъ бы тоже по собственной винѣ. Отбиваясь отъ комаровъ, онъ развелъ костеръ близъ скипидарныхъ кедровыхъ кустарниковъ; и не успѣлъ оглядѣться, какъ вдругъ услышалъ трескъ этихъ кустарниковъ, и въ одинъ мигъ очутился среди клубовъ дыма и огненнаго пламени. Куда онъ не бросался, вездѣ окружалъ его быстроразносившійся огонь, и онъ спасся, благодаря только смѣлости пробраться сквозь этотъ огненный кругъ, бросившись черезъ самую узкую его часть.

Не изъ послѣднихъ бѣдствій были на тайгѣ и комары. Миддендорфъ говоритъ: „Ропъ слѣпней, жалицъ, а въ особенности всякаго рода москитовъ принадлежатъ къ числу мученій, о которыхъ трудно составить себѣ понятіе, пока не побываешь на настоящей ихъ родинѣ. Кровожадные комары, взгромоздившись другъ на друга, слоя въ три или въ четыре, густыми массами случалось покрывали наше тѣло, постоянно накалывали его своими жалами, отыскивали всякую дырочку, всякое слабое мѣстечко одежды; они татуировали на нашей кожѣ тѣ же самыя фигуры, которыя украшали нашу мѣховую одежду, поль-

зуясь игольными проколами въ швахъ и не пропуская ни одного отверстія; они неотступно лѣзли намъ въ ротъ, носъ, глаза и уши. Нельзя ни глядѣть, ни слышать, ни дышать. Убьешь сразу цѣлую тысячу, глядишь вмѣсто нея нахлынутъ милліоны. Всѣ научныя наблюденія дѣлались невозможными. Ночью комары забирались подъ одежду, подъ которой мы прятались. Въ лихорадочной тревогѣ нельзя было заснуть, и когда, наконецъ, усталость брала верхъ, то мы не рады были и сну. Съ напухшими губами, нерѣдко даже съ совершенно запухшими глазами, съ раздутымъ, какъ подушка, лицомъ, мы просыпались для новыхъ мученій".

Зная условія своей дикой тайги, тунгусы не боятся ни буреломовъ, которые они всегда обходятъ, ни лѣсныхъ пожаровъ, которые весьма часто происходятъ отъ зажигаемыхъ костровъ, и никакихъ другихъ невзгодъ; о комарахъ же нечего и говорить.

Какъ закоренѣлому кочевнику, тунгусу, гоняясь за пищей, не приходится пробыть больше двухъ, трехъ ночей на одномъ мѣстѣ. Онъ не упускаетъ случая въ теченіе года побывать въ мѣстахъ, отстоящихъ другъ отъ друга на тысячу и даже на двѣ тысячи верстъ,— тутъ занимаясь обильнымъ уловомъ рыбы, которая заходитъ изъ морей въ рѣки, тамъ охотясь на лучшихъ соболей. Онъ скитается повсюду, и

первое его блаженство жить подъ открытымъ небомъ и дышать чистымъ воздухомъ. Вслѣдствіе такого скитанія, и скитанія одиночнаго, у него развилось и первобытнѣйшаго рода письмо, состоящее изъ знаковъ. Такъ въ чащахъ лѣса вы встрѣтите срубленное деревцо, въ зарубкѣ котораго торчитъ стрѣла концомъ внизъ. Это значитъ: „я разставляю луки по близости". Если стрѣла смотритъ вкось кверху, то охотникъ ушелъ далеко. Вѣтка отъ куста, втиснутая такимъ же образомъ, указываетъ на то, что охотникъ находится въ самомъ близкомъ разстояніи. Положенный черезъ слѣдъ сучекъ, запрещаетъ идти дальше по этому направленію: чурбанъ поставленный на такомъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ входъ въ чумъ, не позволяетъ или не совѣтуетъ устраивать тутъ жилища. Лопаднная голова, нарисованная на снятой съ дерева корѣ, предлагаетъ искать пропавшую лошадь на мѣстѣ привала, и т. д. Но надо однако замѣтить, что тунгусъ любитъ также и возвращаться постоянно на зиму въ тѣ же нагорныя лѣсныя долины, гдѣ у него на нѣсколько дней пути вокругъ его чума разставлены ловушки, устроены засѣки, ямы и гдѣ онъ издавна, по крутымъ склонамъ горъ, знаетъ обычные ходы кабарги, которой питается. Чумъ у тунгуса всегда съ собой, и, какъ бродя по тайгѣ, такъ и на постоянномъ мѣстѣ своей долины, онъ устраиваетъ его весьма быстро. Жердей въ лѣсу много. Онъ по-

ставить ихъ въ видѣ конуса, обложитъ вокругъ оленьими кожами, которыя всегда при немъ,— чумъ и готовъ. Вверху оставлено отверстіе для свѣта и выхода дыма, полъ выбитъ камнемъ, посреди чума очагъ; и все это быстро дѣлаютъ женщины. Когда-же все прибрано, тогда охотникъ тунгусъ войдетъ въ чумъ, сниметъ свой мѣховатый охотничій сукуй, и тутъ вы его не узнаете. Передъ вами онъ явится такимъ нарядимъ и такимъ щеголемъ, точно онъ и не обитатель лѣсной пустынной трущобы. Онъ въ коротенькомъ казакинѣ, обхватывающемъ стройно сложенный его станъ; казакинъ всегда вышитъ разноцвѣтнымъ бисеромъ, а по подолу обшитъ бахромою изъ звѣриныхъ волосъ. До половины стана х о р ь ки,—это нижнее платье изъ р о в д у г и, то есть оленьей замши. Спереди, поверхъ казакина, виситъ н а г р у д н и к ъ изъ оленьей шкуры шерстью внизъ, или-же изъ ровдуги, разукрашенной бисеромъ и обшитой бѣлечьими хвостиками, а сверхъ нагрудника пакшута перевязь съ ружейнымъ снарядомъ. Станъ перехваченъ широкимъ кожанымъ ремнемъ, расшитымъ бисеромъ, и на ремнѣ висятъ кошельки—для табаку, трубки, огнива, а въ ножнахъ ножъ. На ногахъ б о к а р и—тѣ же сотуры, но меньше и легче послѣднихъ; на головѣ-же шапка изъ выдры, росомахи, пыжика, либо изъ лапъ песцовыхъ, или лисьихъ. Женщины одѣты также, но у нихъ на ременной перевязи

висятъ: наперстокъ, трубочки съ иголками и нитки, дѣлающіяся изъ оленьяго льна (сухожилье съ загривка) и жилъ. На голову-же женщины надѣваютъ иногда вѣнки изъ бѣлыхъ хвостиковъ.

Страсть тунгусовъ наряжаться доходитъ до того, что, продавая дорогихъ пушныхъ звѣрей за водку и поношенную русскую одежду, ихъ можно встрѣтить иногда въ весьма забавныхъ костюмахъ: поверхъ своей одежды иной разъ женщина надѣнетъ фракъ, или одинъ жилетъ, тунгусъ одну фуражку, или галстухъ, а не то что либо и изъ русскаго женскаго туалета.

Какъ мужчины, такъ и женщины средняго роста, съ овальной головой, широкимъ лбомъ, смуглой некрасна кожей и кругловатымъ очертаніемъ лица. У всѣхъ весьма смѣлый взглядъ, но глаза узковатые, носъ плоскій, а черные волосы связаны на затылкѣ въ пучекъ, или заплетены въ косу, перехваченную ремнемъ.

Миддендорфъ весьма тщательно занимался изученіемъ ихъ череповъ. Ради точнаго опредѣленія ихъ монгольскаго происхожденія, онъ измѣрялъ черепа, всматриваясь во всѣ особенности ихъ строенія, въ прорѣзъ и впадины глазъ, въ величину и подъемъ переносицы, въ форму скулъ, въ развитіе и положеніе челюстей; однимъ словомъ, во все то, что, при точномъ опредѣленіи пропорцій, составляетъ задачу этнографа.

Не смотря однако и на такое близкое знаком-

ство съ ихъ лицами, Миддендорфъ по общему ихъ виду рѣдко когда могъ различить одного отъ другого, другого отъ третьяго; всѣ они казались рѣшительно на одно лицо; и можно было зачастую принять женщинъ за мужчинъ, при чемъ и происходили весьма забавныя недоразумѣнія.

Разговаривая съ тунгусами и записывая слова ихъ языка, Миддендорфъ точно также плохо различалъ и звуки ихъ словъ. Онъ говоритъ: „слушаешь, бывало, навостривъ уши, и все таки никакъ не уловишь полубормотнаго, полугортаннаго, полуносового, полупроглоченнаго глухого звука ихъ дѣтскаго произношенія, которое не приняло еще твердой, вполнѣ установленной формы“.

Кромѣ такого звукового недостатка, у тунгусовъ слова произносятся какъ-бы урывками и какъ-бы съ помощью толчковъ, точно у зайкъ. Въ движеніяхъ тунгусовъ можно замѣтить тѣ-же самые урывки и толчки, хотя физически эти дикари вполнѣ, конечно, закалены, и движенія ихъ ловки, живы и полны отваги. По общимъ отзывамъ всѣхъ путешественниковъ, это народъ храбрый, но вмѣстѣ съ тѣмъ добрый, веселый, а также хлѣбосолъ, любитель удовольствій и вѣтреникъ. Миддендорфъ видитъ въ нихъ всѣ характерные признаки горныхъ европейскихъ народовъ. Тунгусъ, по наблюденіямъ Миддендорфа, воспріимчивъ, но впечатлѣнія его скоропроходящи, понятія и сужденія быстры, но непродолжительны, и боль-

шею частью поверхности, воля не постоянна. Онъ воспринимаетъ все, но держится и стараго своего; онъ давно принялъ христіанство, но придерживается и шаманства; жена у него, обвѣнчанная съ нимъ по христіанскому обряду, одна, а другая скрѣплена шаманствомъ. Женится онъ съ десяти, двѣнадцати лѣтъ, и первый разъ не по своей волѣ и не по своему выбору. Свадьба совершается незатѣйливо. Родители отправляютъ невѣсту одну въ чумъ жениха, гдѣ никто ее не встрѣчаетъ и гдѣ передъ входомъ въ чумъ она распрягаетъ своихъ оленей и отпускаетъ ихъ въ стадо жениха. Затѣмъ, войдя въ чумъ, она, какъ ни въ чемъ не бывало, садится у очага и начинаетъ подкладывать въ огонь дрова. При этомъ женихъ, сидящій въ чумѣ, бросаетъ ей на колѣни свое верхнее платье, которое она должна вынести, и, когда она, вынесетъ, тогда съ этого момента, и дѣлается женой, хозяйкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и работницей. Да и какой еще работницей! Вы никогда не увидите ее, какъ тунгуса, съ одной трубкой въ зубахъ безъ всякаго дѣла. Она по цѣлымъ днямъ шьетъ, вышиваетъ, одѣваетъ, кормитъ всѣхъ и за всѣми все прибираетъ. „Едва,— говоритъ Миддендорфъ,—горитъ огонекъ, среди зимней полярной ночи; чадъ и дымъ вылетаютъ изъ полусухого гнилого топлива и затемняютъ свѣтъ въ чумѣ. Слезы безостановочно струятся изъ воспаленныхъ глазъ, а женщина сидитъ лицомъ

къ огню, выкраиваетъ лоскутокъ за лоскуткомъ по красивому узору, сортируетъ волосы по цвѣтамъ, прицѣпляетъ разныя мелкія привѣсочки и косточки, краситъ и шьетъ, сшиваетъ и вышиваетъ, нанизываетъ бисеринку за бисеринкой на самодѣльныя нитки, которыя она съумѣла расщепить и спрясть изъ сухихъ жилокъ оленя". И она не довольствуется вышивкой кисетика, рукавицъ, или какой иной мелочи,—она вышиваетъ такимъ образомъ весь костюмъ для щеголя тунгуса и для всѣхъ близкихъ ея сердцу. Тунгусъ вѣдаетъ одно: онъ охотится, осматриваетъ свои засѣки, ямы, капканы, ловушки, самострѣлы, но, вернувшись въ чумъ, онъ и выпрягать оленей не станетъ,— это дѣло работницы-жены. Тунгусъ въ чумѣ только иногда изготовляетъ свои охотничьи снаряды и оружіе, а то ѣстъ и пьетъ, пригрѣвшись у очага подъ мѣховымъ одѣяломъ, либо заберется въ мѣховой мѣшокъ, наполненный листьями. Этотъ мѣшокъ, по отзыву Миддендорфа, единственное спасеніе во время жестокихъ морозовъ. Миддендорфъ и самъ не разъ залѣзалъ въ него, а когда мѣшка не было, онъ прибѣгалъ и къ другому весьма остроумному тунгускому способу. Съ кѣмъ либо изъ своихъ спутниковъ онъ ложился рядомъ другъ къ другу ногами, при чемъ ноги одного прятались въ сукуй другого, что и составляло для обоихъ какъ-бы одинъ общій мѣшокъ. Бывали однако морозы, что и такія средства ока-

зывались не дѣйствительными, и приходилось цѣлую ночь подбрасывать дрова на костеръ и согрѣваться, поворачиваясь къ нему то грудью, то спиной. При подобныхъ морозахъ во время эпидемій, — кори, оспы, скарлатины, гибнетъ въ холодныхъ чумахъ множество тунгусовъ: смерть истребляетъ ихъ немилосердно. Миддендорфу зачастую встрѣчались въ лѣсахъ гробы, устроенные на извѣстной высотѣ среди двухъ близъ стоящихъ деревьевъ, съ висящей тутъ-же шкурой оленя, съѣденнаго на поминкахъ. Миддендорфъ видѣлъ и похороны, отличавшіеся особенно тѣмъ, что всѣхъ оленей покойнаго, кромѣ одного обреченнаго въ жертву для поминокъ, подводили къ покойнику прощаться, и, прокалывая имъ ноздри, тыкали мордами въ лицо покойника, пачкая его кровью. Кромѣ гробовъ въ лѣсу, Миддендорфъ набрелъ разъ и на пустой тунгускій шалашъ, переночевавши въ которомъ, на слѣдующій день узналъ по дорогѣ, что хозяева этого шалаша—отецъ и мать умерли почти въ одно время отъ повальной болѣзни, оставивъ трехъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было всего семь лѣтъ. Миддендорфъ вернулся съ пути обратно въ шалашъ, но, не смотря на всѣ поиски, дѣтей онъ не нашелъ, и долженъ былъ вслѣдствіе этого ограничиться тѣмъ, что повѣсилъ мѣшокъ съ мукой между стойками и поставилъ возлѣ шалаша лисью ловушку. Русскіе поселенцы зачастую на-

ходятъ въ тунгусскихъ чумахъ умирающихъ отъ холода круглыхъ сиротъ.

Голодаютъ однако не одни дѣти-сироты,—голодаютъ и взрослые тунгусы; но послѣдніе, конечно, прямо по своей лѣни, безпечности и нежеланію думать о завтрашнемъ днѣ. Иной разъ тунгусъ до тѣхъ поръ не пойдетъ на охоту, пока не проѣстъ всего, что у него въ запасѣ; если-жъ разгуляется съ пріятелями, то въ силу неудержимаго хлѣбосольства истребитъ въ одинъ-два дня все, чего-бы хватило на недѣлю и даже на мѣсяцъ. Миддендорфъ на одномъ изъ ихъ праздествъ произнесъ по этому поводу цѣлую рѣчь.

Онъ подробно описываетъ это празднество, причемъ весьма характерно обрисовываетъ тутъ-же и особенности тунгусскихъ нравовъ.

Одинъ разъ въ году, говоритъ онъ, осенью, у тунгусовъ бываютъ сходки; и они на нихъ придаются всевозможнымъ удовольствіямъ, до которыхъ, какъ извѣстно, большіе охотники. Какъ только показался на такомъ сборномъ тунгускомъ пунктѣ караванъ Миддендорфа, его встрѣтили винтовочной пальбой, и тунгусы безостановочно салютовали, пока Миддендорфъ не положилъ конецъ этой безполезной дѣтской пальбѣ, назначивъ премію за стрѣльбу въ цѣль. ...Лучшіе тунгусскіе стрѣлки,—пишетъ Миддендорфъ,—на девяносто пять шаговъ попадали довольно мѣтко въ четвертушку бумаги, но клали ружье на подставку. Три-

падцатилѣтніе мальчики также принимали участіе въ стрѣльбѣ. Но какъ далеки были эти подвиги отъ хвастливаго преданія, которое сами тунгусы считали дѣйствительнымъ фактомъ. Мнѣ показывали посеребряный поясъ, перешедшій къ теперешнему его владѣльцу отъ дѣда. Послѣдній былъ вызванъ будто-бы въ Петербургъ, къ Императрицѣ, которая приказала прикрѣпить монету къ шпилю церковной башни. Тунгусъ попалъ въ монету и получилъ поясъ на память отъ Императрицы".

„За стрѣльбою въ цѣль послѣдовалъ балъ, и въ тунгусахъ разразилось плясовое бѣшенство энтузіастовъ. Сначала образовался маленькій кружокъ, въ перемѣжку изъ мужчинъ и женщинъ, въ томъ числѣ и совершенныхъ старухъ. Схватились за руки, и началась безъискуственная пляска, заключающаяся въ передвиженіи ногъ со стороны въ сторону. Вскорѣ однако круговая пляска стала оживляться, движенія обратились въ прыжки и скачки, все тѣло покачивалось, лица разгорались, восклицанія становились все восторженнѣе, одинъ старался перекричать другого, сбросили полушубки, сбросили набедренники. Въ заключеніе-же обуяло всѣхъ бѣшенство. Нѣкоторые еще пытаются противиться, но вотъ уже и у нихъ голова незамѣтно начинаетъ покачиваться, то вправо, то влѣво, подъ тактъ, и вдругъ такой зритель, какъ будто прорвавъ твердый оплотъ, вторгается

въ кругъ пляшущихъ. Все отрывочнѣе, все шумнѣе становятся движенія, да нашѣвъ восклицаній: churja, hurjà—hugoj, hugoj—hägyj, hägyj—hümgoj, hümgoj—häka, häka—ahondö, ähondo—härga, härga! Наконецъ весь кругъ разстраивается только вслѣдствіе крайняго утомленія,—ноги и голова болѣе не дѣйствуютъ".

За пляской послѣдовалъ чай съ пушемъ, и Миддендорфъ говоритъ, что онъ „не замѣтилъ ни малѣйшей необузданности; никто не хваталъ раньше другого, всѣ пили умѣренно, соображаясь съ тѣмъ, чтобы никто не остался въ накладѣ". Въ это-же время наступила очередь и рѣчамъ, которыя, по словамъ Миддендорфа, приняли „высокій полетъ". Сказалъ рѣчь и Миддендорфъ, заключавшуюся въ томъ, что страна тунгусовъ несмѣтно богата всѣмъ необходимымъ для тунгуса, и что только по собственной винѣ они могутъ терпѣть нужду, и даже умирать съ голоду, вмѣсто того, чтобы быть богатыми. Тунгусы громогласно согласились съ нимъ, заявляя, что онъ вполнѣ правъ.

Тѣмъ не менѣе, послѣ этой рѣчи, они тутъ-же безцеремонно объѣдали Миддендорфа, и онъ никакъ не могъ заставить ихъ охотиться и работать.

Вотъ какую картину тунеядства и дармоѣдства рисуетъ онъ въ своихъ запискахъ. Одинъ изъ его спутниковъ поймалъ сбѣжавшую откуда-то лошадь; тунгусы сейчасъ-же явились къ нему на

угощенье, и отъ нея на другой день не осталось ни кусочка; самъ Миддендорфъ купилъ лошадь, и съ ней произошло тоже. „Нельзя сказать,— говоритъ Миддендорфъ,—чтобы эти непрошеные гости брали все, что имъ вздумается. Нѣтъ, они всегда соблюдаютъ приличіе и благонравіе. Тунгусъ влѣзетъ въ чумъ, и располагается у огня. Онъ затѣмъ у перваго встрѣчнаго беретъ трубку изо рта, что весьма понятно также, какъ у насъ принято предлагать чужимъ свою табатерку или папиросницу. Этимъ онъ какъ-бы и довольствуется. Но затѣмъ приличіе и священный обычай требуютъ, чтобы гостю предложили отвѣдать, и тогда только онъ начинаетъ кушать". Тунгусы разсказывали Миддендорфу съ явнымъ самодовольствомъ про одного изъ своихъ хорошихъ охотниковъ, что онъ не переставая, то есть въ одинъ присѣстъ, или въ одинъ обѣдъ, съѣдалъ трехлѣтняго медвѣдя, либо двухгодовалаго дикаго сѣвернаго оленя.

Но помимо хлѣбосольства у нихъ также священною обязанностью считается и гостепріимство. Миддендорфъ встрѣтилъ тунгуса, который съ женою и двумя дѣтьми долго кормился на счетъ своихъ собратьевъ, пока, какъ онъ самъ наивно разсказывалъ, эти собратья слишкомъ не обѣднѣли и не могли долѣе кормить его. Тогда онъ отправился къ другимъ собратьямъ, и пріискалъ себѣ новаго хлѣбосола. На глазахъ Миддендорфа русскій купеческій прикащикъ прожилъ двѣ не-

дѣли на счетъ гостепріимства тунгусовъ; но на долю Миддендорфа выпала иная участь, ему самому пришлось поплатиться за такой священный обычай. Это произошло такимъ образомъ. Къ его каравану во время празднества пристроился сперва тунгускій старшина. запасъ провизіи котораго заключался въ полуляшкѣ оленя: за старшиной пристали еще два тунгуса, за ними еще, потомъ еще; и такъ весьма скоро собралось человѣкъ, пл. какъ выражается Миддендорфъ, желудковъ около тринадцати. Всѣ они питались и чаемъ, и сухарями изъ его запасовъ; и когда онъ сталъ сниматься съ мѣста, то къ удивленію своему увидалъ, что и вся компанія трогается за нимъ. „Началась.—какъ онъ описываетъ,—суматоха. Впереди женщины на оленяхъ съ развивающимися косами, серебряными поясами, разнаго рода привѣсками. съ обнаженными или вложенными въ ножны медвѣжьими рогатинами. Сбоку у оленя пристегнута люлька, плотно обвязанная мѣхами, подъ которыми тихонько дремлетъ грудной ребенокъ. За матерью, которая сидитъ на оленѣ. слѣдуетъ пятилѣтній мальчуганъ. составляющій добавокъ къ кладѣ и сидящій сверхъ клади на оленѣ. Мальчуганъ на видъ весьма широкъ. Шуба его мѣшаетъ ему опустить руки: онѣ растопырены горизонтально. точь въ точь. какъ у огороднаго чучела. Рукава его кабарговой шубы запяты въ видѣ обрубковъ, и только прорѣха съ боку поз-

Тунгусы.

воляетъ пропустить руку. Шапка оставляла-бы небольшую часть лица раскрытой, еслибы и эта часть не была припрятана за бѣличье боа. У другой бездѣтной женщины позади на сѣдлѣ забавный на видъ снарядъ: это тунгускія щипцы, домашній приборъ, безъ котораго никакъ нельзя обойтись. Иныя женщины еще укладываются; даже дѣти усердно таскаютъ свернутую бересту; между тѣмъ, какъ мущины не заботятся о такомъ бабьемъ дѣлѣ и почти въ лѣтнихъ нарядахъ, сгорбивъ спины, такъ что косички далеко оттопыриваются. сидятъ на корточкахъ передъ огнемъ. Одинъ осматриваетъ, хороша-ли его медвѣжья рогатина, и ею скоблитъ себѣ зубъ. Мальчики лѣтъ шести, восьми играютъ съ собаками; съ оленьимъ шестомъ въ рукѣ они садятся затѣмъ на годовалыхъ или двухгодовалыхъ оленей. Везутся лыжи. самострѣлы, ружья и т. д., навалениыя на вьючныя сѣдла. Проѣзжаетъ также, въ видѣ добавленія къ поклажѣ, собака, привязанная на оленѣ на сѣдлѣ. Слѣдуетъ верхомъ старикъ тунгусъ. Всѣ олени разряженные. съ продѣтыми ленточками въ ушахъ, проходятъ мимо насъ; за ними бѣгутъ свободно съ сипымъ хрипомъ, почти хрюкая, нѣсколько оленятъ, которые безпокойно скачутъ то туда, то сюда. „Hrau, hrau“, зовутъ впереди женщины и, желая приманить ихъ, стараются по возможности лучше поддѣлаться подъ голосъ смолкшихъ оленицъ, на кото-

рыхъ сами сидятъ. „Кай, кай“, кричатъ погоняя мужчины, которые, держа въ рукѣ медвѣжью рогатину, большею частью ведутъ на поводѣ своихъ собакъ и пѣшкомъ плетутся позади. Нѣкоторые-же изъ нихъ немилосердными толчками погоняютъ своихъ оленей черезъ глубокій снѣгъ, проносясь на нихъ мимо отстающихъ, потому что при этомъ они считаютъ себя точно такими-же молодцами, какъ у насъ, несущійся въ щегольскомъ экипажѣ“.

Такая непрошенная компанія шла съ Миддендорфомъ только часть его пути, но и въ это время она причинила ему не мало горя. По своимъ обычаямъ никто изъ нихъ не заботился о ѣдѣ; всѣ разсчитывали на запасы Миддендорфа. Тунгусовъ не только нельзя было уговорить поохотиться, когда проходили мимо утокъ и тетеревовъ, но они, боясь прозѣвать чай у Миддендорфа, бросали даже своихъ оленей, не спутавъ ихъ, и олени расходились въ разныя стороны. Одинъ изъ тунгусовъ, изъ-за поспѣшности къ чаю, не поздоровался даже съ своимъ семействомъ, съ которымъ встрѣтился, спустя мѣсяцъ.

При этомъ никто изъ нихъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія показать, что онъ считаетъ себя обязашымъ за хлѣбъ соль; они не помогали каравану ни рубить дрова, ни навьючивать поклажу, ни строить плоть. Спустивъ на привалѣ оленей, они сидѣли на санкахъ совершенно рав-

подушно, преисполненные чувствомъ собственнаго достоинства, не шевеля ни однимъ пальцемъ, хотя женщины ихъ въ это время выбивались изъ силъ, устанавливая палаши и заботясь обо всемъ по хозяйству. Одинъ изъ тунгусовъ, не смотря на все уваженіе, которое онъ оказывалъ Миддендорфу, назвалъ, какъ его, такъ и его спутниковъ несчастными людьми. Миддендорфъ съ своими спутниками, по его мнѣнію, безъ своихъ женщинъ находились въ неслыханной бѣдѣ, заботясь сами о своемъ хозяйствѣ.

Но и такое дармоѣдство было еще не все. Разѣвая рты на чужой хлѣбъ и на чужіе запасы, тунгусы пользовались также спокойно и чужимъ трудомъ и случайною добычею, какъ полные хозяева. Застрѣлилъ Миддендорфъ лося; и не успѣли еще разрѣзать его, какъ явился тунгусъ съ претензіей, что лось этотъ принадлежитъ и ему, такъ какъ раненъ былъ его стрѣлой и ушелъ отъ него. Надрѣзъ въ шкурѣ былъ подозрѣваемъ за рану; и вслѣдствіе этого долго продолжался осмотръ шкуры и мяса, и, спокойно, съ величайшимъ приличіемъ, предъявлялись и взвѣшивались въ этомъ спорномъ вопросѣ доводы и возраженія. Но не оказалось необходимаго подтека крови, и претендентъ былъ устраненъ. Тогда тунгусъ, вожакъ каравана, раздѣлилъ лося, согласно строгому обычаю, слѣдующимъ образомъ: одна половина туловища назначена была Мид-

дендорфу, другая старшему тунгусу, странствующему съ каравапомъ много дней, какъ спутнику и какъ отцу большого семейства, зашеекъ съ одной ногой получилъ старикъ тунгусъ, не принадлежащій къ каравану, но случайно явившійся къ раздѣлу, другая нога съ половиной зашейка досталась тунгусу съ сыномъ; вожакъ съ товарищемъ и два погонщика оленей раздѣлили между собой оставшіеся ноги и ляшки; позвонки-же были разобраны по одишочкѣ, и распредѣлены поровну, при чемъ самые средніе четыре поясничныхъ позвонка считались лакомствомъ, а послѣдній посмѣшищемъ судьбы. Кровь слили и хранили въ желудкѣ; внутренности тотчасъ-же отправились въ котелъ. Черепъ и копыта тутъже на мѣстѣ раздѣла тунгусы развѣсили по деревьямъ въ видѣ трофеевъ; и Миддендорфъ не разъ встрѣчалъ въ лѣсахъ такіе трофеи, и ему приходилось видѣть даже цѣлые гнѣздоподобные столы изъ хвороста, устроенные между двухъ близъ стоящихъ деревъ и обставленные черепами и костями медвѣдей, лосей и оленей.

На этомъ-же обычаѣ—дѣлить добычу поровну, у тунгусовъ основано и право всякаго, кто найдетъ въ тунгуской ловушкѣ убитаго звѣря, брать безъ малѣйшаго опасенія сколько ему нужно до половины всего животнаго, тщательно однако запрятавъ на мѣстѣ отъ хищныхъ звѣрей остальную половину, а также голову и шкуру. Одна

только кабарга не подлежитъ раздѣлу, но въ случаѣ крайней нужды пользуются и ею, оставляя на мѣстѣ голову и ноги, при чемъ взявшій, во время свиданія съ хозяиномъ, обязанъ издали еще сказать ему,—я взялъ твою кабаргу.

На пирушкѣ, когда сварили лося, воздано было должное Миддендорфу,—его торжественно благодарили за его талантъ, или счастье. Во время пирушки всѣ сидѣли кружкомъ и предъ каждымъ была разостлана попона въ видѣ скатерти. Сначала подали котелъ съ густой горячей кашей, состоящей изъ раскрошеннаго на мелкіе кусочки мяса, которое варилось въ мозгу и кишечномъ жирѣ. Котелъ обошелъ весь кружекъ, всѣ брали по ложкѣ, и всѣ соблюдали при этомъ высшее приличіе, спокойно ожидая очереди. Миддендорфа, а также и стариковъ тунгусовъ отличали тѣмъ, что распорядители пира подносили имъ самые лакомые кусочки. Кто чего не могъ съѣсть, бралъ все съ собой, какъ дѣлалось это же съ чаемъ и сухарями каравана Миддендорфа. Достоинство-же и веселость пиршества тунгусы всегда опредѣляютъ количествомъ съѣденнаго; они не говорятъ, что пиршество было веселое или пріятное, а расхваливаютъ его, восклицая: „мы съѣли тамъ четырехъ лосей!..“

Тунгуса нельзя лучше ничѣмъ угостить, замѣчаетъ Миддендорфъ, какъ жиромъ и затѣмъ мукою; вслѣдствіе чего мука, вареная съ жиромъ,

то есть извѣстный по всей Сибири саломать,— это для него такая божественная пища, сравниться съ которой не можетъ уже ничто. Но муки у тунгусовъ мало, и саломать является только изрѣдка; у каждой-же хозяйки есть лепешки изъ брусники, смѣшанной съ икрой, тарелкообразныя лепешки изъ черемухи, смѣшанной съ жиромъ и, наконецъ, разведенная на молокѣ черемуховая каша.

При богатой добычѣ тунгусъ всегда пирпествуетъ и ѣстъ не одинъ, а два обѣда, и тутъ онъ лакомится во всю душу. По тутъ-же передъ нимъ услужливые торговцы якуты и русскіе, устраивающіе торговлю въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ явилась обильная добыча, предлагаютъ все, чего душа его требуетъ. Дѣтская-же душа первобытнаго человѣка требуетъ все, что видитъ; особенно-же у легкомысленнаго и расточительнаго тунгуса,— охотника до нарядовъ и удовольствій. Миддендорфъ въ одномъ мѣстѣ своего дневника говоритъ: „какъ теперь вижу предъ собою сладкую физіономію и моргающіе отъ восторга глаза моего вожака-тунгуса, который какъ-бы тающимъ отъ удовольствія голосомъ, оправдывалъ своихъ собратьевъ, когда меня возмущали лакомки, платившіе торговцамъ большіе деньги за сметану: „безцѣнно, вовсе не жаль дать соболя!“ воскликалъ вожакъ причмокивая.

А соболь, по словамъ Миддендорфа, стоилъ въ

то время двадцать пять рублей. Но, разлакомившись, тунгусъ, не жалѣетъ своего ничего, и ему подавай все по его вкусу самое лучшее. Кирпичный чай Миддендорфъ долженъ былъ спрятать, такъ какъ, угощаясь имъ у него и какъ-бы нехотя похлебывая, тунгусы замѣчали: „это чай втораго сорта“; вслѣдствіе чего и пришлось доставать для нихъ первый. Торгуя у якута полушелковый зипунъ, Миддендорфъ нашелъ его слишкомъ дорогимъ, какъ тутъ же, стоящій рядомъ, засаленный тунгусъ перекупилъ зипунъ безъ всякаго торга.

Пользуясь такимъ мотовствомъ тунгусовъ, якуты обираютъ ихъ на каждомъ шагу, и охотно даютъ имъ даже все въ долгъ, отчего легкомысленный тунгусъ платится потомъ вдвое, втрое, а затѣмъ влѣзаетъ въ кабалу; и, по священному обычаю, сынъ, вслучаѣ смерти отца, отвѣчаетъ за все. Миддендорфъ видѣлъ разъ, какъ всѣ пришли въ ужасъ, когда сынъ не только отказался отъ наслѣдства, но и отъ собственнаго добра и имущества; онъ твердо рѣшилъ уйти въ одной одеждѣ, которая на немъ была, чтобы не быть въ кабалѣ. Когда Миддендорфъ спросилъ тоже одного наслѣдника-тунгуса, въ какомъ положеніи его дѣло, послѣ того, какъ онъ унаслѣдовалъ отъ отца мѣха, оленей и девятьсотъ рублей долга якуту, который, получивъ съ должника весь долгъ, тутъ-же и надѣлилъ его всѣмъ необходимымъ на годъ,—тогда

тунгусъ отвѣтилъ Миддендорфу: „да у меня теперь немногимъ больше, чѣмъ у отца; у меня только двѣ тысячи долга“. И въ большинствѣ случаевъ, чѣмъ богаче тунгусъ, тѣмъ стало быть и долга больше. Хитрые и предпріимчивые якуты запутали его совсѣмъ. Они вездѣ и при всякомъ случаѣ являются какъ-бы на выручку; нѣтъ пороха,—якутъ надѣлитъ, нѣтъ колыма заплатить за невѣсту,—якутъ поможетъ; оленя нѣтъ,—якутъ и того дастъ въ долгъ; но за то, снабжая тунгуса всѣмъ, онъ не только беретъ потомъ за все вдвое и втрое, но временно и живетъ даромъ на счетъ тунгуса, пользуясь его хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ.

Такъ все было во времена Миддендорфа, лѣтъ сорокъ, пятьдесятъ назадъ, теперь-же многое и многое измѣнилось, и только еще въ отдаленныхъ глухихъ мѣстахъ вы встрѣтите тѣхъ-же тунгусовъ съ такого рода ихъ первобытными правами, обычаями и образомъ жизни. Въ мѣстахъ-же близкихъ къ русскимъ поселеніямъ нравы ихъ и образъ жизни совершенно измѣнились. Ихъ безукоризненная честность пропала; они плутуютъ не только съ якутами и русскими, называя долгъ, неуплаченный за годъ, „к и с л ы м ъ, о которомъ стыдно и говорить“, но плутуютъ и между собою. Такъ, напримѣръ, изъ шестидесяти звѣропромышленниковъ занимаются промысломъ только десять, остальные-же наро-

вятъ пользоваться трудами этихъ десяти, для чего и выжидаютъ выхода извѣстныхъ звѣролововъ. За такими звѣроловами тунеядцы идутъ по слѣдамъ и подбираютъ ихъ добычу. Въ былое время тунгусы приносили своимъ русскимъ крестнымъ отцамъ богатые подарки; теперь-же, напротивъ, сами требуютъ, и весьма назойливо, угощеній и подарковъ, и даже безплатный прокормъ, особенно-же вино. Имена даютъ дѣтямъ крайне оригинально,—у каждаго ихъ три. Первое дано шаманомъ, либо отцомъ и матерью, и соотвѣтствуетъ времени года; второе, когда ребенокъ приходитъ въ возрастъ и обозначаются особенности его характера, въ силу которыхъ онъ такъ или иначе именуется извѣстнымъ прозвищемъ; и наконецъ третье имя есть христіанское, при которомъ они очень оскорбляются, если ихъ называютъ только по имени безъ отчества. Счетъ времени у нихъ свой, и, хотя они знаютъ и русскій счетъ, но какъ у шаманствующихъ тунгусовъ, такъ и у христіанъ особые календари. У шаманствующихъ тринадцать мѣсяцевъ, по кругообращеніямъ луны, съ названіями по временамъ года и по замѣчательнымъ для тунгусовъ явленіямъ,—какъ приплодъ оленей, таянье льда и проч. Лѣто и зима считаются за два года. Для вѣрнаго высчитыванья дней дѣлаютъ на палочкахъ насѣчки. У тунгусовъ-же христіанъ есть особыя святцы, называемыя пасхаліями. Это

ничто иное, какъ шестигранный кусокъ дерева, или мамонтовой кости, раздѣленный надрѣзомъ пополамъ и образующій такимъ образомъ по числу мѣсяцевъ двѣнадцать равномѣрныхъ площадокъ, на каждой изъ которыхъ сдѣланы нарѣзки по числу дней и противъ нихъ въ должныхъ мѣстахъ вырѣзаны особые знаки, означающіе праздники. Счетъ года ведется съ марта мѣсяца, и именно съ праздника „Сорока мучениковъ".

По своей воспріимчивости тунгусы во многихъ мѣстахъ переняли отъ сосѣдей, что имъ нравится; и въ сосѣдствѣ съ русскими они обрусѣли, въ сосѣдствѣ съ якутами—оякутились, а поблизости къ Китаю—окитаялись. При частыхъ сношеніяхъ съ русскими, они уже и говорятъ по-русски, а съ пріобрѣтеніемъ русскихъ рубашекъ и платковъ, у нихъ исчезли косы, и волосы стали подрѣзаться на половину. При частыхъ сношеніяхъ съ якутами, у нихъ сталъ преобладать якутскій языкъ, а женщинъ и по костюму нельзя отличить отъ якутокъ. И не только внѣшній видъ и нравы, но и занятія тунгуса стали измѣняться. Его любимая охота, его звѣроловство падаютъ годъ отъ года; онъ ловитъ уже рыбу и стрѣляетъ птицъ для продажи золотопромышленникамъ, онъ занимается въ извозъ для перевозки разныхъ кладей на оленяхъ; онъ служитъ проводникомъ, указывая разныя кратчайшія разстоянія, и онъ сталъ

уже у русскихъ косить сѣно, рубить дрова, о чемъ не такъ еще давно не имѣлъ и понятія.

Такъ, скажемъ въ заключеніе, это господствующее нѣкогда племя инородцевъ Сибири исчезнетъ, по всей вѣроятности, прежде, чѣмъ нѣкоторыя другія племена, оно и по своему природному характеру крайне несамостоятельно.

АМУРСКІЕ ТУНГУСЫ.

Орочанє, Манягры, Бирары, Мангуны или Ольчи и Орочи.

(Путешествіе Маака).

Послѣ перваго путешествія Маака по Сибири, когда онъ ѣздилъ въ Якутскую область, для изслѣдованія долины рѣки Вилюя, гдѣ ему пришлось перенесть всѣ невзгоды пустынной тайги, онъ до того былъ утомленъ и физически и нравственно, что, еслибы, по его словамъ, ему предложили совершить опять такое же путешествіе, то онъ навѣрно бы отказался. „Къ счастію однако,—говоритъ Маакъ,—человѣкъ такъ созданъ, что потерянныя силы скоро возстановляются, непріятное впечатлѣніе перенесенныхъ трудностей и лишеній изглаживается, и, когда мнѣ предложено было Географическимъ Обществомъ принять участіе въ уче-

ной экспедиціи, снаряженной для изслѣдованія Амура, я согласился съ радостью".

Конечно, Амуръ не тайга и не мерзлая тундра; тутъ уже и природа не такая суровая, и лѣса не тѣ, хотя также дремучіе, первобытные, сквозь которые прокладывать дорогу приходится иной разъ только съ помощью топора. И чѣмъ дальше отъ истоковъ Амура, тѣмъ лѣса разнообразнѣе; попадается дубъ, являются растенія тропическія, есть пробковое дерево, есть орѣхъ, и есть дикій виноградъ. Маакъ вступилъ въ область Амура какъ разъ весной, когда уже показались перелетныя птицы, когда на непокрытыхъ льдомъ мѣстахъ плавали стаи утокъ, лебедей, гусей, сѣрыя чайки съ крикомъ вились надъ водою, быстро опускаясь за добычею; такъ что Амуръ казался жизненнымъ, привѣтливымъ, и самъ Маакъ въ своемъ дневникѣ пишетъ: „Эти разнообразные звуки, теплый пріятный воздухъ, весь пропитанный весеннимъ запахомъ сырой земли,— все это возбуждало какое-то особенное, отрадное чувство при видѣ возвращающейся жизни".

Но пустыня, какой въ то время и былъ Амуръ, всежъ таки представляла для путешественника множество опасностей, лишеній и всякаго рода невзгодъ, которыя претерпѣлъ Маакъ и на Амурѣ также, какъ на тайгѣ. Ему пришлось перенесть и голодъ, и холодъ, и жить съ инородцами въ ихъ юртахъ, и питаться также, какъ они; а за-

тѣмъ однажды онъ чуть было не утонулъ, затертый льдинами, и наконецъ пробылъ больше мѣсяца въ плѣну у китайцевъ.

Первая встрѣча Маака съ инородцами была при устьѣ рѣки Шилки, гдѣ Шилка, сливаясь съ другой рѣкой—Аргунью, составляютъ Амуръ. Тутъ къ нему явились два тунгуса—О р о ч а н е, далеко не похожіе на тунгусовъ, которые живутъ на тайгѣ. Это были люди съ маленькими и худенькими ручками и ножками, безусые, безбородые, съ всклокоченными черными волосами, и по ихъ малорослости и маложавости Маакъ принялъ ихъ за мальчика и дѣвочку; но оказалось потомъ, что это была молодая чета. Отпустивъ ихъ съ подарками, онъ на другой-же день увидѣлъ снова ихъ у себя, но вмѣстѣ съ другими орочанами. Въ благодарность за подарки они принесли, по своему обычаю тоже въ подарокъ — рыбу, а старый орочанъ, войдя въ палатку Маака, привѣтствовалъ его восклицаніемъ: „одинъ народъ, одинъ царь!“ Исхудалыя лица и бѣдная одежда ясно выказывали ихъ нищету и сильный голодъ, который они терпѣли въ это время, какъ и большая часть тунгусовъ, у которыхъ, обыкновенно, подъ конецъ зимы изсякаютъ всѣ продовольственные запасы. Маакъ одѣлилъ ихъ порохомъ и свинцомъ, что больше всего и цѣнится этими сынами лѣсовъ.

Плывя по Амуру на плотѣ, сооруженномъ соб-

ственными силами, Маакъ черезъ два дня, при впаденіи одной маленькой рѣчки въ Амуръ, снова увидѣлъ орочанъ и ихъ коническія юрты, покрытыя берестой. Когда онъ присталъ къ берегу, то прежде всего сбѣжалось къ нему множество полунагихъ ребятишекъ, въ сопровожденіи лающихъ собакъ; за ними стали подходить и взрослые. Всѣ они были, какъ и первые орочане, которыхъ встрѣтилъ Маакъ у Шилки, маленькаго роста, тщедушные, съ рѣдкими усиками и по большей части даже безъ бородокъ, съ всклокоченными черными, падающими на плечи, прямыми волосами. У иныхъ эти волосы, заплетенные въ косы, перевязывались ремнемъ. У всѣхъ были смуглыя лица съ болѣе или менѣе выдающимися скулами, съ темнокоричневыми или черными маленькими глазками, съ рѣдкими бровями, съ низкимъ лбомъ, съ плоскимъ небольшимъ носкомъ; и всѣ смотрѣли робко, хотя привѣтливо и ласково. Изъ ихъ толпы прежде всѣхъ вышелъ или отдѣлился приземистый не молодой человѣкъ. Онъ подошелъ къ Мааку и представился, какъ глава кочующаго племени орочанъ. Этотъ старшина, какъ у русскихъ, такъ и между своими, назывался княземъ или князькомъ. Одѣтъ онъ былъ также, какъ и всѣ, въ кожаный кафтанъ, стянутый поясомъ, на которомъ висѣли разныя вещицы, часто употребляемыя, какъ трубка, кисетъ, уховертка, щипчики для выдергиванія бо-

роды и другія; на ногахъ видѣлись кожаныя короткія штаны, а далѣе отъ колѣна слѣдовали узкія голенища, привязанныя къ штанамъ ремешками. Вмѣсто сапогъ изъ оленьей шкуры, которые они носятъ зимою, теперь у всѣхъ были одѣты полусапожки, стянутые ремнями. Князь отличался отъ другихъ тѣмъ, что при лѣвомъ бедрѣ висѣлъ у него кортикъ съ серебряной рукоятью и съ вензелемъ Императрицы Екатерины II, а на шеѣ красовалась на аннепской лентѣ серебряная медаль съ портретомъ Императора Николая I и съ надписью „за усердіе“. Кортикъ былъ пожалованъ одному изъ его предковъ за вѣрность, а медаль онъ уже самъ лично заслужилъ при генералъ-губернаторѣ гр. Муравьевѣ-Амурскомъ.

Послѣ привѣтствій, Маакъ пошелъ къ нему въ юрту, гдѣ хозяинъ, по существующему обычаю, провелъ его въ заднюю ея часть, куда не имѣютъ доступа женщины, и, усадивъ, подалъ закуренную трубку, которая должна переходить изъ рукъ въ руки. Устройство юрты было тоже, что и у тунгусовъ на тайгѣ, — сложенныя конусомъ жерди съ отверстіемъ на верху для выхода дыма и съ боковой дверью для входа въ юрту. Обтяжка юрты, вмѣсто оленьихъ шкуръ, которыя употребляются зимой, была сдѣлана изъ бересты. За каждой изъ юртъ видѣлись жердяные подмостки, на которыхъ находилось имущество, уло-

женное въ особыхъ вьючныхъ мѣшкахъ, тщательно покрытыхъ отъ дождя кожами. Поодаль отъ юрть въ одномъ мѣстѣ олени лежали, въ другомъ они весело бѣгали, съ прыгающими возлѣ нихъ красивыми оленятами. Для оленей настало теперь время отдыха, такъ какъ пришла пора главной работы орочанъ на рѣкѣ. Какъ тунгусы тайги думаютъ прежде всего объ охотѣ за лѣснымъ звѣремъ, такъ амурскіе тунгусы живутъ преимущественно рыбной ловлей. Едва вскроются рѣки, и всѣ орочане съ утра до ночи скользятъ въ своихъ легкихъ челнокахъ б е р е с т я н к а х ъ по Амуру и его притокамъ. Тамъ вы видите, какъ орочанъ бьетъ гарпуномъ осетра и носится за нимъ вмѣстѣ съ ремнемъ, который онъ держитъ въ рукѣ и къ которому прикрѣпленъ гарпунъ; носится за осетромъ до тѣхъ поръ, пока не истощатся силы у рыбы. Въ иномъ мѣстѣ орочанъ закидываетъ сѣти; тамъ опять ловитъ рыбу на крючки; и такъ всю весну, лѣто и осень, чтобы запастись рыбой на весь годъ. Онъ любитъ это дѣло, онъ предается ему со всей своей страстью; тутъ и голодъ ни почемъ, — очистилъ рыбу, вынулъ внутренности, да и съѣлъ ее живьемъ. Зимой-же орочанъ дѣлается уже охотникомъ; онъ ловитъ и бьетъ соболя, лося, оленя, бѣлку, куницу, россомаху; охотится, какъ для пищи, такъ и ради дорогого мѣха; и гонится за звѣремъ далеко по лѣсамъ, заходитъ даже въ якут-

скую область; по весной онъ опять-таки на берегу Амура, на своемъ старомъ насиженномъ мѣстѣ. Охотникъ онъ такой-же ловкій, какъ и рыболовъ; и между тысячами убитыхъ имъ бѣлокъ, нельзя встрѣтить ни одной, у которой выстрѣлъ попалъ-бы не въ голову и испортилъ-бы шкурку.

Равный ему въ этихъ промыслахъ его сосѣдъ по Амуру, тоже тунгусъ,—это Маняграъ, при встрѣчѣ съ которыми, на другой день послѣ посѣщенія орочанскаго князя, Маакъ первое, что услышалъ,—это не привѣтствіе, какъ у орочанъ, а вопросъ,—нѣтъ-ли у путешественниковъ водки. Путешественники дали отвѣтъ утвердительный, но не смотря на это Маакъ никакъ не могъ убѣдить манягровъ взойти на его плотъ. Какъ не допытывался Маакъ,—почему и отчего; но только черезъ день, плывя далѣе по Амуру и высадившись для отдыха на берегъ, онъ узналъ отъ манягровъ-же, что они боятся быть у русскихъ проводниками. Они разсказали ему, что два ихъ соплеменника, служившіе проводниками у русскихъ, были потребованы въ пограничный китайскій городъ Айгунь и оттуда не возвращались. Одинъ изъ разсказчиковъ утверждалъ даже, что проводники были казнены и что вышелъ строжайшій приказъ, не исправлять при русскихъ этой должности. Но это были манягры, живущіе по ту сторону Амура на китайской землѣ, насе-

ляющіе-же Амуръ въ русскихъ владѣніяхъ исполняютъ все и весьма услужливы, если съ ними обходятся не грубо.

Манягры, живущіе въ русскихъ владѣніяхъ, одѣваются совершенно также, какъ и орочане, но по внѣшнему виду, по сложенію и по наружности они далеко съ ними не сходны. Малорослые, съ тонкими, какъ у орочанъ, ногами и руками, составляютъ исключеніе; они, напротивъ, большею частью люди крѣпкіе, хорошо сложенные, средняго и даже довольно высокаго роста и съ разнообразными чертами лица, вслѣдствіе ихъ близкихъ сношеній съ манджурами и китайцами. Посѣщая ихъ, Маакъ встрѣчалъ полное гостепріимство и услужливость; вездѣ его угощали и вездѣ дарили. Въ ихъ юртахъ Маакъ не замѣтилъ ничего такого, чѣмъ-бы онѣ различались отъ орочанскихъ юртъ, кромѣ разостланныхъ повсюду ковриковъ изъ шкурокъ козьихъ ногъ, на которые они садились около разведеннаго очага, поджавъ подъ себя ноги. Каждый манягръ зазывалъ къ себѣ въ юрту путешественниковъ, и въ каждой юртѣ подавались гостямъ маленькія берестяныя чашечки съ жиденькой кашицей, усыпанной кусочками мяса. Когда Маакъ одарилъ ихъ, то на другой-же день они явились къ нему съ визитомъ и тоже съ подарками. Всѣ они ѣздили верхомъ не на оленяхъ, какъ орочане, а на лошадяхъ; оленей они совсѣмъ не

держали. Разъ какъ-то Маакъ увидалъ, ѣдущихъ къ нему мужчинъ и женщинъ въ сопровожденіи, бѣгущей вслѣдъ за ними, цѣлой толпы дѣтей. Маакъ сейчасъ-же призналъ въ нихъ тѣхъ маягровъ, которыхъ вчера посѣщалъ. Они привезли ему въ подарокъ огромное количество мяса, рыбы; и, когда онъ ихъ также, какъ вчера снова одарилъ, они усѣлись въ кружокъ въ его палаткѣ, и, угощаясь чаемъ, мясомъ, рыбой, а главное водкой, пришли въ веселое расположеніе духа и стали разговорчивѣе, откровеннѣе. Они разсказывали объ охотѣ, о своей жизни; а такъ какъ между маягрями встрѣчаются и грамотные, то одинъ изъ нихъ каждому изъ путешественниковъ написалъ на память нѣсколько строкъ по-манджурски въ родѣ слѣдующихъ: „Въ знакъ благодарности за гостепріимство; при чемъ вина было вдоволь“. „Но скоро,— какъ отмѣчаетъ Маакъ въ своемъ дневникѣ,— эти развеселившіеся визитеры сдѣлались для хозяевъ своимъ ненасытнымъ желаніемъ подарковъ и своей навязчивостью въ тягость, и хозяева были рады, когда послѣ неоднократныхъ и тщетныхъ просьбъ, гости рѣшились, наконецъ, возвратиться къ себѣ обратно. При прощаньи старшій однако изъ маягровъ выпросилъ все-таки стаканъ водки, при чемъ, прежде чѣмъ выпить, сдѣлалъ нѣчто въ родѣ возліянія, которое заключалось въ омоченіи водкой большаго и указательнаго

пальцевъ правой руки и въ брызганіи ими направо и налѣво въ знакъ жертвоприношенія".

Маакъ, во время отдыха на берегу, зарисовывалъ ихъ лица, разную домашнюю утварь, всякія поддѣлки, украшенія, а его спутники по экспедиціи,—астрономъ—дѣлалъ наблюденія, естествоиспытатели—собирали разныя колекціи, а офицеръ-топографъ—производилъ съемку.

Здѣсь природа утрачивала уже свой сибирскій характеръ; хвойные лѣса смѣнялись чащами дубовъ, вязовъ, ясеней, возлѣ которыхъ красовались кусты розъ и другихъ южныхъ растеній. Берегъ Амура представлялъ горы и равнины, мѣстами видѣлись гранитныя скалы, или непрерывная горная цѣпь съ глубокими ущельями, густо поросшими подлѣскомъ, а на самомъ Амурѣ, то тамъ—то сямъ, разбросаны были оригинальнаго вида острова. Здѣсь путешественники невольно любовались природой и шли болѣе пѣшкомъ по берегу, то собирая по дорогѣ растенія, то охотясь на птицъ и звѣрей. Плывя по рѣкѣ, имъ постоянно встрѣчались берестянки съ маняграми, и зачастую они слышали возгласъ: „гиддалакалъ", что означало „бей острогой". Одинъ манягръ сидѣлъ обыкновенно на довольно значительномъ возвышеніи, устроенномъ въ водѣ на высокихъ кольяхъ, гдѣ либо возлѣ отмели, или же взобравшись на скалу, и оттуда, слѣдя за тѣмъ, гдѣ показалась рыба, или рябь отъ нея, онъ кричалъ своему

товарищу, сидящему внизу въ берестянкѣ: „гидалакалъ", указывая при этомъ въ какомъ направленіи видна добыча. Такимъ способомъ манягры ловятъ рыбу весьма ловко, и ловля продолжается всю весну и лѣто.

Самый обильный ловъ бываетъ, конечно, весной; зимой-же занимаются рыболовствомъ только богатые, и то не всѣ.

Маакъ рѣдкій день что не встрѣчалъ манягровъ, то на рѣкѣ, то на берегу, и у всѣхъ у нихъ шла дѣятельная и какъ-бы спѣшная работа. На рѣкѣ, то есть на рыбной ловлѣ были только мужчины, на берегу-же возлѣ юртъ одни женщины и ребятишки. Кромѣ берестянокъ у манягровъ Маакъ впервые видѣлъ на Амурѣ большія четырехаженныя лодки. На днѣ ихъ, поджавши подъ себя ноги, сидѣло по три, по четыре манягра съ веслами, на коихъ перья были на обоихъ концахъ, и рыболовы дѣйствовали ими, загребая поперемѣнно, то съ одной, то съ другой стороны, при чемъ лодка шла весьма быстро. Работа женщинъ на берегу какъ-бы удвоилась. Кромѣ хозяйства, кромѣ приготовленія пищи и другихъ заботъ, онѣ чистили рыбу, разрѣзали, вынимая изъ нея вязигу, которая шла въ продажу, сушили рыбу, развѣшивая ее на жерди, а иныя плели сѣти, рубили и носили дрова, и вообще дѣлали рѣшительно все, какъ и всѣ женщины у инородцевъ. Манягръ зналъ охоту, зналъ рыбную ловлю, но,

вернувшись домой, онъ даже не разсѣдловалъ, не развьючивалъ и не треножилъ лошадь. Все это должна сдѣлать женщина, какъ равно также строить чумъ, выдѣлывать кожи, бересту, шить одежду, изготовлять сбрую; однимъ словомъ все, кромѣ заботы о самострѣлахъ и винтовкѣ.

Всѣ встрѣчи, всѣ наблюденія надъ этой жизнью инородцевъ Маакъ записывалъ весьма тщательно въ свой дневникъ; и, какъ его работа, такъ и его сотоварищей была все время совершенно свободной. Но, вступая въ область новаго тунгусскаго племени Бираровъ, онъ долженъ былъ присоединиться къ одной военной экспедиціи и плыть нѣкоторое время по Амуру вмѣстѣ уже съ ней. Это во многомъ было противно задачамъ, какъ его, такъ и его товарищей; тѣмъ не менѣе онъ все-таки находилъ возможность продолжать свои наблюденія. Баржи военной флотиліи часто становились на мель; и, тутъ, этимъ временемъ онъ пользовался и наблюдалъ, какъ окружающую природу, такъ и образъ жизни встрѣчавшихся инородцевъ. На другой-же день плаванія онъ увидѣлъ юрты, то стоящія по одиночкѣ, то небольшими группами. Онѣ были все той-же конической формы и сложенныя изъ жердей, но обтянутыя не берестой, а тростникомъ. Когда баржи подошли близко къ юртамъ, то отъ одной изъ нихъ отплыла лодка, на которой сидѣлъ тунгусъ—бираръ, а на правильномъ веслѣ

молодая дѣвушка, лѣтъ пятнадцати. Бираръ былъ съ тонкими, вытянутыми конечностями и туловищемъ, но, видимо, сильнаго тѣлосложенія, съ пріятнымъ и весьма выразительнымъ лицомъ; лицо-же дѣвушки было полное и миловидное. Эта первая встрѣча произвела весьма хорошее впечатлѣніе, и Маакъ замѣтилъ, что бирары, хотя и тунгусы, но весьма мало имѣютъ сходства, какъ съ орочанами, такъ и маняграми: говорятъ-же совершенно однимъ языкомъ, немного чѣмъ отличающимся отъ манягрскаго въ произношеніи. Видимо, когда-то они съ маняграми составляли одинъ народъ; но вслѣдствіе постоянныхъ и близкихъ сношеній съ своими сосѣдями, китайскими подданными — манджурами, измѣнили мало-помалу нравы, обычаи, а также и многое въ своей одеждѣ. На нихъ кромѣ кожаныхъ кафтановъ все чаще и чаще попадались матерьчатые кафтаны изъ бумажныхъ тканей и войлочныя шапочки. Женщины у бираръ зачесываютъ волосы назадъ и заплетаютъ ихъ въ двѣ косы, а мужчины спереди подстригаются и заплетаютъ волоса въ одну косу. Общій видъ лица благородный: носы съ горбинками, скулы не особенно выдающіяся, какъ у орочанъ, лица продолговатыя и не безусыя и безбородыя, а, напротивъ, съ порядочными усами и бородкой въ родѣ испанки. Юрты ихъ по внѣшнему виду такіе-же какъ и манягрскія; но, войдя въ нихъ, Маакъ удивленъ былъ

Бираръ.
Мангунъ. Орочанъ.

Амурскіе тунгусы.

Манягръ.
Гробница амурск. тунгусовъ.

чистотой, порядкомъ и тѣмъ благоустройствомъ, которое ясно показываетъ болѣе уже развитыя потребности. Отъ входа въ юрту, говоритъ Маакъ, идетъ дорожка къ задней стѣнѣ, отгороженная по обѣимъ сторонамъ жердями отъ мѣста занимаемаго хозяевами, которое застлано звѣриными шкурами и цыновками. Посреди юрты сдѣлано углубленіе для очага, а противъ входа, возлѣ задней стѣнки, устроены полки, заставленныя глиняными горшками, деревянными чашками и другой домашней утварью. По обѣимъ сторонамъ полокъ, стоятъ сундуки, частью выкрашенные, частью оклеенные китайскими картинками; на жердяхъ-же, составляющихъ основу юрты, висятъ сѣти изъ пеньки и конскаго волоса, а также сушеная рыба и другіе съѣстные припасы. Когда Маакъ зашелъ въ юрту, то засталъ тамъ за работой двухъ женщинъ, которыя не обратили на него никакого вниманія; одна усердно расщепливала и разглаживала тростники, а другая прилежно сучила нитки. Дѣти безпрестанно выбѣгали изъ юрты и снова возвращались, наловивши слѣпней и оводовъ, изъ внутренности которыхъ выдавливали пузырьки съ сладкой жидкостью, и ѣли ихъ, какъ лакомство. У бираръ женщины такія-же работницы, какъ и у всѣхъ тунгусовъ: но кромѣ хозяйственныхъ работъ у бираръ встрѣчается уже скотоводство и огородничество, чѣмъ опять-таки занимаются женщины. Зимой бирары

живутъ не въ юртахъ, а въ глиняныхъ мазанкахъ, и зачастую цѣлыми селеніями. Вообще здѣсь все принимаетъ у тунгусовъ иной характеръ, сообразно природѣ и климату; во всемъ вы видите разныя усовершенствованія и заботливость о жизненныхъ удобствахъ. Такъ, и берестяники уже не тѣ; онѣ построены гораздо тщательнѣе и крѣпче маньгрскихъ, на концахъ онѣ съ загнутыми вверхъ краями; на переднемъ-же концѣ сдѣлано изъ бересты хранилище для различныхъ предметовъ и запасовъ; а посрединѣ лодки стоитъ чугунная чашка, въ которой тлѣетъ гнилая древесина, служащая для закуриванія трубки и для удаленія отъ лодки комаровъ и другихъ такихъ-же неугомонныхъ насѣкомыхъ. Весла, кромѣ обыкновенныхъ тунгусскихъ, есть еще и въ видѣ лопатъ, съ помощью которыхъ не только весьма легко направлять лодку въ ту или другую сторону, но и подходить къ добычѣ безъ всякаго шума и плеска. Когда гребутъ этими веслами, то онѣ напоминаютъ перья рыбы, особенно-же при рыбообразной формѣ и самой лодки. Въ рыболовныхъ снастяхъ у бираръ также есть много усовершенствованій; но и бирары вѣдь, какъ и всѣ амурскіе тунгусы, больше всего занимаются рыболовствомъ, а затѣмъ уже охотой.

Въ охотѣ бираръ, среди той природы, которая далеко не походитъ на природу верхняго Амура, а тѣмъ болѣе на сибирскую природу, есть также

свои особенности, и изъ нихъ необходимо указать преимущественно на слѣдующія. Бираръ, напримѣръ, чтобы привлечь оленей къ посѣщенію извѣстнаго мѣста, посыпаетъ это мѣсто солью, а чтобы не гоняться за животными, они производятъ пожары, и, когда животныя, спасаясь, бѣгутъ къ ручьямъ и къ Амуру, охотники изъ засады убиваютъ ихъ. Пожары эти, особенно при вѣтрѣ, бываютъ величественны. Тамъ, гдѣ слабое пламя обхватываетъ рѣдкую, засохшую траву, огонь распространяется медленно, а шипѣніе и трескъ слышны только на близкомъ разстояніи; но, когда воспламеняются зонтичныя растенія, вышиною въ нѣсколько футовъ, тогда ихъ окружаетъ красно-бурый дымъ, колеблющійся столбомъ, изъ котораго пламя выдается повсюду яркими зубьями. Тутъ, при ночной темнотѣ и безмолвіи, представляется страшная картина. Слышатся глухой трескъ, завываніе и вой хищныхъ животныхъ; бѣгутъ испуганные волки, лисицы и поѣдаютъ, спасающихся землероекъ; покидаютъ свои засады тигры и барсы, карауливше въ горахъ оленя или козулю, и съ голода набрасывающіеся теперь на болѣе мелкихъ звѣрей. Бираръ въ это время тоже не покладаетъ рукъ; и онъ въ свою очередь стережетъ тигра и барса; онъ и въ лѣсу, замѣтивъ гдѣ-либо слѣды тигровыхъ лапъ, взбирается на деревья; и только, сидя на деревѣ, выжидаетъ приближенія оленя. Случается такъ, что ночью бираръ сидитъ на де-

ревѣ и при лунномъ свѣтѣ видитъ, какъ крадется между деревьевъ тигръ, и также наровнѣ съ нимъ дѣлаетъ засаду на одну и ту же добычу.

У бираръ въ лѣсахъ, растущихъ по Буреинскимъ горамъ и у береговъ Амура, сталкиваются и сѣверныя и южныя животныя: сѣверный олень вмѣстѣ съ тигромъ и барсомъ, а россомаха на ряду съ куницей и антилопой. Та же смѣсь представляется и въ растеніяхъ, хотя, конечно, повсюду преобладаетъ и южная растительность, и тропическія животныя. Но по горамъ въ смѣшанныхъ лѣсахъ все-таки главное мѣсто занимаютъ лиственныя деревья, вы также видите много вьющихся растеній, много папоротниковъ; у самаго-же берега Амура растутъ высокія травы, тростники, зонтичныя и полынныя растенія, подальше-же отъ берега ивы, а еще далѣе, возлѣ долинъ, пирамидальные кусты особаго вида клена. Въ такихъ мѣстахъ можно услышать шипѣнье какой-либо саженной пестрой змѣи, или-же натолкнуться на чащу одного вида лещинника, пробраться сквозь который можно только въ кожаномъ тунгускомъ кафтанѣ, да и то съ окровавленіемъ рукъ и лица. Но еще далѣе, въ долинахъ, открывается новый растительный міръ. Тамъ густымъ шатромъ, сквозь который едва проглядываетъ кое-гдѣ синева неба, раскинулась великолѣпная густая зелень маньчжурской липы, или перистыя листья ясени и пробковаго дерева; а потомъ начинается подлѣ-

сокъ съ манджурской орѣшиной, и затѣмъ непролазная чаща лѣса, гдѣ на каждомъ шагу представляются разныя преграды. То лежатъ повалепные вѣтромъ и покрытые мхомъ гнилые стволы, то высокіе многолѣтніе ниц папоротниковъ; и у ручья гдѣ-либо на лужайкѣ заслышится тихій ревъ и ворчанье тигрицы, или-же шорохъ кабана, разрывающаго землю. И чѣмъ далѣе въ лѣсъ, тѣмъ онъ становится чаще, тѣмъ деревья громадпѣе, а лѣсъ безмолвнѣе и мрачнѣе. На вершинахъ же горъ и особенно по сѣверному склону ихъ,—тамъ уже тотъ хвойный лѣсъ, который представляетъ собою тоже, что и сибирская тайга.

О своихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ прогулокъ по лиственнымъ лѣсамъ Амура, Маакъ въ своемъ дневникѣ пишетъ: „Бродя по лѣсу, я былъ пораженъ его дѣвственнымъ дикимъ видомъ, зрителемъ котораго мнѣ еще не случалось быть во весь путь по Амуру: высоко поднимались ровные стволы деревьевъ, которыя спутывались вѣтвями и, раскачиваемые вѣтромъ, наполняли лѣсъ смутнымъ шумомъ. Я ощущалъ необъяснимое чувство торжественнаго одиночества и сторожкости, ожидая ежеминутно встрѣчи съ тигромъ или барсомъ, которые нерѣдко здѣсь попадаются. Еще сегодня одинъ изъ нашихъ людей видѣлъ подобнаго звѣря, какъ мы узнали изъ его разсказа и описанія вида животнаго. Но несмотря на то, что прогулка въ такихъ

лѣсахъ сопряжена съ опасностью, безъ страха ходишь по нимъ и, завлекаемый желаніемъ пріобрѣсти интересные образцы для колекцій, даже забываешь, что быть можетъ въ нѣсколькихъ шагахъ лежитъ медвѣдь или рыщетъ голодный тигръ".

Но жизнь въ этихъ лиственныхъ лѣсахъ проявляется больше всего осенью, когда поспѣваютъ кедровые орѣхи, желуди, виноградъ и особаго вида — сладкія яблоки. Тогда странствуетъ съ одного мѣста на другое медвѣдь, разыскивая виноградъ; пушные звѣри переправляются съ праваго берега Амура на лѣвый и обратно, а подъ яблонями, еще не попадаютъ и яблоки, какъ вся трава измята и по ней топчатся наперерывъ,— лисица, барсукъ, волкъ, медвѣдь и кабанъ. Бѣлка, а за ней и соболь также переплываютъ Амуръ, и, по увѣренію бираръ, съ появленіемъ русскихъ на Амурѣ, соболей стало плодиться несравненно въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде.

Такого рода картина и растительности, и животныхъ Амура не измѣняется почти вплоть до впаденія его въ океанъ.

Послѣ Буреинскихъ горъ, населенныхъ бирарами, Маакъ съ военной экспедиціей прошелъ еще пустынный, никѣмъ не населенный Хинганскій хребетъ, а затѣмъ дѣйствія Маака стали опять свободны; его ученая экспедиція отъ военной отдѣлилась. Но тутъ, несмотря и на свободу

дѣйствій, время путешествія было такъ ограничено, что Мааку пришлось торопиться и работать усленнѣй. Большая половина лѣта прошла, а необходимо было совершить еще путь до устья, и затѣмъ до замерзанія Амура проплыть его весь обратно. Страсть ученаго къ собиранію матеріала и къ изслѣдованіямъ постоянно однако его задерживала: то являлось желаніе поохотиться за какимъ либо рѣдкимъ экземпляромъ звѣря или птицы, то приходилось посѣщать инородческія юрты, то собирать растенія, травы и тому подобное.

Такъ, возлѣ устья Сунгари было множество птицъ: Маакъ видѣлъ безчисленное количество аистовъ, утокъ и чаекъ. Они высиживали на песчаныхъ отмеляхъ яйца и на столько густо покрывали берега, что послѣдніе казались какъ-бы снѣжными. Маакъ охотился на этомъ раздольѣ съ утра до вечера; и, разъ, увлекшись синими сороками, охота на которыхъ затруднительна, задержалъ поѣздку на цѣлый день. Но больше всего его всегда задерживало посѣщеніе инородцевъ; ихъ угощенья и пиршества.

Возлѣ устьевъ Сунгари онъ встрѣтился съ тунгускимъ племенемъ гольдами, которые въ нашихъ владѣніяхъ преимущественно живутъ по рѣкѣ Усури и которымъ вмѣстѣ съ другимъ инородческимъ племенемъ — гиляками мы посвящаемъ слѣдующій очеркъ. Затѣмъ онъ изучалъ

жизнь мангуновъ, или, какъ сами они себя называютъ, ольчей, потомъ орочей; и такъ вплоть до океана.

Мангуны, или ольчи, по словамъ всѣхъ путешественниковъ, самый просвѣщенный народъ среди тунгусовъ, населяющихъ Амуръ. Они весьма переимчивы. Предпочтительный ихъ промыселъ,— это рыбная ловля; они рыболовы больше чѣмъ всѣ остальные тунгусы. Первое ихъ селеніе, которое увидалъ Маакъ, обратило на себя его вниманіе особаго рода лѣтними юртами, называемыми дауро. Эти юрты строются только у однихъ мангуновъ; это ихъ національная особенность, которой однако, несмотря на всѣ ея удобства, никто изъ инородцевъ, даже близкіе сосѣди, не подражаютъ. Дауро имѣютъ видъ довольно вмѣстительнаго сарая съ двухскатной крышей, покрытою тростниковыми циновками. Когда Маакъ вошелъ въ одну изъ такихъ дауро, то его глазамъ представилось чистенькое, веселое и очень уютное жилище. Посреди дауро очагъ, по бокамъ, вдоль продольныхъ стѣнъ, тянутся низкія но широкія нары, а къ поперечной задней стѣнѣ, которая противъ входа, прибиты полки, съ разставленной на нихъ различной утварью. Мангуны встрѣтили Маака весьма радушно, а на другой день онъ побывалъ и въ ихъ зимнихъ жилищахъ. Послѣднія построены уже довольно основательно и представляютъ собою мазанки, сдѣ-

лашныя изъ столбовъ и глины. Тутъ впервые встрѣчаются широкія окна съ деревянными рѣшетками, обклеенными рыбьей кожей. Внутри мазанокъ, между двумя столбами, поддерживающими кровлю, стоитъ столъ для собакъ; мангуны, ради своихъ дальнихъ торговыхъ поѣздокъ, держатъ ихъ въ большомъ количествѣ. Вокругъ стѣнъ мазанки устроены лежанки, на которыхъ ютятся по угламъ два, три семейства, живущія всѣ вмѣстѣ. Возлѣ мазанокъ на дворѣ стоятъ амбары; но особенность мангунскихъ селеній составляютъ очень большія подмостки возлѣ амбаровъ для приготовленія сушеной рыбы, называемой ю к о л а. Эти подмостки такъ завѣшаны рыбой, что издали кажутся совершенно красными. Для того-же, чтобы защитить рыбу отъ нападенія птицъ, подмостки закрываютъ сѣтями или оплетаютъ ивовыми прутьями, а иногда тутъ-же на столбахъ сидятъ и караульщики орлы, которые у мангуновъ пользуются обоготвореніемъ, и ихъ держатъ въ селеніяхъ изъ суевѣрнаго убѣжденія, какъ извѣстную силу, или могущество. Крылья ихъ, какъ украшеніе, развѣшиваются въ мазанкахъ. Кромѣ орловъ, мангуны держатъ также и ручныхъ филиновъ для истребленія безчисленныхъ крысъ. Дубовая сивороиока, голубятникъ и черный коршунъ сидятъ у нихъ въ клѣткахъ ради перьевъ, употребляемыхъ для стрѣлъ. Вообще-же, надо замѣтить, что мангуны любятъ птицъ; у нихъ,

напримѣръ, существуетъ прекрасный обычай устраивать, какъ подъ крышей, такъ и внутри мазанокъ, дощечки для гнѣздъ ласточекъ.

Кроткіе и добродушные мангуны въ тоже время смѣлы и храбры. Ихъ маленькіе черные глазки, при выдающихся монгольскихъ скулахъ, искрятся оживленіемъ; жиденькіе усики и едва замѣтная бородка ростутъ какъ-бы только для отличія мужчинъ отъ женщинъ; черные же густые волосы или висятъ по плечамъ, или свернуты пучкомъ на маковкѣ, а у женщинъ расчесаны съ проборомъ посерединѣ головы и сплетены въ косу, которая спускается на спину. Многіе изъ нихъ татупируются,—что весьма рѣдко встрѣчается среди другихъ тунгусскихъ племенъ, но татупировка большею частью ограничивается крестиками на лбу и на щекахъ.

Маакъ познакомился съ ними лѣтомъ, когда они всѣ были или въ рыбьихъ кожахъ, или въ кафтанахъ изъ маньджурскихъ и русскихъ бумажныхъ матерій, спускавшихся у мужчинъ ниже колѣнъ, а у женщинъ доходящихъ до ладыжки и украшенныхъ разноцвѣтной рыбьей кожей, очень искусно вырѣзанной въ видѣ замысловатыхъ арабесковъ, нашитыхъ пестрыми шелками. По подолу-же кафтаны обвѣшаны были китайскими монетами и раковинами гажьи головки, прицѣпленными къ пестрымъ шелковымъ лентамъ. Шляпы на ихъ головахъ берестяныя коническія, а у жен-

щинъ чаще видѣлись шапки, сшитыя изъ синей матеріи и выстеганныя подъ узоръ. Всѣ носили лосиные или оленьи башмаки съ ситцевыми голенищами, обвязанными ремнемъ. Но самая выдающаяся и самая важная часть мангунскаго костюма,—это ихъ кожаные пояса, на которыхъ развѣшаны различныя вещи. Тутъ, кривой ножъ для разрѣзыванія рыбы, желѣзный гвоздь для чистки трубки, составляющей неразлучную спутницу мужчинъ и женщинъ, тутъ-же и большой ножъ въ мѣховой ножикъ, мѣшочекъ для кремня и другой для трута, а также круглый игольникъ и еще мѣшочекъ, къ которому привѣшаны огниво и кость для разглаживанія рыбьей кожи.

Маакъ попросилъ показать ему зимніе ихъ костюмы, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ равно и лѣтніе, пріобрѣлъ. Зимнія одежды мало чѣмъ отличались отъ лѣтнихъ: кафтаны изъ собачьихъ или оленьихъ шкуръ, шерстью наружу, шапки изъ различнаго мѣха, красиво подобраннаго также шерстью наружу, а на шеѣ ошейники изъ бѣличьихъ хвостиковъ. Носятъ они еще мѣховые наушники, и наконецъ вышитыя узорами рукавицы. Изъ украшеній Маакъ видѣлъ у всѣхъ женщинъ серьги изъ мѣдной, серебряной или латунной проволоки съ стекляннымъ бисеромъ, а у мужчинъ на большомъ пальцѣ правой руки широкія кольца, облегчающія имъ натягиваніе тетивы лука. Къ этимъ-же кольцамъ они привѣшиваютъ иногда и

нѣсколько узенькихъ колечекъ, сдѣланныхъ изъ желѣза и часто съ мѣдными и серебряными вставными украшеніями. Манчжуны вообще, какъ и тунгусы тайги, любятъ украшать свои вещи, и, какъ говоритъ Маакъ, „ихъ одежды, оружіе, утварь покрыты различными узорами, которые ясно доказываютъ присутствіе живаго художественнаго чувства. Въ самыхъ сложныхъ рисункахъ, они не отступаютъ отъ правила вкуса, и даже въ соединеніяхъ параллельныхъ линій съ дугообразными, съ кружками и зигзагами, которые стройно слагаются въ одно цѣлое, проглядываетъ тонкое пониманіе симетріи. Ихъ рисунокъ такъ разнообразенъ, такъ прихотливъ, что невозможно составить точнаго опредѣленія его характера. Иногда въ немъ видишь вліяніе сосѣдняго Китая, иногда онъ напоминаетъ турецкую архитектуру, или византійскую мозаику, и наконецъ, чаще всего, представляетъ простое, но изящное повтореніе очень любимаго манчжурами одного мотива. Какъ ни грубы также въ узорахъ манчжурскія воспроизведенія природы, но онѣ не менѣе заслуживаютъ вниманія, мы встрѣчаемъ въ нихъ не только простой орнаментъ, но даже въ связи съ животными; и нельзя не удивляться удачной группировкѣ и искусному выбору предметовъ.“

„Относительно употребленія красокъ,—продолжаетъ далѣе Маакъ,—вообще замѣчено, что у народовъ необразованныхъ преобладаетъ надъ вку-

сомъ любовь къ пестротѣ и яркости. Мангуны въ этомъ отношеніи представляютъ замѣчательное исключеніе: не смотря на любовь свою къ украшеніямъ, руководствуясь художественнымъ инстинктомъ, они любятъ только соединеніе цвѣтовъ дополнительныхъ, и эта тонкая способность понимать гармонію красокъ находится въ странномъ противорѣчіи съ грубостью ихъ нравовъ. Нѣтъ однако сомнѣнія, что народу, который при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ полудикой жизни, безъ посторонняго благодѣтельнаго вліянія, одной силой своего творческаго духа возвысился до пониманія изящнаго, недостаетъ только случая, чтобы быстро двинуться впередъ на поприщѣ духовнаго развитія.“

И во всемъ, рѣшительно во всемъ нельзя не отмѣтить ихъ художественнаго чутья. Въ то время, какъ тунгусы тайги вѣшаютъ гробы съ своими покойниками прямо между деревьевъ, а всѣ амурскіе тунгусы ставятъ ихъ въ гробницы, то-есть въ особо устраиваемые простые, дощатые домики, у мангуновъ эти домики постоянно разукрашены рѣзьбой, разрисованы красками, и заботливость о красотѣ видимо у нихъ на первомъ планѣ. Маакъ не разъ посѣщалъ эти гробницы, и многіе изъ нихъ зарисовалъ. Однажды вблизи мангунскаго селенія на береговомъ скатѣ стояло нѣсколько гробницъ. Заглянувши въ щель двери, замкнутой задвижкой, Маакъ увидалъ въ одной

изъ нихъ гробъ, обшитый пурпуровою парчею. На гробѣ лежали всѣ принадлежности охоты, а также кусокъ шелковой матеріи и другія вещи, въ которыхъ нуждался покойникъ при жизни; передъ гробницей-же стояла парта и на ней лежала сбруя для запряжки собакъ. Все это, по понятіямъ тунгусовъ, необходимо покойнику и на томъ свѣтѣ. Мааку случилось видѣть и гробницу шамана, которая въ общемъ походила на всѣ другія, но была тщательнѣе разрисована и разукрашена различными рисунками, со стороны обращенной къ рѣкѣ. Между украшеніями попадались лягушки, змѣи и четвероногія животныя, частью вырѣзанныя, частью нарисованныя на лицевой сторонѣ подъ фронтономъ. Кромѣ вещей, которыя обыкновенно кладутся тунгусами возлѣ покойниковъ, въ гробницѣ шамана красовался и его бубенъ. Полъ былъ устланъ тростниковыми циновками и внутри гробницы находились двѣ перекладины, на которыхъ стоялъ гробъ, обитый парчею, а къ гробу былъ прикрѣпленъ коврикъ изъ кусковъ матеріи, къ нему-же пришиты разноцвѣтныя ленточки, локонъ волосъ и кольцо. Мааку пришлось встрѣчать и совершенно пустыя гробницы безъ гробовъ, но со всѣми вещами, принадлежавшими покойникамъ,—это, какъ оказалось, были гробницы утопленниковъ и другихъ безъ вѣсти погибшихъ.

На обратномъ пути, при возвращеніи въ Ир-

кутскъ, когда Мааку пришлось прожить около мѣсяца у манягровъ, онъ присутствовалъ и на тунгусскихъ похоронахъ. Но объ этомъ скажемъ въ заключеніе; теперь-же намъ остается закончить путешествіе Маака нѣсколькими словами объ одномъ маленькомъ тунгускомъ племени Орочи, которое живетъ на морскомъ берегу при самыхъ устьяхъ Амура. Орочи во всѣхъ отношеніяхъ совершенно сходны съ мангунами, и, если что составляетъ какую-либо особенность ихъ быта, то это множество идоловъ. Ихъ идолы представляютъ собою разнообразнѣйшія соединенія человѣческихъ формъ съ медвѣжьими, собачьими, тюленьими, птичьими, однимъ словомъ, съ формами всевозможныхъ четвероногихъ, птицъ и рыбъ. По замѣчанію Маака, мифологія орочей,— это интереснѣйшій предметъ для будущихъ изслѣдователей. Но кромѣ такого идолообилія во всемъ остальномъ, даже и по наружности, они тѣже мангуны. Тѣже у нихъ мазанки, лѣтники, таже одежда, таже любовь къ украшеніямъ, такія-же лодки о м о р о ч и, какъ и берестянки, но закрытыя уже на обоихъ концахъ для храненія вещей и провизіи; даже тѣже пѣсни, которыя слышалъ Маакъ и у мангуповъ. Орочанъ, какъ и мангунъ, ѣдетъ подъ вечеръ на своей оморочѣ, посереднѣ лодки дымится въ горшкѣ какое-то злое зелье, отгоняющее комаровъ, а онъ тянетъ

монотонно одну и туже немудреную пѣсню и, сидя поджавши ноги, плететъ свою безконечную сѣть.

Маакъ встрѣчалъ ихъ часто въ такомъ видѣ, плывя по устью Амура и потомъ возвращаясь обратно. Но все видѣнное у орочей было уже для него не ново; и онъ торопился въ обратный путь, какъ-бы предчувствуя тѣ невзгоды, которыя дѣйствительно и выпали этотъ разъ на его долю. Задерживаясь то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ ради изслѣдованій, онъ затянулъ путешествіе до того, что казаки, сопровождавшіе его, подъ вліяніемъ грустныхъ ожиданій, крѣпко задумались, и Мааку, свыкшемуся съ нуждами и случайностями путевой жизни, пришлось развеселять и ободрять свою пріунывшую команду. „Туманныя, холодныя утра,—какъ онъ пишетъ,—блекнувшая зелень, красноватые лучи солнца, озарявшіе шуриномъ и воду и лѣсъ, въ которомъ, проглядывала пожелтѣвшая листва деревьевъ, станицы птицъ, тянувшіяся къ югу,—все напоминало осень.“ И, смотря на это, ни у кого уже не оставалось надежды до наступленія зимнихъ холодовъ достигнуть Иркутска; зимній путь со всѣми его трудностями и лишеніями смотрѣлъ грозно всѣмъ въ глаза. Не хватало провизіи, и приходилось дѣлить запасы по небольшимъ порціямъ; приходилось охотиться, но охота задерживала плаваніе; покупка провизіи становилась все труднѣе и труднѣе; и вслѣдствіе этого стали питаться, чѣмъ Богъ

послалъ. То вдругъ Маакъ увидѣлъ дикихъ козъ, переправлявшихся черезъ рѣку, и сейчасъ-же вмѣстѣ съ казаками воспользовался этой добычей, то казаки наловили рыбъ, то явилось еще что-либо на выручку; но подошли холода, сталъ показываться ледъ, и у Айгуна Маакъ чуть не утонулъ. Кромѣ этого онъ выдержалъ долгій плѣнъ, сильную болѣзнь, а потомъ, послѣ болѣзни и плѣна, ему пришлось чуть не сотни верстъ идти пѣшкомъ, такъ какъ купить лошадей было негдѣ, а стужа изо-дня въ день становилась сильнѣе, снѣгъ сталъ покрывать землю чуть не на аршинъ, лошади вязли по грудь, шли безъ корма, околѣвали, казаки-же ѣли одно просо, да и то безъ соли. Маакъ вслѣдствіе всего этого, достигнувъ одного манягрскаго селенія, долженъ былъ волей не волей, остановиться и сдѣлать разныя распоряженія, чтобы спасти экспедицію.

Казаки и всѣ его спутники отправились далѣе въ путь, а онъ съ двумя казаками прожилъ въ манягрской юртѣ двѣ недѣли. Тутъ ему пришлось познакомиться весьма близко съ бытомъ и жизнью кочующихъ тунгусъ; онъ, какъ мы уже сказали, присутствовалъ даже и на ихъ похоронахъ. „Въ сумерки,—какъ пишетъ Маакъ,—собрались въ юрту одного манягра всѣ почетные жители селенія. Они разсѣлись по разнымъ мѣстамъ вокругъ огня. Возлѣ дверей занялъ мѣсто шаманъ. На головѣ шамана торчала круглая шапка, къ по-

верхности которой были прикрѣплены два желѣзныхъ рога, украшенныхъ бубенчиками и кусками пестрой матеріи; у краевъ-же шапки висѣли шнурки, на которыхъ былъ нанизанъ бисеръ; шнурки эти ниспадали на лицо и затылокъ. Самъ шаманъ былъ одѣтъ въ обыкновенное платье, потому что полный свой костюмъ, состоящій у всѣхъ тунгусскихъ шамановъ изъ плаща, обвѣшаннаго погремушками и кусками желѣза, они надѣваютъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ и въ большіе праздники. Въ лѣвой рукѣ шаманъ держалъ шаманскій бубенъ, а въ правой колотушку, которой онъ ударялъ въ бубенъ, издававшій при этомъ довольно громкіе звуки".

Маакъ подкрался къ юртѣ, желая быть свидѣтелемъ всѣхъ дѣйствій шамана; и вотъ что на его глазахъ происходило.

„Шаманъ,—какъ описываетъ все происходившее Маакъ,—говорилъ довольно тихо и нараспѣвъ, не прибѣгая, впрочемъ, къ обыкновеннымъ шаманскимъ кривляньямъ; его слова были обращены къ старику, потерявшему жену. Когда шаманъ оканчивалъ свою фразу, то всѣ присутствующіе отвѣчали ему слѣдующимъ припѣвомъ: „ега-ега-га-га-га", а иногда присутствующіе произносили протяжно въ отвѣтъ на слова шамана „га" или „эме", что значитъ по-тунгуски „справедливо", „точно такъ", „да". Сперва шаманъ утѣшалъ старика, а потомъ рѣчь его приняла

другой характеръ: онъ сталъ импровизировать, представляя, какъ говоритъ старикъ и какъ отвѣчаетъ ему его умершая жена. Представляя старика, шаманъ говорилъ за него, будто-бы онъ прощается съ женой, проситъ ее идти по избранной дорогѣ въ царство духовъ и не возвращаться больше къ нему въ юрту. Затѣмъ, по словамъ шамана, старикъ продолжаетъ говорить, что онъ, зная трудность дороги, по которой его жена должна идти, отдаетъ ей всѣ любимыя ею предметы, какъ-то: лошадь, сѣдло, платье и проч. Вслѣдъ за этимъ шаманъ, представляя покойницу-жену, отвѣчалъ мужу слѣдующимъ образомъ: „живи хорошо, ходи на охоту для того, чтобы не испытывать нужды, береги все наше хозяйство и будь увѣренъ, что я жалѣю о томъ, что оставила тебя одного, потому что мы жили съ тобою въ этомъ свѣтломъ мірѣ такъ согласно; теперь-же я умерла и никогда къ тебѣ не возвращусь, потому что мнѣ опредѣлено вѣчно бродить по мрачному міру духовъ“. Эти слова шамана чрезвычайно растрогали старика, который даже прослезился, вспоминая о своей женѣ, при жизни которой, какъ я узналъ, старикъ, однако, не счелъ грѣхомъ взять себѣ другую жену. Вся эта церемонія продолжалась около двухъ часовъ; когда-же она окончилась, то на любимую лошадь покойницы, стоявшую близъ юрты, навьючили всѣ ея вещи. Когда-же и это было сдѣлано, то

все селеніе, не исключая старухъ и мальчишекъ, отправилось къ мѣсту похоронъ, въ лѣсъ; впереди-же всей процессіи повели лошадь покойницы. Когда я пришелъ къ мѣсту похоронъ, то увидѣлъ опять слѣдующее зрѣлище: на небольшой площадкѣ стояло два костра; около одного изъ нихъ поставлены были подмостки, на которыхъ стоялъ гробъ. Оба костра горѣли яркимъ пламенемъ; по сторонамъ одного костра расположились всѣ участвовавшіе въ процессіи; съ одной стороны сѣлъ шаманъ и около него помѣстились всѣ мужчины, а съ другой, прямо противъ шамана, сѣлъ неутѣшный супругъ со своей другой женой. Второй костеръ былъ назначенъ для варенья кушанья, для чего тутъ-же стояли приготовленные котлы. Къ подмосткамъ была привязана лошадь покойницы; тутъ-же лежали и ея любимые вещи. Когда всѣ усѣлись, то тѣло покойницы было снято съ дерева и положено возлѣ гроба, который состоялъ изъ двухъ выдолбленныхъ половинокъ дерева. Манягры, увидѣвъ меня, посредствомъ разныхъ намековъ, дали мнѣ знать, что у нихъ для довершенія церемоніи недостаетъ водки и что они были-бы очень благодарны мнѣ, если-бы я имъ далъ хотя немного этой прекрасной жидкости. Когда я исполнилъ ихъ просьбу, то, поблагодаривъ меня, они разлили водку въ чарки, не забывъ при томъ покойницы, возлѣ которой также поставили чарку съ водкой. Послѣ

того манягры стали подходить къ гробу, высыпая на дощечку, положенную возлѣ покойницы, золу изъ трубокъ. Наконецъ покойницу положили въ гробъ; при этомъ шаманъ, восхваляя меня за водку, сталъ вмѣстѣ съ другими класть вещи покойницы въ гробъ; подъ голову положилъ ей сѣдло, а подъ ноги котелъ. Вмѣстѣ съ другими вещами было положено въ гробъ и небольшое копьецо съ желѣзнымъ наконечникомъ, которое было сначала воткнуто возлѣ гроба. Когда шаманъ клалъ это копьецо въ гробъ, то торжественно сталъ объяснять назначеніе его, состоящее въ томъ, что покойницѣ дается это копьецо для того, чтобы она могла имъ пролагать себѣ дорогу и сражаться съ нечистыми духами, странствуя въ подземномъ мірѣ. Уложивъ покойницу и ея вещи въ гробъ, манягры стали подкрѣплять себя кушаньями, которыя разносили имъ въ чашкахъ. Затѣмъ подали шаману бубенъ, который грѣли передъ тѣмъ на огнѣ, чтобы натянуть какъ можно сильнѣе его кожу. Шаманъ, взявши въ руки бубенъ, сталъ изрѣдка ударять въ него, дѣлая разныя движенія своими членами; за ударами прерывистыми стали слѣдовать удары болѣе частые, которые, наконецъ, все усиливаясь, обратились въ какой-то непрерывный, нестройный и дикій гулъ. Съ каждымъ ударомъ кривлянья шамана увеличивались; всѣ члены его стали трястись; въ это время онъ походилъ на безумнаго.

Впродолженіе всего этого, такъ сказать, первическаго припадка онъ постоянно произносилъ какія-то слова, обращенныя къ старику, потерявшему жену; слова шамана всѣ присутствовавшіе сопровождали уже извѣстнымъ намъ припѣвомъ „ега“ и т. д.

Наконецъ кривляніе и страшные жесты шамана достигли послѣдней степени неистовства. Онъ сталъ бросаться въ разныя стороны, издавая дикіе крики; но, вотъ, глаза его вдругъ закатились, на губахъ показалась бѣлая пѣна, и онъ упалъ въ обморокъ, какъ будто пораженный апоплексическимъ ударомъ. Паденіе на землю и лежаніе на ней шамана считаются самыми важными обрядами изъ всѣхъ тѣхъ, которые совершаются шаманомъ при похоронахъ. Во время лежанія шамана на землѣ, по вѣрованіямъ тунгусовъ, духъ его исходитъ въ міръ подземныхъ духовъ, странствуетъ по этому міру и встрѣчается тамъ съ умершей, которая разсказываетъ, какъ ее приняли подземные духи и какъ она живетъ въ подземномъ мірѣ. Для того, чтобы дать шаману возможность безпрепятственно странствовать въ подземномъ мірѣ духовъ и бороться съ ними въ случаѣ нужды, одинъ изъ манягровъ, во время паденія шамана на землю, поспѣшилъ вложить въ одну изъ его рукъ копье. Тотъ-же самый манягръ, который далъ копье шаману, сталъ возлѣ него на колѣни и началъ прислушиваться къ тѣмъ сло-

вамъ, которыя медленно произносилъ шаманъ; затѣмъ слова эти манягръ передавалъ вовсеуслышанье. Шаманъ разсказывалъ о похожденіи умершей въ мірѣ духовъ и о ея борьбѣ съ ними, утѣшая при томъ мужа, что умершая очень довольна своею настоящею жизнью. Послѣ всего этого шаманъ всталъ съ земли и началъ снова кривляться, скакать, пѣть. Это продолжалось до самой поздней ночи. Во время обрядовъ шамана, я невольно наблюдалъ за одной манягрской женщиной, сидѣвшей противъ меня: лицо ея имѣло какое-то страшное выраженіе; всѣ мускулы ея находились въ постоянномъ движеніи; члены ея безпрерывно двигались. Эта женщина, какъ я впослѣдствіи узналъ, давно уже почувствовала въ себѣ призваніе къ шаманству,—ею овладѣло сильное стремленіе узнать міръ духовъ; съ этою цѣлью она поступила въ ученицы къ главному шаману, который сообщилъ ей тайны подземнаго міра и выучилъ ее искусству призывать духовъ. Когда шаманъ окончилъ свои обряды и сѣлъ на свое прежнее мѣсто, то женщина эта, испустивъ пронзительный крикъ, сдѣлала непстовый скачекъ и бросилась въ пылающій костеръ; оттуда ее съ большимъ трудомъ вытащили два молодыхъ манягра. Послѣ этого она однако не успокоилась, а продолжала кривляться, испуская пронзительные крики, которыми она подражала голосу разныхъ животныхъ. Весь похоронный обрядъ заключился

закланіемъ лошади, мясо которой было тутъ-же съѣдено манятрами, при радостныхъ восклицаніяхъ и плескахъ, продолжавшихся до самаго утра; кости-же и кожа этой лошади были положены въ гробъ умершей."

На другой-же день послѣ этихъ похоронъ Маакъ распрощался навсегда съ амурскими тунгусами; и, если онъ претерпѣлъ и на Амурѣ тоже, что и на Вилюѣ, то, вернувшись въ Иркутскъ, также вѣроятно забылъ всѣ невзгоды своего путешествія, и могъ жалѣть только объ одномъ,—о кратковременности своего странствованія, не позволившаго ему собрать всѣ тѣ свѣдѣнія и тотъ матеріалъ, который такъ интересенъ для науки. Но матеріалъ этотъ пополнили другіе ученые, а особенно Радде, который въ лѣсной глуши на Амурѣ построилъ самъ себѣ домъ и прожилъ въ немъ всю зиму.

Теперь Амуръ по описанію путешественниковъ и узнать нельзя. Отъ истока до устья онъ оживленъ русскими переселенцами; инородцы-же частью слились съ русскими, частью совершенно преобразились; ихъ первобытные нравы и обычаи почти что исчезли; да и сами они мало-по-малу исчезаютъ также, какъ и тунгусы на тайгѣ.

ГОЛЬДЫ И ГИЛЯКИ.

(Миссіонерство на дальнемъ Востокѣ).

На низовьяхъ Амура, а главное по его притоку Усури и въ Усурійскомъ краѣ есть еще инородческое племя—гольды, а рядомъ съ ними возлѣ устьевъ Амура, на прибрежномъ материкѣ Сибири, отдѣленномъ отъ острова Сахалина Татарскимъ проливомъ, и на самомъ Сахалинѣ, занимая всю его свѣтлую половину, какъ курильцы южную, живутъ гиляки. Гольды—чисто тунгускаго племени; гиляки-же, которыхъ прежде причисляли также къ амурскимъ тунгусамъ, чисто курильскаго происхожденія; и между гольдами и гиляками, не смотря на ихъ одинаковый образъ жизни, одни и тѣ-же промыслы и одну и ту-же религію: мы видимъ, какъ въ ихъ характерѣ, такъ и въ правахъ рѣзкую противоположность.

Первый миссіонеръ, проповѣдывавшій между этими двумя народцами евангеліе и первый просвѣщенный европеецъ, ознакомившій насъ съ ними, а также и съ Уссурійскимъ краемъ, былъ французъ де-ла Брюньеръ. Его постигла среди гиляковъ весьма печальная участь.

Прежде всего де-ла Брюньеръ встрѣтился въ Уссурійскомъ краѣ съ гольдами, или рыбьими кожами (юписы, юпи-та-тцы), какъ назвали ихъ китайцы, вслѣдствіе ихъ одежды, сдѣланной изъ рыбьей кожи. Гольды были поражены появленіемъ въ ихъ странѣ, невиданнаго ими европейца. Они съ изумленіемъ и возгласами осматривали его одѣяніе, требникъ, распятіе; и все это вызывало въ нихъ тысячи разныхъ предположеній о цѣляхъ европейца, о его намѣреніяхъ, о томъ — кто онъ, откуда и такъ далѣе. Де-ла Брюньеръ также въ свою очередь вглядывался въ ихъ скуластыя смуглыя лица съ раскосыми глазами и съ блестящими серьгами, продѣтыми не только въ уши, но и черезъ ноздрю. Они дѣйствительно, какъ мужчины, такъ и женщины были одѣты въ рыбьи кафтаны, доходящіе у женщинъ до щиколки, а у мужчинъ немного ниже колѣнъ, въ рыбьи башмаки, а у мужчинъ виднѣлись и короткіе штаны изъ той-же рыбьей кожи. Кафтаны, украшенные разноцвѣтными фигурами, шумѣли своими подолами, обшитыми китайскими монетами и раковинами. У женщинъ

вписѣли на затылкѣ по двѣ косы, а у мужчинъ одна и спереди волосы были подстрижены. Изъ подъ войлочныхъ и берестяныхъ коническихъ шляпъ въ ихъ узенькихъ глазкахъ де-ла Брюньеръ ничего не могъ замѣтить дикаго и непривѣтливаго; напротивъ, эти глаза свѣтились какимъ-то дѣтскимъ простодушіемъ и боязнью; когда-же онъ сталъ одарять дикарей разными бездѣлушками въ родѣ мѣдныхъ пуговицъ и лоскутовъ яркихъ цвѣтныхъ матерій, то, какъ всѣ вообще дикари, они сразу повеселѣли, обрадовались и одинъ передъ другимъ стали приносить ему въ даръ рыбу, вяленую дичину, гусей, а за какой-либо лоскутокъ матеріи или пачку табаку, до котораго они, не исключая даже дѣтей, большіе охотники, отдавали и свою одежду изъ кожи карповъ, лососей и другихъ рыбъ.

Де-ла Брюньеръ ясно чувствовалъ, что эти дикари обладаютъ прекраснымъ сердцемъ и стоятъ далеко не на послѣдней степени человѣческаго развитія. Онъ сталъ имъ разсказывать о сотвореніи міра, о жизни и путешествіяхъ Авраама, и они, любя всякаго рода разсказы, внимательно выслушивали его, а затѣмъ разносили добрую славу о немъ по другимъ селеніямъ; такъ что, куда онъ потомъ появлялся, дикари почти повсюду привѣтствовали его радушно, ласково, крича еще издали: „Айа! айа! добрый день!“ и становились на колѣни.

Переходя изъ селенія въ селеніе, онъ вглядывался и изучалъ ихъ нравы, ихъ жизнь, вѣрованья, а также и окружающую ихъ природу. Гольды предупреждали его, чтобы онъ остерегался тигровъ и медвѣдей; но онъ отвѣчалъ имъ, что у европейцевъ тѣло имѣетъ особый запахъ, и что тигры не тронутъ его. Тѣмъ не менѣе самъ по себѣ онъ все-таки страшился такой встрѣчи, хотя та роскошная природа, которую онъ впервые видѣлъ, заставляла невольно забывать всякія опасности. Онъ шелъ то по дремучимъ непролазнымъ лѣсамъ, подымающимся то по крутымъ горамъ, то по красивымъ долинамъ, расположеннымъ среди скалистыхъ горъ, то вдоль тѣнистыхъ рѣчекъ, и трудно представить себѣ то впечатлѣніе, которое производитъ на первыхъ порахъ эта дѣвственная дикая природа. Правда, лѣсъ тутъ также недоступенъ, какъ и всякая сибирская тайга, но сѣверная сибирская тайга, своей однообразной растительностью и топкой тундристой почвой, устланной мхами и лишаями, наводитъ на душу какое то уныніе; здѣсь-же въ Усурійскомъ краѣ, какъ и на Амурѣ, такое разнообразіе породъ и видовъ деревьевъ и такая роскошь цвѣтовъ и различной окраски зелени, что глазъ невольно не знаетъ на чемъ остановиться. То высится передъ вами громадный клёнъ съ своею широковѣтвистою вершиною, то стройный кедръ, то дубъ и липа, болѣе сажени

въ обхватѣ, съ пустыми дуплистыми отъ старости стволами; то орѣхъ и пробка съ красивыми перистыми листьями, то пальмовый демофрантъ; и нѣтъ ничего поразительнѣе, какъ видѣть громадную сѣверную ель, обвитую виноградомъ, или пробковое дерево и грецкій орѣхъ, растущіе рядомъ съ кедромъ и пихтою. Здѣсь столкнулись и какъ бы нашли привольное мѣсто для общей жизни всѣ почти растенія сѣвера и юга; и долины, и луга здѣсь бываютъ покрыты такимъ множествомъ разнообразныхъ кустарниковъ, а также всевозможныхъ цвѣтовъ и травъ, что ихъ не перечислить. Тутъ и кусты розъ, и дикаго жасмина, и наконецъ можно встрѣтить такіе цвѣты, родина которыхъ Индія—это нелюмбія. По береговымъ озерамъ и заливамъ рѣкъ иной разъ большія пространства покрыты земляными круглыми листьями, діаметръ которыхъ весьма часто достигаетъ аршина съ четвертью и поверхъ которыхъ на толстыхъ стеблякъ подымается масса розовыхъ большихъ цвѣтовъ нелюмбіи, напоминающихъ царственную викторію.

Такое же разнообразіе, или смѣшеніе юга съ сѣвѣромъ мы видимъ здѣсь и среди животныхъ. То передъ вами слѣды медвѣдя, оленя, или-же соболя и горностая, то вдругъ раздается гдѣ-либо ревъ бенгальскаго тигра, или барса, а не то вы увидите антилопу, или мускусную кабаргу. Гольды страшно боятся тигра, и, принося ему жертвы,

называютъ его не иначе, какъ господиномъ звѣремъ. Дѣйствительно этотъ господинъ звѣрь хозяйничаетъ у нихъ довольно часто и жестоко опустошаетъ ихъ селенія; онъ душитъ не только домашнихъ животныхъ, особенно собакъ, но не даетъ пощады и самимъ гольдамъ; когда-же гольдамъ удастся убить его, то они чрезвычайно гордятся этимъ и убитаго вывѣшиваютъ на наружную стѣну юрты.

Де-ла Брюньеру приходилось видѣть и тигровъ, и медвѣдей, а также дикихъ кабановъ и другихъ хищныхъ животныхъ, но все обходилось благополучно, и только въ пустынныхъ долинахъ, у береговъ рѣкъ, а главное возлѣ болотъ, какъ его, такъ и проводниковъ одолѣвало безчисленное множество комаровъ, слѣпней и жигалокъ,— это было непзвѣстнымъ источникомъ адскихъ мученій. Ни ночью подъ пологами, ни днемъ подъ сѣтками и масками они не давали покоя; они пробирались повсюду и, при отмахиваніи ихъ конскими хвостами, становились еще кровожадпѣе, еще назойливѣе, такъ что де-ла Брюньеръ называлъ ихъ чудовищами и не зналъ, куда дѣваться отъ нихъ, а несчастныя его вьючныя лошади бросались, покрытыя кровью, въ траву и не могли ничего ѣсть. Въ этомъ случаѣ одно было спасенье — обкуриванье, и гольды обкуривали свои юрты, обкуривались на ночлегахъ, а днемъ де-ла Брюньеръ видѣлъ дымки и на лодкахъ,

спующихъ по рѣкамъ. При большихъ долгихъ переходахъ, когда одна земля служила постелью, а небо покрываломъ, де-ла Брюньеръ разводилъ костры, которые и ограждали его отчасти, какъ отъ комаровъ, такъ и отъ нападенія тигровъ; но настоящимъ отдыхомъ онъ могъ считать одну только юрту. Завидѣвъ гольдское селеніе, онъ еще издали прибавлялъ шагу, считая для себя юрту кочевника чуть не раемъ. Эти селенія, состоящія въ большинствѣ случаевъ изъ трехъ, четырехъ юртъ, и рѣдко когда доходя до дюжины, раздѣлялись на зимнія и лѣтнія, и зимнія располагались обыкновенно подъ защитой горъ на уступахъ и террасахъ, а лѣтнія на песчаныхъ или каменныхъ берегахъ рѣкъ. Лѣтняя юрта, — это шалашъ изъ кольевъ, обшитый берестой, а зимняя,—это четырехугольная мазанка изъ дерева и глины съ окопечками, заткнутыми рыбьими пузырями и съ крышей изъ березовой коры, которая придерживается отъ вѣтра камнями и тяжелыми бревнами. Въ зимней юртѣ и просторно, и тепло, такъ какъ печка проходитъ подъ всѣми нарами вдоль всѣхъ стѣнъ; въ лѣтнемъ-же шалашѣ нѣтъ такихъ удобствъ; но де-ла Брюньеръ стремился именно къ лѣтнимъ шалашамъ, такъ какъ въ это время, въ началѣ его путешествія, въ нихъ сосредоточивалась вся дѣятельность гольдовъ, а въ зимнихъ юртахъ его встрѣчали одни немощные больные старики.

Гольдъ по образу жизни рыболовъ и звѣроловъ; преимущественно же рыболовъ. Подходя къ его зимнему селенію, вы видите амбары на столбахъ, гдѣ хранится всякая рыбная зимняя заготовка, а лѣтнія юрты окружены точно изгородью палками, на длинныхъ перекладинахъ между которыми сушится множество всякаго рода рыбъ. На берегу рѣки у юрть видиѣются привязанныя лодки; по лазурной же глади водъ то тамъ, то сямъ скользятъ легкіе гольдскіе челноки, которые китайцами называются „быстрыя лошади“. И дѣйствительно они несутся вслѣдствіе своего особаго устройства, съ бѣшеной быстротой, но усидѣть на такомъ челнокѣ и управиться имъ можетъ одинъ только гольдъ. Весь челнокъ состоитъ изъ длинныхъ отъ семи до десяти аршинъ палокъ, обтянутыхъ берестой, отчего онъ и называется б е р е с т я н к о й или о м о р о ч е й. Управляется онъ или однимъ веломъ, дѣйствующимъ какъ рыбій хвостъ въ обѣ стороны, или-же двумя небольшими лопаточками. При греблѣ лопаточками берестянка тихо, не слышно скользитъ по поверхности и поворотливость ея изумительна даже при сильномъ вѣтрѣ; за то и опрокинуть ее бѣлуга положимъ можетъ, однимъ взмахомъ хвоста. Но гольдъ и этого не боится; онъ самъ плаваетъ, какъ рыба, и въ случаѣ чего вывернется; бѣлугу-же онъ бьетъ гарпуномъ и почти никогда не ошибается, бросая гарпунъ въ воду, подъ ко-

торой двигается большая рыба. По Уссури и ея притокамъ такъ много рыбы, что, плывя по рѣкѣ, вамъ только и слышатся удары рыбъ о дно лодки, а на поверхности воды передъ вами постоянно выскакиваютъ рыба за рыбой, и прыгаютъ сами въ лодку; а весною, когда рыба заходитъ изъ океана въ рѣки метать икру, то отъ хода ея въ иныхъ мѣстахъ поднимается даже волненіе. Такое богатство рыбы, какъ въ Уссури, едва-ли гдѣ можно встрѣтить. Тамъ, напримѣръ, былъ случай, и не принадлежащій къ рѣдкимъ, какъ говоритъ одинъ изъ путешественниковъ, что русскіе однимъ неводомъ вытащили болѣе двухъ тысячъ пудовъ рыбы, захвативъ разомъ нѣсколько тысячъ штукъ. Водятся въ Уссури: окунь, налимъ, разнаго вида сомы, сазанъ, карась красноперъ, чебакъ, лещъ, таймень, ленокъ, кета, щуки, осетры, бѣлуга; но для инородцевъ наибольшее значеніе имѣетъ красная рыба к е т а, а затѣмъ бѣлуга и осетръ. Есть однако мѣста на Уссури, гдѣ, по увѣренію гольдовъ, совсѣмъ не бываетъ улова, вслѣдствіе чего на одномъ изъ такихъ мѣстъ дѣла Брюньеръ и совершилъ передъ гольдами какъ-бы чудо, вытащивъ на ихъ глазахъ полную сѣть. Этотъ счастливый уловъ такъ поразилъ гольдовъ, что послѣ него евангельская проповѣдь миссіонера пошла значительно успѣшнѣе. Дѣла Брюньеръ рѣшился зимовать у нихъ; и слова Евангелія все болѣе и болѣе вразумляли дикарей.

Они приходили къ нему изъ разныхъ селеній, другъ передъ другомъ звали къ себѣ; и дѣла Брюньеръ по цѣлымъ днямъ спдѣлъ съ ними, охотился, а когда рѣки покрылись льдомъ и когда всѣ гольды, кромѣ стариковъ, женщинъ и малыхъ дѣтей, уложили на нарты провизію, забрали съ собой своихъ идоловъ—бурухановъ и стали для охоты удаляться въ лѣсистыя горы, то и дѣла Брюньеръ тронулся за ними. Онъ также облекся въ ихъ зимній костюмъ, который дѣлается изъ оленьей, или собачьей шкуры, шерстью наружу, надѣлъ такую-же шапку, такую-же обувь и привязалъ къ ногамъ длинныя сосновыя доски, служащія прекрасными лыжами. Переѣзды онъ совершалъ вмѣстѣ съ гольдами на ихъ нартахъ, запряженныхъ собаками, а въ лѣсныхъ ихъ юртахъ онъ вмѣстѣ съ ними и охотился на пушныхъ звѣрей. Гольды больше всего охотятся за соболями, которыхъ въ Усурійскомъ краѣ весьма много, хотя мѣхъ ихъ значительно хуже камчатскаго и сибирскаго, но онъ также въ цѣнѣ; и каждый гольдъ разставляетъ по лѣсу множество разныхъ снарядовъ, ловушекъ съ приманками, самострѣловъ или канкановъ; и каждый считаетъ себя особенно счастливымъ только въ этой охотѣ. Онъ тутъ старается изъ всѣхъ силъ; онъ тщательно и съ большимъ искусствомъ разыскиваетъ слѣды соболя; онъ знаетъ, когда соболи—самцы отыскиваютъ самокъ, и каждый самецъ бѣжитъ

по проложенному слѣду другого соболя, такъ что образуется тропка; онъ знаетъ, что соболь никогда не минуетъ ни одной колоды, а всегда пробѣжитъ поверхъ ея; тутъ-то онъ и ставитъ самострѣлы съ приманками. Ему хорошо также извѣстно, что удачная охота на соболя зависитъ отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ и главнымъ образомъ отъ перехода соболя съ одного мѣста на другое, когда этотъ кровожадный звѣрекъ, поѣдающій иногда собственныхъ дѣтей, разыскиваетъ бурундуковъ, мышей и другихъ мелкихъ грызуновъ, преимущественно-же бѣлку, которая направляется обыкновенно въ тѣ мѣста, гдѣ урожай кедровыхъ орѣховъ. Изъ другихъ животныхъ гольдъ охотится на лисицъ, на бѣлокъ, на кабана, мясо котораго очень вкусно; но цѣнной охотой гольдъ считаетъ самца кабаргу и оленя, рога котораго онъ продаетъ китайцамъ, а изъ шкуры дѣлаетъ лучшую зимнюю одежду.

Де-ла Брюньеръ наблюдалъ за гольдами во время ихъ охоты, и нашелъ, что гольды настолько охотничій народъ, что и въ религію свою внесли трехъ главныхъ духовъ: духа оленя, лисы и ласточки. Если гольдъ заболѣлъ, то болѣзнь свою онъ приписываетъ не иначе, какъ какому-либо изъ этихъ духовъ, для заклинанія котораго онъ долженъ вызвать шамана. Разъ какъ-то миссіонеръ присутствовалъ и на самомъ заклинаніи, которое состояло въ слѣдующемъ.

При приближеніи шамана къ юртѣ, гдѣ лежалъ больной, издали еще раздался звукъ бубна. Шаманъ вошелъ безъ всякой встрѣчи въ юрту съ бубномъ въ одной рукѣ и съ палкой въ другой. Онъ сѣлъ возлѣ больного и затянулъ заунывную пѣсню съ аккомпанементомъ барабана. Пѣсня эта была не особенно дикая, такъ какъ въ ней слышался извѣстный размѣръ. Съ окончаніемъ каждаго стиха шаманъ страшно гримасничалъ, его лицо подергивалось судорогами, кривилось, перекашивалось, глаза то чуть не выходили изъ орбитъ, то совсѣмъ какъ-бы пропадали; причемъ звуки барабана становились все быстрѣе, и быстрѣе, пока, наконецъ, шаманъ не испустилъ нѣсколько глухихъ свистящихъ звуковъ и послѣ этого умолкъ. Тутъ, всѣ сидящіе въ юртѣ крикнули „Э!“ и стали пить водку. Водка пилась въ значительномъ количествѣ до захода солнца, а по окончаніи пѣсни шаманъ надѣлъ свои священныя одѣянія, что означало часъ приближенія духа; и вдругъ, какъ бѣшеный, онъ бросился по юртѣ скакать, кувыркаться, бумажныя полоски и кусочки бересты запумѣли на шапкѣ, мѣдные колокольчики зазвенѣли на трехцвѣтномъ лепточномъ поясѣ, стягивающемъ пеструю юбку, и самъ шаманъ сталъ издавать звуки, какъ-бы указывающіе на то, что онъ видитъ, невидимаго никому другому, духа.

Только такого рода шаманская медицина и

существовала среди гольдовъ, но де-ла Брюньеръ помогалъ имъ разными лекарственными травами, которыхъ въ Уссурійскомъ краѣ въ изобиліи и въ числѣ которыхъ есть знаменитый женьшень или джинзенсъ. Китайцы платятъ за него громадныя деньги и стоимость его считаютъ наравнѣ съ драгоцѣнными камнями; такъ какъ онъ, по ихъ словамъ, творитъ настоящія чудеса. Онъ исцѣляетъ чахотку въ то время, когда уже не существуетъ половины легкаго, придаетъ старцамъ живость и служитъ противоядіемъ отъ всѣхъ ядовъ. Но европейскіе доктора никакихъ такихъ цѣлебныхъ свойствъ за нимъ не признаютъ, хотя де-ла Брюньеръ самъ избавился съ помощью женьшеня отъ закоренѣлой болѣзни желудка.

Прозимовавши среди гольдовъ на Уссури, де-ла Брюньеръ распрощался съ этими добродушными дикарями, оставившими въ немъ весьма хорошее впечатлѣніе, и полагалъ найти тоже и въ гиляхъ, хотя его предупреждали о совершенно противномъ. Правда, даже по внѣшнему виду гиляки далеко были не похожи на гольдовъ. Такого же небольшого роста, но широкоплечіе и быстрые въ движеніяхъ, они особенно рѣзко выдѣлялись своими широкими физіономіями, обросшими черными густыми волосами. Бороды ихъ были не жиденькія и едва замѣтныя, какъ у гольдовъ, а большія и плотныя, волосы на головѣ ниспадали, какъ гривы, по плечамъ и только

у нѣкоторыхъ заплетались въ косы, а изъ подъ широкихъ и выпуклыхъ бровей узкіе глаза глядѣли отважно и сурово. Короткій вздернутый носъ, толстыя, пухлыя губы съ вздернутой также верхней губой придавали ихъ лицу какую-то животность и ту кровожадность, съ которой прежде всего и ознакомился де-ла Брюньеръ, заставши цѣлую семью гиляковъ за трапезой. Они только что вернулись съ рыбной ловли, развели костеръ изъ хвороста, укрѣпили на колышкахъ чугуны и начали варить просо, прибавляя въ него рыбьяго жиру. Нѣсколько женщинъ чистили кривыми тунгусскими ножами наловленную свѣжую рыбу, а одинъ изъ гиляковъ взялъ изъ рукъ женщины только что отрѣзанную голову осетра и, схвативъ ее зубами, сталъ вырѣзать жабры и тутъ-же съѣдалъ ихъ, не смотря на то, что онѣ были сырыя и кровь текла по его губамъ. Обкусавши такимъ образомъ голову и облизавши всю кровь, онъ бросилъ голову въ уголья и потомъ, не очистивъ даже отъ золы, съѣлъ ее всю до тла. Такая дикая картина нѣсколько опечалила де-ла Брюньера, но онъ все еще хотѣлъ видѣть въ нихъ тѣхъ же гольдовъ; тѣмъ болѣе, что и одѣты они были совершенно также, какъ гольды. Правда, у нѣкоторыхъ онъ замѣтилъ на ногахъ сапоги, сдѣланные изъ тюленьей кожи, чего нѣтъ у гольдовъ и что, разумѣется не больше, какъ указывало, на

сосѣдство этого племени съ моремъ, откуда заходили тюлени и въ устье Амура. Въ ожиданіи трапезы всѣ гиляки сидѣли на корточкахъ вокругъ огня и курили трубки; курили не только мужчины и женщины, но даже и дѣти; и одна четырехлѣтняя дѣвочка безпрестанно подбѣгала то къ отцу, то къ матери и вырывала у нихъ изо рта трубки, чтобы сдѣлать нѣсколько затяжекъ. Это, впрочемъ, для де-ла Брюньера было не ново; онъ видѣлъ такія-же сцены и у гольдовъ. Подарки гиляки принимали также охотно, какъ и гольды, но далеко не такъ добродушно и весело; мѣну-же совершать также любили, но при обмѣнѣ осматривали вещь много разъ.

Переходя изъ селенія въ селеніе и видя тѣ-же берестяныя и зимнія юрты, какъ у гольдовъ, де-ла Брюньеръ замѣтилъ только одно, что гиляки, совершенно противоположно гольдамъ, избираютъ мѣстности непривѣтливыя и живутъ поблизости моря тамъ, гдѣ суровый климатъ и безплодная почва всего менѣе располагаютъ селиться. Онъ встрѣчалъ гиляковъ не только на рыбной ловлѣ, но и на охотѣ; ему пришлось побывать у нихъ и на медвѣжьемъ праздествѣ. На рыбной ловлѣ они смѣлѣе и поворотливѣе гольдовъ. Бѣлугу они также бьютъ гарпуномъ и къ гарпуну привязываютъ большіе надутые воздухомъ пузыри, недающіе животному погрузиться глубоко въ воду и указывающіе мѣсто, гдѣ оно находится. Тутъ

надо видѣть гиляка, какъ онъ ловко гонится за бѣлугой, которая все чаще и чаще показывается на поверхности воды, чтобы перевести дыханіе, и какъ гилякъ наноситъ ей обезсиленной ударъ за ударомъ, пока не убьетъ и не подхватитъ ремнями подъ плавники. Уловъ бѣлуги, какъ весьма рѣдкое явленіе, представляетъ собою у гиляковъ нѣкоторое празднество и никто не смѣетъ коснуться до нея, пока шаманы торжественно не совершатъ надъ ней различные чародѣйскіе пріемы, въ родѣ втыканія въ брызгательныя отверстія крапивы и прославленія ловли при непстовомъ звонѣ бубенъ. Тогда сами-же шаманы съ старѣйшинами распластываютъ животное и дѣлятъ его между всѣми гиляками селенія. Гиляки съ восторгомъ пьютъ тутъ-же теплый еще жиръ, а часть его сохраняютъ затѣмъ какъ лакомство въ большомъ пузырѣ. Черепъ бѣлуги, очищенный отъ мяса и жира, шаманы вѣшаютъ на дерево, какъ талисманъ отъ злыхъ духовъ, и де-ла Брюньеру не разъ приходилось видѣть страшную картину деревьевъ, увѣшанныхъ этими черепами.

Гиляки считаются самыми искусными рыболовами на Амурѣ, и они дѣйствительно знаютъ всѣ хитрости рыболовнаго искусства. Имъ хорошо извѣстно, гдѣ какая рыба ловится, какъ услѣдить за ея ходомъ, когда и какъ ловить и гдѣ употреблять какія снасти. Они также до того обла-

дають удивительнымъ искусствомъ опредѣлять, по движенію воды, мѣсто нахожденія рыбы, что не видѣвъ ее, бросаютъ въ нее свои гарпуны и рѣдко дѣлаютъ промахъ. Первый ловъ, по вскрытіи льда, бываетъ осетровый, гдѣ рыбаки дѣйствуютъ сѣтями, приготовляемыми изъ волоконъ обыкновенной крапивы. Затѣмъ подъ конецъ іюня является особый видъ лосося—горбушки, которая плыветъ по Амуру и по притокамъ такими густыми стадами, что совершенно покрываетъ дно маленькихъ притоковъ. Тутъ, въ этомъ обильномъ промыслѣ, соперниками гиляковъ являются медвѣди, и надо видѣть забавную картину этихъ послѣднихъ рыболововъ. Они очень флегматично садятся въ воду и, выбрасывая на берегъ передней лапой, плывущую мимо ихъ рыбу, очень спокойно потомъ выходятъ изъ воды и поѣдятъ рыбу. Горбушка плаваетъ по рѣчкамъ всего лѣто до конца августа, и замѣчательна тѣмъ, что чѣмъ далѣе она плыветъ по рѣкѣ, тѣмъ больше и больше выростаетъ у нея горбъ или хрящъ на спинѣ, тутъ-же ростутъ и длинные зубы и челюсти, а отъ тренія о камни она теряетъ чешую; если сравнить горбушку, явившуюся изъ Амура, съ пойманною въ той-же рѣкѣ въ августѣ, то ихъ можно причислить къ совершенно различнымъ видамъ. Выметавши икру, они дѣлаются никуда негодной, и во многихъ мѣстахъ выбрасывается водой на берегъ, гдѣ гніетъ и заражаетъ воз-

духъ. Она до того нѣжна, что не годится для соленья, и ее сушатъ для корма собакъ. Самая продовольственная рыба у гиляковъ та же, что и у гольдовъ,—кета,—особая порода лосося. Для гиляковъ весьма важны и тюленьи промыслы; но и въ этомъ случаѣ они занимаются ими, какъ на морскомъ берегу, такъ и въ устьяхъ Амура, исключительно для своихъ потребностей,—для одежды, для ремней и всякихъ другихъ домашнихъ подѣлокъ.

Звѣриная охота у гиляковъ въ томъ-же видѣ, какъ и у гольдовъ, но гиляки особенно ловко умѣютъ ловить медвѣдей, которые считаются у нихъ божествомъ, такъ что во имя ихъ есть даже праздникъ, на которомъ медвѣдь играетъ весьма важную роль. Для медвѣжьяго праздника гиляки ловятъ обыкновенно молодого медвѣдя и откармливаютъ его нѣсколько лѣтъ. На такую ловлю идутъ въ январѣ человѣкъ десять, двѣнадцать, вооруженныхъ палками, кольями и веревками. Подойдя къ зимней берлогѣ, они складываютъ возлѣ нея палки и колья, а шаманы напѣваютъ спящему медвѣдю пѣсни. Если этимъ пѣснямъ онъ не внемлетъ, тогда поклонники вызываютъ его болѣе ощутительно толчками въ бока; и, когда на это уже внушительное приглашеніе полусонное божество выглѣзетъ на свиданіе, тогда всѣ поклоняющіеся набрасываются на него и вяжутъ веревками. Тутъ не обходится дѣло безъ пощечинъ

отъ божества и безъ того, чтобы не содрана была съ чьей либо головы кожа. При такомъ вниманіи со стороны божества гиляки только радуются и раненые медвѣдемъ высоко почитаются,—на нихъ смотрятъ какъ на героевъ. Взваливъ медвѣдя на сани, запряженныя собаками, гиляки везутъ его торжественно въ особо-приготовленную бревенчатую избу, и, когда, черезъ годъ или два, наступитъ время празднествъ,—что совершается въ январѣ, февралѣ и мартѣ, тогда изъ разныхъ селеній являются сосѣди и друзья съ своей провизіей и водкой, и начинается поклоненіе божеству, а тутъ-же и пиршество, на которомъ самое божество и представляетъ собою самое вкусное блюдо. Въ назначенный день, какъ только на небѣ засвѣтитъ полная луна, шаманы соберутся вокругъ медвѣжей избы и затянутъ заунывныя пѣсни, послѣ которыхъ старѣйшій изъ нихъ выведетъ медвѣдя изъ заточенія и, при звукахъ бубна и пѣсенъ, идетъ съ нимъ по всѣмъ юртамъ. Юрты для этого празднества украшаются стружками, и въ одной изъ самыхъ большихъ юртъ, гдѣ для медвѣдя устанавливается надъ очагомъ деревянная клѣтка, его оставляютъ на всю ночь. Послѣ такой шаманской церемоніи, приступаютъ къ пиршеству, во время котораго ѣдятъ самыя лакомыя блюда, какъ рыбу—ворвань и ягоды, и пьютъ теплую рисовую водку. Круговая чаша не обходитъ всю ночь ни женщинъ, ни дѣтей; и только

съ разсвѣтомъ на слѣдующій день отправляются всѣ по льду въ санкахъ, запряженныхъ собаками, на бѣгъ. Тутъ выводятъ изъ юрты и мохнатаго царя лѣсовъ, усаживаютъ его въ сани, и также везутъ на бѣгъ, чтобы такимъ образомъ и онъ принималъ участіе въ общемъ весельи, присутствуя посреди бѣговъ. Картина скоро однако мѣняется,—царя лѣсовъ почтительно высаживаютъ изъ саней и привязываютъ къ колу, пролетая мимо котораго на санях, молодежь бросаетъ въ божество стрѣлу за стрѣлой, и въ непродолжительное время бѣдный медвѣдь съ впившимися въ него стрѣлами становится чуть ли дикобразомъ. Добиваютъ его затѣмъ шаманы и, разрѣзая на части, раздаютъ всѣмъ присутствующимъ, которые и заканчиваютъ празднество тутъ-же на льду невѣроятнымъ общимъ пьянствомъ и непомѣрнымъ обжорствомъ.

Всѣ попытки дѣ-ла Брюньера, вразумить гиляковъ добрымъ словомъ Евангелія, были напрасны; они слушали его разсказы, но при этомъ всегда искоса смотрѣли на него, какъ-бы въ чемъ подозрѣвая, и миссіонерство его кончилось, какъ мы уже и сказали вначалѣ, весьма печально. Разъ какъ-то, когда дѣ-ла Брюньеръ готовилъ себѣ обѣдъ на берегу Амура, куда онъ вышелъ изъ жилища для спасенія своей лодки отъ разбушевавшейся рѣки, его окружили нѣсколько вооруженныхъ копьями и стрѣлами гиляковъ. Не успѣлъ

Гольды.

Рыболовныя орудія и охотничье оружіе.

Гиляки.

Медвѣжій праздникъ.

онъ очнуться, пораженный такой неожиданностью, какъ въ него полетѣли стрѣлы и одно копье уложило его сразу на мѣстѣ. Гиляки сейчасъ-же съ радостнымъ крикомъ обобрали его, сняли все платье и, вырвавъ у покойнаго зубы и глаза, бросили тѣло на берегу, а добычу, доставшуюся изъ жилища, раздѣлили по рукамъ. Кресты и монеты де-ла Брюньера служатъ быть можетъ и теперь украшеніемъ костюмовъ гилякскихъ женщинъ, а тѣло де-ла Брюньера, по разсказамъ очевидцевъ, сообщившихъ объ этомъ убійствѣ его другу—другому миссіонеру—Вено, долго лежало на берегу, пока волны Амура не унесли его въ океанъ.

Гиляковъ и Вено описываетъ народомъ грабительскимъ, вѣчно пьянымъ и кровожаднымъ, въ то время, какъ гольдовъ весьма хвалитъ. Но гиляки, какъ племя совершенно разное съ гольдами, почти такого-же характера, какъ и сосѣдственники ихъ курильцы, и также, если еще не болѣе, гиляки любятъ независимость и свободу. У нихъ никогда не было ни рабовъ, ни привилигированныхъ родовъ; они были всегда всѣ равны; и русскіе долго съ ними возились, пока наконецъ они не приняли подданства и не стали обращаться въ христіанство. Теперь во многомъ смягчился ихъ характеръ, но послѣ разныхъ оспенныхъ эпидимій ихъ осталось незначительное число; но и эти немногіе мало-по-малу сливаются

съ другими окружающими, болѣе сильными ихъ, народами и во всемъ подражаютъ русскимъ. Гольды-же, послѣ присоединенія Амура и Уссурійскаго края къ Россіи, охотно стали нашими подданными, и, когда одинъ изъ нашихъ путешественниковъ, отъ котораго всѣ прятались, принимая его за мандарина собирающаго подать, заплатилъ за все у нихъ взятое деньгами, то женщина съ ребенкомъ вышла изъ юрты и спѣла ивсю въ честь его великодушія. Гольдъ при этомъ разсказалъ путешественнику, что его отецъ, мать и два брата повѣсились отъ мученій, которыя они перенесли отъ мандариновъ и говорилъ, что всѣ ихъ соплеменники радуются водворенію въ ихъ странѣ русскихъ. Перенимая все отъ русскихъ, они весьма скоро приняли христіанство, хотя также какъ и гиляки, втайнѣ придерживаются шаманства, и только по внѣшнему виду сильно во всемъ преобразились. Теперь уже рѣдко кого изъ нихъ можно встрѣтить въ рыбьей одеждѣ; они большей частью ходятъ лѣтомъ въ рубашкахъ, разводятъ огороды съ табакомъ и стручковымъ перцемъ, которымъ утопаютъ, какъ лакомствомъ, и точно также, какъ гиляки, забываютъ свой языкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и гольды и гиляки исчезнутъ въ непродолжительномъ времени совсѣмъ.

ЯКУТЫ и ДОЛГАНЕ.

Найдется мало хитрыхъ русскихъ, которымъ кое-гдѣ удалось-бы обмануть дикаря якута.
Уваровскій. Шутки. III.

Дикарь по жизни, дикарь по вѣрѣ и обычаямъ, якутъ перенимаетъ у всѣхъ все то, что онъ считаетъ полезнымъ; подражаетъ всему, что ему нравится; но онъ никогда не обезличиваетъ самого себя, не теряется среди другихъ племенъ, не сливается даже и съ русскими, а какъ былъ, такъ и остается якутомъ. Мало того, численность его племени ростетъ и ростетъ; и гдѣ только не встрѣчается якутъ,—онъ и на Амурѣ, и у гиляковъ на Охотскомъ морѣ, и у тунгусовъ на ихъ тайгѣ, и среди самоѣдовъ на тундрѣ,—онъ всюду свой. Живя съ самоѣдами, онъ превращается какъ-бы въ самоѣда, но не коснѣетъ

въ этомъ превращеніи, а по изворотливости своего ума, становится выше окружающихъ и остается все жъ таки тѣмъ-же якутомъ, только примѣнившемся къ извѣстной средѣ и къ извѣстнымъ потребностямъ.

Тому назадъ сто лѣтъ якутовъ было около ста тысячъ, теперь-же болѣе двухсотъ; и не только инородцы, какъ тунгусы и самоѣды, живя съ якутами, преобразовываются, становятся сами якутами, то есть сливаются съ ними, но даже и русскіе, при частыхъ сношеніяхъ съ ними, оякучиваются. Такъ, не только въ пустынномъ таймурскомъ краѣ оякутились наши поселенцы, но и возлѣ самаго Якутска превратилась въ якутовъ большая Амчинская слобода, а въ г. Якутскѣ мелкое чиновничество и купечество разговариваютъ на своихъ вечеринкахъ по-якутски, какъ-бы на французскомъ языкѣ. Правда, въ языкѣ якутовъ нѣтъ тѣхъ полубормотныхъ, полугортанныхъ и полусовыхъ глухихъ первобытныхъ звуковъ, какъ, напримѣръ, у тунгусовъ; ихъ языкъ обладаетъ извѣстной твердостью, опредѣленностью и весьма схожъ, какъ съ татарскимъ, такъ и съ турецкимъ; схожъ съ послѣднимъ даже настолько, что по словамъ ученыхъ изслѣдователей, якуты вполнѣ могли бы объясняться съ турками въ Константинополѣ.

Но не по одному только языку, а также и по внѣшности и по своимъ наклонностямъ и способ-

постямъ якуты рѣзко отличаются отъ сибирскихъ инородцевъ, среди которыхъ живутъ. Ихъ татарскія лица съ выдавшимися нижними челюстями и съ горбинами на носу, ихъ крѣпкое сложеніе при среднемъ ростѣ скорѣе подходятъ къ татарскому или къ киргизскому типу. Когда вы увидите богатаго якута въ конической высокой мѣховой шапкѣ съ краснымъ колпачкомъ наверху, вамъ невольно вспомнится киргизъ, а также и татаринъ; разрѣзъ якутскаго кафтана назади прямо указываетъ на одежду южныхъ всадниковъ; и тѣ, кому долго пришлось жить среди киргизовъ, говорятъ, что не только въ языкѣ и одеждѣ, но также въ правахъ и наклонностяхъ того и другого народа чрезвычайно много сходнаго.

Якуты заняли въ Сибири всю рѣку Лену, начиная отъ верховья ея до Ледовитаго океана; и годъ отъ года все болѣе и болѣе скучиваются въ селенія. Они занимались прежде коневодствомъ, потомъ скотоводствомъ, а въ позднѣйшее время воздѣлываютъ рожь, косятъ для скота сѣно, и стали, по общимъ отзывамъ, во главѣ земледѣлія и скотоводства всей Сѣверной Сибири. Въ качествѣ пастуховъ, они съумѣли распространить лошадь до береговъ Ледовитаго океана, и при томъ на самомъ крайнемъ сѣверовостокѣ, въ то время, когда подъ полярнымъ кругомъ и въ болѣе тепломъ климатѣ Западной Сибири, правительство для достиженія этой цѣли принесло

большія жертвы. Якуты хорошіе ремесленники, а также плотники, печники и каменотесы. Они прекрасные столяры, и въ г. Якутскѣ мебель дѣлается исключительно ими. Жены ихъ хорошія швеи, кухарки, работницы; онѣ искусно сшиваютъ изъ разноцвѣтныхъ коровьихъ кожъ узорчатые ковры, а изъ длинной травы плетутъ ситки, половики. Кромѣ того искусству якутовъ принадлежатъ и лучшія подѣлки изъ мамонтовой кости, какъ пикатулки, ящики, гребни и другія мелкія вещи. Но помимо такого рода мелкихъ вещей и помимо такихъ-же металлическихъ издѣлій, красиво убранныхъ серебромъ, какъ пояса, серьги и тому подобное, ихъ топоры, рогатины, ножи, серпы, ножницы, трубки, огнива, разукрашенные узорами, славятся по всей Сибири и принадлежатъ къ мастерскимъ исполненіямъ. Клинку своего ножа якутъ умѣетъ придать такую гибкость, что его ножъ замѣняетъ ему множество разнообразныхъ инструментовъ. Понадобилась, напримѣръ, якуту чашка, и онъ сгибаетъ ножикъ свой объ стволъ дерева въ видѣ дуги, и съ руки вытачиваетъ чашку; потребуйте вырѣзать ложку, не успѣете оглянуться, у него готова и ложка, а потомъ ступка и т. д. Но онъ производитъ не одни мелкія подѣлки; онъ способенъ сдѣлать и чайникъ, а затѣмъ болѣе сложную вещь, какъ самоваръ, или винтовку съ нарѣзнымъ дуломъ и замкомъ; у него на все есть сметка, и во всемъ видно

терпѣніе и настойчивость. Онъ выноситъ также и при искусныхъ, продолжительныхъ работахъ.

Въ долгія зимнія ночи, мурлыкая пѣсенку, или прислушиваясь къ речетативу не менѣе длинной, чѣмъ сама ночь, сказки, онъ готовъ тысячу разъ примѣрить, подстрогать, прирѣзать, пока наконецъ предметъ не пріиметъ соотвѣтствующую его вкусамъ форму. Онъ лѣниво поворачивается передъ огнемъ чувала (камина), согрѣвая то одинъ бокъ, то другой, то спину, совѣтуется съ окружающими, съ удовольствіемъ выслушиваетъ похвалы и живо обсуждаетъ возраженія. Вотъ почему каждая вещь, даже самая пустяшная, выходитъ изъ рукъ якутскаго мастера съ особымъ отпечаткомъ; она всегда вещь болѣе или менѣе художественная. Миддендорфъ говоритъ: „чтобы якутъ ни вырѣзалъ, во всемъ у него особый пикъ; будетъ-ли это столь-же удобная, какъ и простая, но все-таки красивая рыбная ложка, которую онъ дѣлаетъ для русскаго, или большая ступка для толченія, которая также дѣлается изъ дерева,—тутъ не можетъ быть и рѣчи о механической подражательности. Вездѣ проглядываетъ своеобразность“. Такимъ образомъ якутскій вкусъ остался и до сихъ поръ независимымъ, вслѣдствіе этого у нихъ выработался и свой стиль, позволяющій отличать ихъ издѣлія, узоры и украшенія, отъ издѣлій и узоровъ другихъ сѣверныхъ инородцевъ. Даже позаимствованнымъ вещамъ они придаютъ свое-

образный отпечатокъ, подобно тому, какъ русской рубахѣ и винтовкѣ они успѣли уже придать нѣкоторыя характерныя особенности. Но и помимо искусности въ разныхъ ремеслахъ якуты ловкіе торговцы. Казаки, занимающіеся торговлей пушныхъ звѣрей въ Сибири, не въ силахъ на этомъ поприщѣ бороться съ ними. Якуты намачиваютъ соболей, растягиваютъ, сушатъ, красятъ, и говорятъ: „вѣдь даже подуть противъ волосъ и узнать рѣдки-ли волосы казакъ не умѣетъ“; вставляя-же въ плохія шкурки мѣховыя заплаты, и нанизывая эти шкурки на ремень для продажи въ Якутскѣ, а хорошія шкурки откладывая, якуты приговариваютъ: „эти слишкомъ хороши и полны; ихъ-то казаки и будутъ считать поддѣлками“... И не стремись якутъ, какъ евреи, къ обману, не пользуйся случаемъ, чтобы обогатиться на счетъ нужды, или легкомыслія другого, онъ и въ торговлѣ былъ-бы весьма полезный человѣкъ. Къ несчастью, однако, по общимъ наблюденіямъ всѣхъ путешественниковъ и жителей Сибири, якутъ дѣйствуетъ въ торговлѣ, какъ евреи; и по преимуществу онъ обираетъ добродушнаго и расточительнаго тунгуса. Якутъ платитъ тунгусу за соболя дороже, чѣмъ кто либо другой, но плату эту онъ возмѣщаетъ на своихъ товарахъ, подымая цѣны чрезвычайно высоко, и смаливая тунгуса то тѣмъ, то другимъ, что тому нравится или что тому необходимо. Торгуя на тайгѣ въ извѣст-

пыхъ сборныхъ пунктахъ, куда собираются тунгусы, якутъ вмѣстѣ съ тунгусомъ, ходитъ на охоту, и, пользуясь священнымъ обычаемъ гостепріимства добродушнаго дикаря, живетъ на его счетъ; то есть ѣстъ постоянно у него, угощается у него, и тутъ-же подбиваетъ его на новыя и новыя издержки. Такъ идетъ до тѣхъ поръ, пока у тунгуса не останется ничего для продажи, или для обмѣна; и тогда уже якутъ милостиво предлагаетъ промотавшемуся брать у него, что ему нужно, въ долгъ. Если тунгусъ не соглашается, якутъ начинаетъ угощать его; и сперва тунгусъ потянется, какъ это обыкновенно бываетъ, за какимъ либо кремнемъ или ножемъ, но потомъ является охота то на одно, то на другое; якутъ-же въ это время подбавитъ угощенья, и тутъ уже вытаскивается все, что попало. Тунгусъ беретъ, что не увидитъ, и, волей неволей, закабаляетъ себя такимъ образомъ, становится должникомъ и обязанымъ, какъ продавать все, что не добудетъ, своему заимодавцу, такъ равно и покупать у него все, что не потребуется. Тутъ торговецъ якутъ назначаетъ цѣны по произволу, какія ему угодно, и мѣряетъ все на свой аршинъ. Продаетъ онъ, напримѣръ, сѣвернаго оленя за восемьдесятъ, за сто рублей, а покупаетъ его у тунгуса не иначе, какъ за пятьдесятъ рублей. Но мало этого, онъ беретъ еще и подарки отъ тунгуса, какъ бы обязательные проценты за долгъ, который всегда растетъ и растетъ,

и который отдать сразу тунгусъ не въ состояніи. Такъ, попавши разъ въ кабалу къ якуту, тунгусъ становится вѣчнымъ его должникомъ, а потомъ передаетъ свой долгъ и по наслѣдству. Якутъ вполнѣ вѣритъ тунгусу, такъ какъ якуту хорошо извѣстно, что, по священному обычаю тунгусовъ, онъ не только получитъ все по наслѣдству, но и наслѣдниковъ будетъ обирать; и они за долгъ будутъ работать на него. Онъ вѣритъ, конечно, и потому еще, что, назначая произвольно цѣны, давно уже взялъ, что ему слѣдовало, и теперь не выпускаетъ изъ рукъ только того, что еще можно взять. Кромѣ однако такого обиранія по уговору при торговлѣ, якутъ пользуется добродушіемъ и расточительностью тунгуса при всякомъ удобномъ случаѣ и въ любой моментъ. Онъ, напримѣръ, знаетъ, что угости тунгуса хорошимъ чаемъ, или свари ему большой котелъ саламаты (похлебка изъ масла, муки и воды); и это такъ порадуетъ добродушнаго тунгуса, что изъ благодарности онъ навѣрное подаритъ соболя; самый бѣдный и тотъ принесетъ по крайней мѣрѣ хоть кабарговую струю; а поклонись тунгусу полпудомъ сала, и онъ отвѣтитъ на поклонъ опять такимъ соболемъ. Вслѣдствіе этого якутъ обираетъ его на всевозможныя манеры, пользуется каждымъ случаемъ, и въ этомъ обираніи онъ перещеголялъ даже еврея. Какъ правительство не старалось уничтожить такое наглое обирательство, но якут-

скіе торговцы шныряютъ по самымъ непролазнымъ дебрямъ тайги и отыскиваютъ тунгусовъ въ самыхъ затаенныхъ ея закоулкахъ; такъ что сборщики податей казаки никакъ и нигдѣ не опередятъ якутовъ. Если жъ поймается въ чемъ либо якутъ, то онъ самъ сейчасъ же затѣетъ дѣло, и по своей страсти къ сутяжничеству, а также и по своей изворотливости и умѣнью ладить съ кѣмъ нужно и облаживать дѣла, онъ всегда выйдетъ сухъ изъ воды. Разъ онъ знаетъ прошенія писать да жалобы, онъ пойдетъ ябедничать повсюду. Миддендорфъ видѣлъ, какъ якутъ въ глухой тайгѣ въ дебряхъ становаго хребта писалъ прошеніе тунгусу на имя, никого иного, а прямо министра государственныхъ имуществъ. Якутъ очень любитъ, по словамъ Миддендорфа, учиться писать, читать; и, нѣтъ сомнѣнія, по мнѣнію Миддендорфа, что среди этого способнаго народа грамотность можно распространить весьма быстро. Онъ склоненъ, какъ къ ремесламъ, такъ равно къ искусствамъ, и обладаетъ превосходной памятью. Гдѣ разъ побываетъ якутъ, говоритъ Миддендорфъ, онъ помнитъ все до мельчайшихъ подробностей, и никогда ни въ чемъ не ошибется; онъ разскажетъ и опишетъ мѣстность, такъ обозначая, съ помощью прутиковъ, рѣки и всѣ притоки ихъ, что, по его словамъ, рисуй хоть планъ.

Главныя черты его характера,—это осторожность, внимательность и находчивость, а наслѣд-

ственная черта, по турко-татарской крови,—это мстительность. Якутъ никода не забудетъ обиды, и, если самъ не отомститъ, то передастъ мщеніе по завѣщанію сыну, или кому либо изъ ближайшихъ родственниковъ.

Вслѣдствіе осторожности — онъ скрытенъ, а вслѣдствіе внимательности—онъ догадливъ. Въ то время, когда другіе думаютъ, что онъ ничего не знаетъ, онъ только притворяется ничего не знающимъ и остается себѣ на умѣ.

Находчивость якута вошла какъ-бы въ поговорку. Въ Сибири говорятъ: „возьми якута, раздѣнь его до нага, и такъ оставь среди пустынной степи; когда-же черезъ годъ вернется, то увидишь этого якута, окруженнаго скирдами хлѣба, стогами сѣна и владѣющаго табунами лошадей и стадами рогатаго скота".

При такой находчивости и смѣтливости, и при тѣхъ способностяхъ, которыми вообще одаренъ якутъ отъ природы, казалось-бы онъ давно уже долженъ выйдти изъ дикаго состоянія. Но, тѣмъ не менѣе, живя въ пустынной тайгѣ, куда нѣтъ доступа, нѣтъ дорогъ и гдѣ окружаютъ его одни звѣри да лѣсныя трущобы, онъ и до сихъ поръ, какъ по жизни своей, такъ равно по вѣрѣ и обычаямъ такой-же дикарь, какъ и тунгусъ.

Вотъ передъ вами, напримѣръ, караванъ якутовъ-торговцевъ, который остановился, увидя вышедшаго изъ лѣса бураго медвѣдя. Бурый

медвѣдь у якутовъ олицетворяетъ самаго страшнаго бога Улу-Тайона. Медвѣдь сидитъ у лѣса на заднихъ лапахъ и щелкаетъ зубами; якуты, смотря на него, ни живы, ни мертвы. Нашелся смѣльчакъ, отдѣлился изъ толпы, снимаетъ передъ медвѣдемъ шапку, кланяется ему и говоритъ такую рѣчь.

— Улу-Тайонъ! мы знаемъ, что ты единственный владѣтель этихъ мѣстъ, но мы зашли въ твои владѣнія не потому, что желали нанести тебѣ оскорбленіе, а потому, что нашъ путь лежитъ черезъ нихъ. Уважь-же намъ, о, Улу-Тайонъ! Ты-же вѣдь знаешь, что у насъ нѣтъ дѣтей-промышленниковъ, которые-бы тебя искали, почто-же ты насъ ищешь?..

Пока смѣльчакъ говоритъ эту рѣчь, всѣ остальные якуты лежатъ ничкомъ и голосятъ: „Помилуй насъ, медвѣдь, помилуй!“

Послѣ рѣчи они дрожащими руками разводятъ костры, варятъ пищу и только благоговѣйно посматриваютъ на медвѣдя, а медвѣдь тоже не спускаетъ съ нихъ глазъ, и сидитъ да сидитъ, и держитъ караванъ иной разъ цѣлую недѣлю. Якуты умилостивляютъ медвѣдя рѣчами, но не трогаются съ мѣста, пока Улу-Тайонъ не уйдетъ.

Бурый медвѣдь болѣе всего почитается якутами, такъ какъ онъ и страшнѣй изъ всего того, что ихъ окружаетъ въ лѣсу. Нѣтъ юрты, гдѣбы на стѣнѣ не красовались его крючковатые

когти, передъ которыми, въ видѣ жертвъ, бѣлѣютъ заячьи головки, и нѣтъ могилы, даже христіанской, гдѣ-бы на вилообразномъ шестѣ, недалеко отъ креста, не висѣлъ-бы и его черепъ.

Солнце и огонь признаются якутами за существа живыя; и солнцу, отъ котораго они не видятъ зла, не приносится никакихъ жертвъ; въ огонь-же якуты бросаютъ лучшій кусокъ мяса, или жира, и, если огонь затрещитъ,—что означаетъ якобы его недовольство, то задабриваютъ огонь такой-же второй жертвой. Идольчики или деревянные болванчики, покрытые берестой, не въ большомъ почетѣ; во время ѣды имъ вымазываютъ ихъ лица жиромъ или мясомъ.

Главныя жертвоприношенія совершаются якутами при переходѣ, когда случится, черезъ водораздѣльный хребетъ горъ. Тутъ якуты говорятъ самыя длинныя, самыя витіеватыя рѣчи, обращаясь къ разнымъ горнымъ злымъ духамъ, живущимъ, по ихъ мнѣнію, въ темныхъ дикихъ ущельяхъ, покрытыхъ хаотически - разбросанными глыбами скалъ и огромными первобытными лѣсами. Обыкновенно, у избраннаго жертвеннаго дерева, разукрашеннаго пучками волосъ изъ лошадиныхъ гривъ,—этимъ величайшимъ у нихъ символомъ жертвы,—пылаетъ костеръ, и передъ нимъ становится якутъ, говорящій рѣчь, а рядомъ съ нимъ другой якутъ, держащій ложку съ саламатой; всѣ остальные стоятъ неподалеку, возлѣ

Якуты.

костра. Костеръ горитъ, надъ нимъ кипитъ божественное лакомство—саламата; и, когда, говорящій рѣчь, обращается къ горнымъ духамъ, называя ихъ по именамъ, тогда якутъ, держащій ложку, приподымаетъ ее къ небу и выливаетъ саламату на костеръ. Масло саламаты брызжетъ и трещитъ въ огнѣ: якуты-же думаютъ, что это имъ отвѣчаютъ такъ на ихъ просьбы горные духи. Всѣ какъ-бы вслушиваются въ трескъ, и затѣмъ рѣчь продолжается, обращенія съ просьбами переходятъ отъ одного духа къ другому, ложка съ саламатой приподымается одна за другой,—каждаго духа надо умилостивить; а костеръ пылаетъ все сильнѣе и сильнѣе, и наконецъ, послѣ жертвоприношеній и длинной рѣчи, ложку съ криками и восклицаніями бросаютъ вверхъ, а, когда она падаетъ обращенная къ небу вогнутою стороною, тогда раздается общій неистовый крикъ „уруй!“ (ура!), и пискливый, а также и подобный вою радостный крикъ оратора, который при общихъ такихъ-же взрывахъ воя, засовываетъ ложку отвѣсно позади своего затылка.

У всѣхъ, послѣ этого, довольныя, сіяющія лица, всѣ ближе пододвигаются къ костру, усаживаются на корточки и берутся за ложки, чтобы глотать, давно дразнившую ихъ нюхъ, вкусную саламату. Тутъ начинаются разсказы про злыхъ духовъ, сказки, потомъ пѣсни, и разсказамъ внимаютъ съ большимъ напряженіемъ, и каждый

разсказъ вызываетъ обыкновенно со стороны слушателей, глухо пробормоченное сквозь зубы „гм—гм“, какъ знакъ одобрительнаго пониманія. Глотанье же саламаты оканчивается собакоподобнымъ обгрызаніемъ и облизываніемъ ложекъ, тарелокъ, котла, до соскребыванья послѣднихъ слѣдовъ полуды, при помощи особыхъ, устроенныхъ для этой цѣли костяныхъ лопаточекъ.

Якуты любятъ поѣсть; и даже не поѣсть, а просто таки обожраться. Многіе изъ нихъ обжираются до баснословныхъ размѣровъ. Такъ иной якутъ не прочь съѣсть за одинъ присѣсть пудъ топленаго масла; и былъ случай, когда какой-то путешественникъ, желая удостовѣриться въ томъ, что можетъ съѣсть якутъ, призвалъ къ себѣ, находясь въ Якутскѣ, двухъ извѣстныхъ ѣдоковъ и поставилъ передъ ними два пуда вареной говядины и пудъ растопленнаго масла. Черезъ два часа все было съѣдено, и якуты, лежа уже на землѣ, чувствительно благодарили путешественника за хорошее угощенье, но послѣ этого три дня провели въ безсознательномъ состояніи, ничего не ѣли и только катались по землѣ, чтобы размять животы (возбудить пищевареніе). Такихъ ѣдоковъ приглашаютъ якуты для своего удовольствія и для общаго веселья на свадьбы; они тутъ угощаются одинъ передъ другимъ, и разжигаютъ общую всемъ имъ отрадную страсть обжорства. На богатомъ пиршествѣ у тайоновъ (князей), гдѣ

зачастую можно видѣть и серебряныя ложки, и фарфоровую посуду, обѣдъ бываетъ изъ восьми блюдъ: 1) горшка густыхъ и желтыхъ вареныхъ сливокъ, 2) замороженныхъ сливокъ, 3) кусочковъ замороженнаго масла, 4) вареной рыбы, 5) масла, распущеннаго въ кипяткѣ, 6) глухаря и оленьяго языка, 7) коровьей почки и вымени, жареныхъ въ маслѣ и 8) саламаты. За оленьимъ языкомъ иногда слѣдуютъ оленья губа, а потомъ и конина.

Не смотря однако и на такую роскошь, какъ серебряныя ложки и фарфоровая посуда, послѣ обѣда или послѣ каждаго блюда идетъ облизываніе тарелокъ, горшковъ, и головы якутовъ исчезаютъ въ котлахъ.

У бѣдныхъ якутъ, вмѣсто муки, употребляется сосновая кора, а иногда и кора лиственницы. Эта кора толчется въ ступахъ и изъ нея варятся разныя кашицы съ саломъ, съ мясомъ, съ овощами, какъ дикій лукъ, и съ различными ягодами, а иногда и со всѣмъ этимъ вмѣстѣ. Вкусъ якутовъ не разборчивъ; самое главное, чтобы было всего побольше, и даже хоть тухлаго, гнилого, прогоркаго (прогорклое масло они особенно любятъ) и совсѣмъ сырого, это рѣшительно для ихъ желудковъ ничемъ. Якутъ обожрется всего, и тутъ-же засыпаетъ, а спать онъ такой-же охотникъ, какъ и ѣсть. Спятъ они послѣ обжорства, спятъ на пролетъ долгія зимнія ночи, спятъ по

праздникамъ. вслѣдствіе чего и любятъ соблюдать христіанскія праздники, которыхъ очень много; спятъ у себя дома, и даже ходятъ другъ къ другу въ гости на парадное спанье. А чтобы не проспать самаго отборнаго сна во время большихъ христіанскихъ праздниковъ, они завели календарь (пасхалія) изъ мамонтовой кости, на которомъ разными зарубками обозначаются тѣ или другіе, большіе или малые праздники.

Но кромѣ обжорства и лѣни, у якутовъ существуетъ еще одна губительная страсть, заполученная въ прошломъ столѣтіи отъ русскихъ,— это карты. Они играютъ либо въ семерку (седьмая карта — козырь), либо въ марьяжъ; при чемъ ставка идетъ не меньше пяти рублей очко и отъ 10 до 100 р. карта, вслѣдствіе чего проигрышъ достигаетъ отъ двухсотъ рублей до тысячи,—и это не переводя, какъ говорится, духа, въ одинъ присѣсть. Они бьются постоянно и объ закладъ, и самый бѣдный якутъ никогда не держитъ никакое пари меньше, чѣмъ на десять рублей.

Когда вы станете при этомъ увѣщевать якута, онъ отвѣтитъ: „да чтожъ такое?!.. Хорошая охота на соболей, или чернобурая лисица,—и я богачъ...“

Но при богатствѣ, окружающей его природы, при его природномъ умѣ, находчивости и изворотливости, его достояніе не было-бы случайнымъ,

а огромные барыши отъ мѣховой торговли не уходили-бы на кутежи и удовольствія.

Якуты любятъ шумныя, общественныя веселья и игры; любятъ толпу, танцы, празднества, людныя шаманства, толкотню, говоръ, пѣсни и зрѣлища; общество для нихъ все, а одиночество кажется имъ самымъ тяжелымъ наказаніемъ. Ходить въ гости,—это ихъ любимое препровожденіе времени; и мужчины зимою только это и дѣлаютъ. Про домосѣдовъ и любящихъ одиночество они говорятъ: „живетъ одинъ въ лѣсу, точно воръ или медвѣдь“.

Но вслѣдствіе такой неудержимой страсти къ наслажденіямъ, а также вслѣдствіе лѣнтяйничанья и бездѣльничанья, якуты, какъ уже сказано выше, и до сихъ поръ находятся въ первобытномъ состояніи, и до сихъ поръ ихъ жизнь по сибирской поговоркѣ,—„о в о д ъ, х о л о д ъ, и г о л о д ъ“; ихъ юрты, или жилища тѣ же, что у всѣхъ инородцевъ Сибири; и одежда ихъ та же, что вообще у дикарей.

Лѣтнія ихъ юрты, которыя ставятся временно на тучныхъ пастбищахъ, гдѣ кормится скотъ и гдѣ они собираютъ сѣно для запасовъ на зиму, такія-же конусообразныя берестяныя, какъ и у всѣхъ инородцевъ, живущихъ въ лѣсахъ; зимнія-же, хотя и благоустроеннѣе тунгусскихъ шалашей, обшитыхъ оленьими кожами, но также холодны, неуютны и грязны. Издали зимой якут-

скія юрты походятъ на снѣжные бугры, — онѣ, впрочемъ, и обкладываются снѣгомъ для тепла, но по постройкѣ онѣ деревянныя, четыреугольныя, облѣпленныя глиной и навозомъ, съ крышами, съ дымовой трубой, и не только съ деревянной дверью, но даже съ окнами, въ которыя зимой вставляются льдины, а лѣтомъ пузыри, или густыя волосяныя сѣтки. Въ такомъ-же родѣ строятся у нихъ вокругъ юртъ и сарай для скота; при чемъ якуты пользуются окружающими ихъ деревьями для всего. Обрубленныя деревья стоятъ при юртѣ, какъ столбы для привязи лошадей; оставляются, если пришлось, на мѣстѣ, какъ подпорки для крышъ; служатъ, какъ есть съ кореньями, вросшими въ землю, подставками для столовъ и вѣшалками для люлекъ.

Вообще-же эти зимнія якутскія юрты, какъ постройки, мало чѣмъ отличаются отъ нашихъ сибирскихъ хижинъ; единственная ихъ разница заключается въ томъ, что бревна для стѣнъ ставятся, а не кладутся, и ставятся наклонно внутрь жилья; а единственное спасеніе въ этихъ холодныхъ юртахъ,—это жарко пылающій чувалъ (каминъ).

Но якуты холода не боятся; никто изъ инородцевъ Сибири такъ терпѣливо не переноситъ стужу, какъ якуты. Они чуть не голые спятъ на нарахъ или лавкахъ, устроенныхъ вдоль стѣнъ всей юрты; спятъ на глиняномъ полу юрты, по-

ворачиваясь то грудью, то обнаженной спиной къ камину, и спятъ, едва прикрытыя, даже въ лѣсу, на открытомъ воздухѣ во время самыхъ сильныхъ морозовъ. Якутъ въ лѣсу постелетъ попону, положитъ подъ голову деревянное сѣдло, а затѣмъ, снявъ съ себя мѣховую куртку, покроетъ ею спину да плечи, обнаженной-же грудью придвинется поближе къ костру, заткнетъ уши и носъ клочками шерсти, закроетъ также чѣмъ нибудь лицо, оставивъ отверстіе для дыханія, и спитъ такимъ манеромъ преспокойно, нисколько не боясь замерзнуть. Извѣстный путешественникъ по Сибири Врангель говоритъ, что онъ множество разъ видѣлъ, какъ якуты спали на открытомъ воздухѣ при двадцати градусахъ мороза. Коротkая куртка, пишетъ Врангель, свалилась съ плечъ, костеръ давно потухъ, и все почти обнаженное тѣло спящаго покрыто толстымъ слоемъ инея". Въ Якутскѣ при сорока градусахъ мороза часто встрѣчаются якуты, стоящіе въ одной рубашкѣ и въ полушубкѣ на улицѣ и весело между собою бесѣдующіе, точно въ весенній, прекрасный день. Въ Сибири якутовъ вслѣдствіе этого называютъ желѣзными людьми, и они дѣйствительно закалены съ дѣтства. Новорожденныхъ натираютъ они снѣгомъ, или обливаютъ холодной водой по три раза въ день, въ люльку кладутъ ихъ голыми прямо на бересту, едва, едва прикрывая какими-нибудь лоскутами; на крикъ и плачь дѣтей не

обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, полагая, что чѣмъ больше кричитъ ребенокъ, тѣмъ скорѣе ростетъ. Дѣтей тѣмъ не менѣе они любятъ и, чѣмъ больше у кого дѣтей, тѣмъ тотъ считаетъ себя счастливѣе. „Для насъ, якутовъ,—говорятъ они, въ нашей ледяной землѣ, имѣть много дѣтей, выгоднѣе, чѣмъ имѣть много денегъ и много скота... Деньги разойдутся, скотъ подохнетъ, а хорошіе дѣти, промышленики, найдутъ все, добудутъ". „Дѣти,—по ихъ мнѣнію такимъ образомъ,—это богатство, только воспитать ихъ трудно". Но воспитаніе дѣтей у нихъ тоже не мудреное: до четырехъ, пяти лѣтъ ихъ сильно кормятъ коровьимъ молокомъ и до семи, восьми лѣтъ водятъ совсѣмъ почти нагишемъ, много, если въ рубашкахъ, а далѣе кое-какъ одѣваютъ и пріучаютъ къ работѣ. Сами-же взрослые не только любятъ наряжаться, но и щеголяютъ своими нарядами. Плохо одѣтые называются у якутовъ не бѣдными, а худыми; и въ одной пѣсни, которая поется на кумысномъ празднествѣ и въ честь напитка кумыса (кобылье молоко) говорится, что съ кумыснаго празднества худые, то есть плохо одѣтые должны быть прогнаны.

Въ долгія зимнія ночи якутки сидятъ у своихъ чуваловъ (каминъ), и то шьютъ, то вышиваютъ, то собираютъ мѣха, то подбираютъ цвѣта. Иной разъ якутка усердствуетъ надъ громадной своей мѣховой шапкой изъ россомахи (на подобіе шапки

дворцовыхъ гренадеръ), которую она надѣваетъ для парада даже лѣтомъ, и которую рѣдко когда сниметъ и въ юртѣ у чувала, не смотря на то, что шапка тяжелая и не только мѣховая, но еще и на бѣлечьей мѣховой подкладкѣ. Якутка для краснаго затылка и верха такой шапки силится вышить серебряными нитками по красному сукну пальмовыя вѣтки; или же тщательно вышиваетъ такими-же серебряными нитками различныя фигуры на своемъ полковомъ кафтанѣ, а не то, такъ вшиваетъ въ спинку этого-же кафтана крестъ, или полумѣсяцъ изъ мѣха россомахи, или черно-бурой лисицы.

Наряды якутокъ доходятъ зачастую въ цѣнности до 200 и болѣе рублей: и мужья не прочь поважничать богатыми нарядами своихъ женъ. Но и сами мужья носятъ такіе-же дорогіе костюмы и такіе-же шапки, и того-же онъ фасона, только кафтаны покороче, чѣмъ у женщинъ; а зажиточные торговцы щеголяютъ въ дорогихъ мѣховыхъ кафтанахъ и мѣховыхъ шапкахъ точно также и лѣтомъ, снимая одну часть своего наряда за другой только въ томъ случаѣ, когда становится жарко. Всѣ ихъ кафтаны, и мужскіе, и женскіе, какъ у народа наѣздническаго, съ разрѣзомъ назади, и окаймлены красными, синими и зелеными обшивками. Зимою сверхъ кафтановъ надѣваютъ и особыя шубы шерстью вверхъ, называемыя с а п а я к ъ. Нижнее платье также какъ у тунгусовъ

изъ замши, и также они надѣваютъ сутуры, а на ногахъ у нихъ либо легкія сары, то-есть башмаки изъ лошадиныхъ шкуръ, либо-же высокіе мѣховые сапоги на мягкой подошвѣ.

Мужчины коротко стригутся, а женщины носятъ длинныя косы, обмотанныя ремнями съ различными тяжелыми привѣсками или кольцами, висящими въ нѣсколько рядовъ; при чемъ на головѣ, когда якутка сниметъ свою шапку, на ней видиѣется богато-убранная головная повязка, или же конической формы чепецъ, а въ ушахъ блестятъ большія тяжелыя серьги изъ разныхъ гравированныхъ пластинокъ и колечекъ. Къ числу шетольскихъ частей наряда принадлежитъ отдѣланный тоже серебряными гравированными пластинками и поясъ съ различными на немъ привѣсками для уховертки, трубки и другихъ карманныхъ вещей. Его цѣнность доходитъ иногда до ста и болѣе рублей. Цѣпы бываютъ у якутовъ, какъ паѣздниковъ, и сѣдла ихъ, окованныя серебромъ.

Теперь однако все болѣе и болѣе прологаютъ себѣ путь русскіе костюмы; и якуты прежде всего надѣли русскіе жилеты, особенно съ красной спинкой, а затѣмъ рубашки цвѣтныя и пестрыя, которыя они носятъ сверхъ штановъ единственно для того, чтобы показать рубашку всецѣло. Носятъ также чулки: мѣховые, суконные или кожанные, смотря по времени года и достаткомъ, а изъ ша-

покъ самая употребительная теперь, особенно у подгородныхъ якутовъ, это круглая русская, вѣрнѣе татарская шапка съ мѣховыми наушниками или безъ нихъ. Упорно-же хранятъ и до сихъ поръ старыя порядки и свой костюмъ преимущественно женщины.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ, которое приняли якуты давно, они переняли отъ русскихъ, кромѣ костюмовъ, и многое другое; но переняли такъ, что рядомъ съ могильными крестами ставятъ и шесты съ медвѣжьими черепами, а на ряду съ вѣнчаніемъ совершаютъ и языческіе обряды. Женятся они лѣтъ десяти, двѣнадцати, съ тѣмъ-же обмѣномъ приданаго, какъ и у всѣхъ другихъ инородцевъ, съ участіемъ тѣхъ-же шамановъ и съ пиршествомъ, на которомъ говорятся рѣчи съ разными пожеланіями молодожепамъ въ родѣ слѣдующихъ: „пусть въ твоихъ зубахъ всегда торчитъ вкусный костяной мозгъ, прочищайте ваше горло лучшимъ выбродившимъ кумысомъ, полощите ротъ топленымъ масломъ; пусть съ вашего стола никогда не сходитъ жиръ, срѣзанный съ шеи кобылицъ!..“ При такихъ пожеланіяхъ выпивается безчисленное количество кумыса (кобылье молоко) изъ кружекъ, которыхъ по ихъ устройству ставить, какъ древніе рога, нельзя и которыя, преимущественно для жениха и невѣсты, вмѣщаютъ иногда въ себя по четверти ведра. Обжираются на свадьбѣ кониной, жиромъ, сала-

матой и приглашаютъ на пиршество для вѣчаго обжорства, какъ мы знаемъ, двухъ обжоръ со стороны жениха и со стороны невѣсты, изъ которыхъ каждый старается превзойти своего соперника. Одной изъ существенныхъ частей свадьбы является обмѣнъ мясомъ между родными жениха и невѣсты. Свадебный пиръ длится три дня, свадебныя блюда преимущественно мясныя. Во время пира поѣзжане жениха и невѣсты обмѣниваются отборнѣйшими кусками мяса. Во время пиршества также, какъ и на праздникахъ, затѣваются игры: бѣганье, борьба, прыганье, конскія скачки.

Когда-же пріѣзжаетъ священникъ, спустя иной разъ лѣтъ пять послѣ женитьбы, его встрѣчаютъ съ почетомъ, очищаютъ для него свои жилища, омываютъ всякую посуду, постилаютъ, какъ по дорогѣ, такъ и въ жилищахъ лучшее сѣно, кланяются ему въ ноги, просятъ у него наставленій и выслушиваютъ ихъ съ благоговѣніемъ. Священники при этомъ исполняютъ всѣ требы: вѣнчаютъ, крестятъ, отпѣваютъ: но вѣнчаютъ уже женатыхъ, крестятъ взрослыхъ и отпѣваютъ давно умершихъ и похороненныхъ. Якуты, хотя и вѣрятъ во все то, о чемъ говоритъ имъ священникъ, но въ ихъ лѣсныхъ трущобахъ у нихъ держится пока еще и все старое, давно укоренившееся. Только при исключительныхъ несчастіяхъ они призываютъ самое сильное божество, но ихъ мнѣ-

нію, Св. Николая, произнося: „Боже небесный Никола, батюшка“; всегда-же и во всемъ думаютъ отстранить всякое несчастіе конскимъ волосомъ. Конскій волосъ у нихъ для очищенія отъ зла на всѣхъ предметахъ: на кружкахъ, на сѣдлахъ, на сѣтяхъ, даже на поплавкахъ, и они его берутъ повсюду съ собой. Освѣщаютъ-же конскій волосъ, проводя его по воздуху надъ огнемъ въ юртѣ и бормоча при этомъ: „Нечистота, выходи въ трубу“. Не одно жертвоприношеніе не можетъ совершиться безъ конскаго волоса; ни одной могилы нѣтъ безъ пучка этихъ волосъ. Прежде, и не такъ еще давно, вмѣстѣ съ покойникомъ клали, согласно шаманскимъ обрядамъ, какъ и у всѣхъ другихъ инородцевъ, вещи, принадлежащія покойнику и совершали жертвоприношеніе съ шествомъ у могилы. До сихъ поръ еще существуетъ воспоминаніе, какъ прежде при погребеніи убивали лошадей и хоронили ихъ съ сѣдломъ и украшеніями рядомъ съ ихъ хозяевами. Точно также сохранилось, но ужъ какъ отдаленное преданіе, что нѣкогда съ знатными покойниками хоронили живьемъ также и прислугу ихъ. Кромѣ послѣднихъ двухъ обрядовъ, указывающихъ на происхожденіе этихъ обрядовъ изъ Средней Азіи, откуда, по всей вѣроятности, и происходятъ якуты; кромѣ, наконецъ, разныхъ горныхъ духовъ, воспѣваемыхъ въ рѣчахъ, якуты лѣтъ полтораста назадъ поклонялись и разнымъ

явленіямъ природы, что иногда можно встрѣтить и теперь еще у самоѣдовъ.

Теперь якуты, какъ христіане, роютъ могилы почти въ сажень, то есть доходя до материковаго нетающаго льда, чтобы такимъ образомъ тѣло и одѣяніе сохранились въ цѣлости возможно дольше. „Неловко будетъ человѣку, — толкуютъ они библейское повѣствованіе о воскрешеніи мертвыхъ,—когда затрубитъ ангелъ, явиться передъ другими съ отгнившимъ мясомъ и въ порваномъ платьѣ. Поэтому-то и нужно мертвыхъ хоронить глубоко, чтобы они не гнили,—смердящихъ ангелъ не любитъ и убѣжитъ; но глубже сажени хоронить тоже опасно, такъ какъ пѣніе ангела слышно только на три аршина. Если надъ могилой не будетъ креста и памятника, то ангелъ не будетъ знать, что здѣсь похороненъ человѣкъ; вотъ зачѣмъ мы ставимъ надъ могилами знаки".

Теперь въ могилу съ покойникомъ они не только не кладутъ никакихъ принадлежащихъ ему вещей, но старательно все устраняютъ, оставляя на немъ одинъ крестъ, да обручальное кольцо, а у женщинъ серьги и вкладывая въ лѣвую руку паспортъ, чтобы такимъ образомъ душа, по ихъ толкованію, была-бы принята въ рай, гдѣ она будетъ жить, какъ на землѣ.

Теперь они точно также не совершаютъ у могилъ ни жертвоприношеній, ни пиршествъ, а, напротивъ, они даже и не провожаютъ покой-

ника; носильщики-же и могильщики спѣшатъ какъ можно скорѣе покончить свое дѣло, и, зарывши покойника, бѣгутъ безъ оглядки домой, гдѣ у воротъ, или у дверей дома проходятъ сами, а также и проводятъ животныхъ, на которыхъ везли покойника, черезъ костеръ, разведенный на щепкахъ и стружкахъ, оставшихся отъ гроба. Лопаты, носилки, сани и вообще все то, что такъ или иначе служило для погребенія, ломаютъ и оставляютъ на могилахъ; если-же хоронили ребенка, то тутъ-же на деревѣ вѣшаютъ его люльку и оставляютъ его игрушки. Шамановъ и шаманокъ хоронятъ безъ отпѣваній и церковныхъ церемоній, и то почью, тайкомъ, гдѣ-нибудь въ глухомъ, заброшенномъ уголкѣ, въ рощѣ, или на лѣсномъ бугрѣ; и тутъ-же вблизи могилы вѣшаютъ на деревѣ его бубенъ и волшебное одѣяніе.

Такимъ образомъ, скажемъ въ заключеніе, что такой способный народъ, какъ якуты, все еще, какъ мы видимъ, дикари, сохраняющіе отчасти свое старое языческое и тутъ-же перенимающіе и толкующіе по своему свое новое христіанское.

Точно также и въ жизни своей они находятся на той-же переходной ступени. Изъ кочевниковъ они дѣлаются осѣдлыми, и, мы видимъ, что въ настоящее время и старая ихъ жизнь, и новая смѣшиваются воедино. И теперь еще конь,

который былъ неразлучнымъ другомъ кочеванья, считается какъ-бы божествомъ. Якутъ не только никогда не бьетъ коня, но даже и не ругаетъ его, говоря: „кони умны, какъ люди, ихъ нельзя оскорблять. Когда они ходятъ по лугамъ, они никогда зря, подобно коровамъ, не топчутъ, не разоряютъ копенъ, они берегутъ человѣческій трудъ". Въ якутскихъ былинахъ, въ сказкахъ, въ пѣсняхъ конь играетъ и до сихъ поръ одну изъ видныхъ ролей. Онъ совѣтникъ, другъ, наперстникъ героя, превышающій его умомъ, прозорливостью, благородствомъ и скромностью. Часто онъ является даже заступникомъ за своего господина передъ божествомъ. „Смотри, не отпусти своего коня, а то навѣки потеряешь богатырскую судьбу"; говорятъ добрые боги, даря коня якутскому богатырю. „Сначала богъ сотворилъ коня, отъ него произошелъ полу-конь полу-человѣкъ, а уже отъ послѣдняго родился человѣкъ"... поясняетъ значеніе коня якутская легенда. Лѣтъ пятьдесятъ назадъ якутъ сколько-бы не имѣлъ рогатаго скота, но онъ все жаловался и все считалъ себя бѣднымъ; и только тогда, когда у него являлся одинъ, другой табунъ коней, онъ говорилъ: „ну, теперь и я со скотомъ, есть и у меня добро". Теперешніе якуты говорятъ: „мы жили конемъ, и почитали его". Но въ послѣднее время не конь уже, а рогатый скотъ составляетъ главное богатство и основу жизни якутовъ. Количество послѣдняго

все увеличивается; работы всѣ даже полевыя и перевозку тяжестей якуты предпочитаютъ дѣлать на быкахъ; конь-же, мало-по-малу, становится исключительно верховымъ животнымъ, а кумысъ и кобылье мясо привилегіей богачей.

Съ переходомъ къ рогатому скоту прежде всего якуты стали дѣлаться все болѣе и болѣе осѣдлыми; и это потому, что черезъ размноженіе населенія пастбищъ стало меньше, а конь требуетъ гораздо больше корма, чѣмъ быкъ, и при разыскиваніи конемъ хорошаго подножнаго корма, якуты должны были слѣдовать за нимъ; то есть переходить изъ одного мѣста на другое, или-же кочевать. Дѣлаясь-же осѣдлыми, они, волей не волей, стали заботиться о той землѣ, на которой осѣли, занялись разведеніемъ корма, какъ для животныхъ, такъ и для себя; и теперь первая основа ихъ существованія становится хлѣбопашество. Теперь, какъ сами они говорятъ, и самый бѣдный якутъ не обходится безъ ячменной лепешки къ утреннему чаю и самый ляданій работникъ требуетъ себѣ въ пищу муки. Безъ чаю, безъ хлѣба, безъ масла никакой рабочій не пойдетъ въ поле. Раньше,—добавляютъ они,—масло ѣли только на свадьбахъ, а хлѣба не знали.

Этотъ переходъ отъ кочевья къ осѣдлости совершился у якутовъ весьма быстро. въ какихъ-нибудь тридцать-сорокъ послѣднихъ лѣтъ; и, нѣтъ

сомнѣнія, что теперь, когда при осѣдлости пройдутъ повсюду изъ поселка въ поселокъ хорошія пути сообщенія, якуты изъ настоящаго все еще полудикаго своего состоянія также быстро займутъ и самое выдающееся мѣсто среди инородцевъ Сибири. Они и теперь уже идутъ во главѣ всѣхъ ихъ къ развитію.

Другой, сосѣдній якутамъ народъ—долгане—„представляютъ, какъ заявляетъ Миддендорфъ, весьма интересную особь смѣшаннаго народа, у котораго однако во всемъ высказывается преобладаніе якутскаго элемента“.

Долгане также весьма переимчивы, какъ и якуты, съ той только разницей, что, перенимая все чужое, они тутъ-же утрачиваютъ все свое. Есть долгане кочующіе и есть осѣдлые. Тѣ, которые кочуютъ въ горахъ возлѣ тунгусовъ, съ перваго-же взгляда совсѣмъ напоминаютъ тунгусовъ: у нихъ жесткіе черные волосы, связанные въ длинную косичку, которая обмотана ремнями и обвѣшана на концѣ стеклянными бусами; у нихъ тотъ-же костюмъ съ примѣсью нѣкоторыхъ принадлежностей и якутской одежды; та-же, что у тунгусовъ, винтовка за плечами; и они физически слились съ тунгусами не менѣе, чѣмъ въ отношеніи нравовъ и образа жизни; но говорятъ всѣ по-якутски и наружность ихъ большею частью

неподдѣльно якутская. Другіе долгане, кочующіе на тундрѣ возлѣ самоѣдовъ, переняли всю внѣшность и не только весь образъ жизни и нравы самоѣдовъ, но забыли и свой языкъ. Наконецъ осѣдлые долгане, живущіе на рѣкѣ Хотангѣ, смѣшались и съ русскими, и съ самоѣдами. Всѣ они народъ живой, подвижной, ловкій, услужливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ достоинствомъ. Осѣдлый народъ живетъ не по-тунгуски и не по-самоѣдски, какъ кочующіе его собратья. Его поселенія, находящіяся возлѣ предѣла лѣсной растительности, всегда расположены у воды, въ хорошихъ мѣстахъ и постройки юрть далеко разнятся отъ тунгускихъ и якутскихъ. Они, во-первыхъ, кубической формы, во-вторыхъ, бревна, изъ которыхъ сдѣланы стѣны, не стоятъ, какъ у якутовъ, а кладутся одно на другое, какъ въ русскихъ избахъ, бревенчатые-жъ крыши не покатыя, а совершенно плоскія. Влазить въ этотъ бревенчатый кубъ иначе нельзя, какъ согнувшись, такъ какъ двери, ради спасенія отъ мороза, весьма маленькія и низкія. Внутри главнымъ образомъ играетъ роль очагъ, который по существу своему—камшъ, но по виду и по огромнымъ размѣрамъ—печка. Передъ этой печкой сдѣланъ посыпанный пескомъ ящикъ, а на краю ящика устроенъ шестъ съ вертящейся на немъ вѣшалкой, на которую вѣшается котелъ, и которую, по усмотрѣнію, можно поворачивать къ огню и отворачивать

отъ него. Наверху, въ потолкѣ, который въ то же время и крыша, гдѣ весной лежатъ и топчатся олени, находится отверстіе или дымовое окно. Оно закрывается, прежде чѣмъ дымъ успѣетъ выдти, затычкою изъ оленьей шкурки. Вокругъ стѣнъ, также какъ у якутовъ, лавки или нары, на которыхъ спятъ и сидятъ, а надъ лавками, на высотѣ человѣческаго роста, прикрѣпленъ рядъ досокъ, служащихъ защитой отъ падающей съ потолка сажи. Эта кубическая юрта всегда набита биткомъ людьми, а также разными хозяйственными и промысловыми приборами и снарядами; и одинъ только ѣдкій дымъ спасаетъ въ такой юртѣ отъ удушающихъ зловонныхъ испареній.

Долгане занимаются преимущественно рыбною ловлею, вслѣдствіе чего повсюду, возлѣ ихъ юртъ, видиѣются жерди, на которыхъ сушится рыба. Долгане, кочующіе на тайгѣ возлѣ тунгусовъ, промышляютъ въ изобиліи и звѣриной охотой, но чтобы не платить ясакъ дорогими шкурками пушныхъ звѣрей, они, по ихъ ложному увѣренію, охотятся только на крупную дичь, и уплачиваютъ поэтому ясакъ деньгами. Осѣдлые долгане, вслѣдствіе своей осѣдлости и хорошо сохраняемыхъ на одномъ мѣстѣ запасовъ и вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ русскими, а также и при болѣе постоянной, а не случайной добычѣ, зажиточнѣе всѣхъ другихъ, и не мало гордятся тѣмъ,

что не разъ въ тяжкія времена спасали отъ голода своихъ странствующихъ собратьевъ.

Тѣмъ не менѣе этотъ смѣшанный народъ, какъ кочующій, такъ и осѣдлый, исчезаетъ весьма быстро, и, нѣтъ сомнѣнія, что скоро простынетъ ихъ слѣдъ: имя ихъ и теперь рѣдко когда упоминается.

ВОГУЛЫ.

(Исчезновеніе инородцевъ).

Кто-бы могъ думать, что вогулы,—эти обшицалые, забитые и, мало-по-малу, исчезающіе дикари Сибири, — родные братья венгерцамъ, образовавшимъ вмѣстѣ съ Австріей одно изъ первоклассныхъ европейскихъ государствъ. Кто также могъ-бы предположить, что эти тщедушные, кроткіе и вѣчно какъ-бы запуганные люди были нѣкогда сильнымъ финскимъ племенемъ, которое вело войны съ сосѣдями и упорнѣе другихъ сибирскихъ инородцевъ сопротивлялось Россіи.

По всѣмъ однако изслѣдованіямъ ученыхъ вогулы жили когда-то по Уралу въ Угорскихъ горахъ и были ближайшей вѣтвью древней Чуди и тѣхъ угровъ, отъ которыхъ отдѣлились вен-

герцы. Изъ исторіи-же намъ извѣстно, что вогулы жгли русскіе города и села, уводили въ плѣнъ жителей и явились, наконецъ, первыми изъ инородческихъ племенъ, съ которыми столкнулись русскіе при своемъ движеніи на Востокъ. Царь Іоаннъ Васильевичъ снаряжалъ противъ нихъ довольно сильное войско; Ермакъ, завоеватель Сибири, сталкивался съ ними не разъ, и казаки Ермака, хотя побѣждали и безпощадно грабили вогуловъ, но однажды потерпѣли жестокій отпоръ. Вогулы, соединясь съ остяками и татарами, долго не переставали сражаться противъ русскихъ, и, мало того, ожесточенные Ермакомъ, который безпощадно разорялъ ихъ жилища, они кинулись на городъ Чердынь, и до тѣхъ поръ постоянно тревожили русскихъ, пока Ермакъ не взялъ татарской столицы Искера. Тогда они отошли отъ татаръ и возвратились въ свои жилища; но и тутъ долго еще продолжались возмущенія и возстанія вогуловъ, и только тогда, когда русскіе обложили ихъ со всѣхъ сторонъ своими поселеніями, они покорились русскимъ. Однако и послѣ принесенной ими покорности, было открыто нѣсколько тайныхъ заговоровъ объ истребленіи русскихъ. На одномъ изъ заговоровъ они вмѣстѣ съ остяками и самоѣдами хотѣли разорить городъ Березовъ, но заговоръ былъ обнаруженъ и зачинщики казнены, на другомъ-же, сойдясь съ татарами и остяками, они замышляли разру-

шить городъ Тюмень. Этотъ заговоръ охватилъ было весь сѣверъ, и вогульская стрѣла съ вырѣзкой на ней злыхъ духовъ, какъ обычный ихъ призывъ къ возстанію, переходила по вогульскимъ и остяцкимъ стойбищамъ, пока не была открыта березовскими казаками. Заговорщиковъ казнили, но и послѣ такихъ неудачъ вогулы еще разъ покушались снесть городъ Пелымъ.

Такимъ образомъ вогулы представляли когда-то весьма мужественное и воинственное племя. Но, постоянно подавляемые, они явились въ концѣ концовъ совершенно покорными, и, какъ говоритъ о нихъ одинъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей ихъ жизни г. Ядринцевъ, — „въ нынѣшнихъ лѣсныхъ и обнищавшихъ вогулахъ трудно даже отыскать какой либо слѣдъ ихъ прежняго характера“. Теперь, по словамъ г. Ядринцева,— „вогулъ—тихое и добродушное дитя природы. Онъ не имѣетъ печальнаго вида, болтаетъ и смѣется, въ рѣчи его есть оттѣнокъ доброжелательства; но у вогуловъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ русскими, откровенность характера и добродушіе болѣе или менѣе исчезли. Не будучи мстителенъ, вогулъ легко раздражается, а въ пьяномъ видѣ становится даже бѣшенымъ; къ счастью, онъ приходитъ въ это состояніе только раза два въ годъ, когда отправляется въ городъ. Большой недостатокъ въ характерѣ вогула составляетъ лѣность. Къ

ручному труду этотъ народъ мало способенъ и работникамъ вогуламъ платятъ въ половину меньше русскихъ".

Это-же самое говорятъ о вогулахъ и всѣ путешественники, изучавшіе ихъ жизнь.

Вогулы издавна уже разселились по всей Тобольской губерніи отъ Урала до рѣки Иртыша и Оби, а часть ихъ живетъ и по эту сторону Уральскихъ горъ въ Пермской губерніи. Ихъ маленькіе поселки, или наулы состоятъ изъ двухъ, трехъ, много четырехъ юртъ, расположенныхъ въ большинствѣ случаевъ на возвышенномъ мѣстѣ и у сліянія двухъ рѣкъ, такъ какъ и рыболовный промыселъ у устьевъ рѣкъ всегда обильнѣе. Ихъ жилища, какъ зимнія, такъ и лѣтнія, — одна грязь, и одно бѣдствіе во всѣхъ отношеніяхъ; ихъ національная одежда; но у нихъ и нѣтъ ее: живя ближе къ сомоѣдамъ и остякамъ они носятъ ихъ костюмы, а по близости къ русскимъ, одѣваются по-русски. Шапокъ они не знаютъ, и единственная защита головы лѣтомъ,—это густые, черные, рѣдко когда рыжіе волосы, заплетенные въ двѣ косы, а зимой мѣшокъ изъ оленьей шкуры. Жалкія зимнія ихъ юрты сложены изъ бревенъ, проконопаченныхъ мхомъ, и покрыты плоской крышей изъ древесной коры и плапокъ. Юрта въ двѣ, много три сажени отапливается очень плохой печью (чувалъ), сложенной изъ глины, которая сбита съ тра-

вой, и устроенной въ одномъ изъ угловъ возлѣ двери. Отверстіе для выхода дыма закрывается на ночь берестой, а зимой льдиной. Единственное однако спасеніе въ такой юртѣ отъ холода,—это спать, возможно ближе прижавшись другъ къ другу. Окно, черезъ которое проникаетъ свѣтъ въ юрту, рѣдко когда бываетъ со стекломъ: оно затянуто либо пузыремъ, либо-же бумагой. По стѣнамъ юрты устроены лавки для спанья, покрытыя берестой и шкурами разныхъ животныхъ. Лѣтнія конусообразныя юрты или шалаши строются изъ жердей, обшиваемыхъ, какъ у всѣхъ лѣсныхъ инородцевъ, берестой и огонь въ нихъ горитъ посерединѣ. У вогуловъ-же, которые живутъ южнѣе, лѣтнихъ жилищъ совсѣмъ нѣтъ, и, вмѣсто зимнихъ бревенчатыхъ юртъ, они строятъ русскіе срубы. Домашняя утварь вогуловъ и все хозяйство не только весьма незатѣйливы, но и крайне ограничены и скудны. Самое цѣнное для вогула,—это собака и ружье; такъ какъ вогулъ главнымъ образомъ звѣроловъ, охотникъ; затѣмъ есть у него топоръ, большой ножъ, и наконецъ огниво,—вотъ все, что онъ имѣетъ и чѣмъ дорожитъ. Въ юртѣ-же голь, нечистота и бѣдность проглядываютъ во всемъ. Полъ вѣчно грязный, на лавки, хоть не садись,—тамъ цѣлыми роями кишатъ блохи; единственный котелокъ, въ которомъ варится пища, стоитъ никогда не мытый; остальная-же посуда—миски, чашки, даже

ложки, вся изъ бересты и вся покрыта засохшими остатками разнаго варева. Дѣтская колыбель сдѣлана у него тоже изъ бересты, и сдѣлана такъ неуклюже и такъ неудобна, что хуже ничего не придумаешь. Большая береста, длиной около аршина и шириной около двухъ четвертей, согнута посерединѣ подъ крутымъ угломъ и закруглена или завернута по краямъ,—вотъ и все. Эту бересту подвѣшиваютъ къ потолку, кладутъ подъ ребенка опилки, и ребенокъ въ ней не лежитъ, а сидитъ, покрытый какой либо шкуркой и привязанный, чтобы не выпалъ, по рукамъ и ногамъ. Изъ домашнихъ принадлежностей есть еще у нихъ берестяные кузовки, мѣшки изъ оленьей шкуры; передъ каждой-же юртой вмазанъ въ глиняную каменку котелокъ, въ который бросаютъ кости животныхъ и рыбъ для варева собакамъ и въ которомъ вогулы парятъ свое грязное бѣлье. Въ пищѣ вогулъ также не требователенъ и неразборчивъ,—ѣстъ онъ птицу, рыбу, мясо; ѣстъ иногда сырьемъ, а варитъ рыбу не очищая, вмѣстѣ съ внутренностями и чешуей; и только богатые вогулы, которыхъ, конечно, весьма мало, ѣдятъ иногда мясо оленей и лосей. Хлѣбъ и соль вогулъ привозитъ изъ города, какъ особое лакомство въ родѣ конфектъ. И надо замѣтить при этомъ, что вогулъ очень терпѣливъ въ ѣдѣ; онъ долго можетъ переносить голодъ, но, дорвавшись до пищи, онъ ѣстъ много и можетъ

Вогулы.

съѣсть въ одинъ разъ столько-же сколько и обжора якутъ. Понятно, впрочемъ, что обжорство бѣднаго вогула, это рѣдкость; вогулъ, какъ никто изъ инородцевъ, испытываетъ на себѣ всенѣло общесибирскую инородческую поговорку: „оводъ, холодъ и голодъ“. Отъ холода и голода, а также отъ разныхъ эпидемическихъ болѣзней вогулы изъ года въ годъ все больше и больше вымираютъ, а отъ торговца-зырянина, тоже инородца, являющагося къ нимъ съ товарами изъ европейской Россіи и отъ окружающихъ русскихъ купцовъ они раззоряются, нищенствуютъ и голодаютъ.

Вся жизнь вогула и все его спасенье только въ охотѣ за дорогимъ пушнымъ звѣремъ; и едва земля покроется снѣгомъ, какъ уже вогулы весело и радостно, точно на праздникъ, снаряжаются на охоту. Въ маленькія, легенькія нарты (сани) они укладываютъ провизію и разныя охотничьи принадлежности, подъ ноги привязываютъ деревянныя, обитыя оленьей шкурой, длинныя лыжи и съ винтовкой за плечами, небольшими партіями скитаются всю зиму по лѣснымъ дебрямъ, гдѣ ловятъ на капканы, а также и стрѣляютъ дорогихъ пушныхъ звѣрей. Собаки бѣгутъ впереди и, отыскивая звѣря, своеобразнымъ лаемъ даютъ о немъ знать хозяину, вогулъ-же не упуститъ добычи, а собака знаетъ, что отъ звѣря и на ея долю достанутся его кости. Шкурки звѣриныя

вогулъ тщательно бережетъ и прячетъ, чтобы сбыть потомъ ихъ по хорошей цѣнѣ въ городѣ, но такой сбытъ рѣдко когда ему удается. Въ концѣ зимы запасы провизіи большею частью истощаются; вогулъ начинаетъ голодать, а тутъ является въ наулу (поселокъ) пронырливый торговецъ-зыряninъ и предлагаетъ вогулу въ обмѣнъ его пушныхъ шкурокъ одно, другое, третье изъ разныхъ товаровъ, какъ для пищи, такъ и для одежды. Зыряninъ предлагаетъ брать и въ долгъ; и вогулъ невольно соблазняется его предложеніями, такъ какъ въ желудкѣ щемитъ, дѣти плачутъ, а жена повѣся носъ сидитъ надъ пустымъ котломъ. Тянется вогулъ за рыбой, за мукой, и идетъ у него за безцѣнокъ нѣсколько шкурокъ. Зыряninъ назначаетъ за свой товаръ цѣны втрое, вчетверо, а шкурки вогула обезцѣниваетъ елико возможно. Но и вогулъ себѣ на умѣ, какъ ему это думается; онъ хорошія шкурки не показалъ зыряninу: онъ твердо рѣшилъ продать ихъ въ городѣ. Но, едва зыряninъ удалился, какъ вслѣдъ за нимъ наѣзжаетъ и русскій купецъ, у котораго вогулъ уже въ долгу и котораго необходимо чѣмъ-либо умилостивить, и что-либо за долгъ уплатить, такъ какъ и сынъ вогула живетъ уже за долгъ у купца въ работникахъ, да и долгу-то наросло много.

Принимаетъ купца вогулъ ласково, радушно, больше чѣмъ всякаго другого гостя, расправляетъ на лавкѣ, гдѣ спалъ, смявшуюся мѣховую под-

стилку, прячетъ въ темный уголъ идольчиковъ, которые стояли на полкѣ вмѣстѣ съ образомъ Николая Чудотворца, а купецъ тутъ, какъ самъ выражается, ведетъ свою линію. Онъ также любезно поздравляетъ вогула съ прибыльной зимней добычей и показываетъ ему товары, какіе привезъ для продажи.

Вогулъ, глядя на товары, сладостно улыбается во всю ширину своихъ толстыхъ губъ, едва, едва окаймленныхъ жиденькими усами и двумя, тремя волосиками чуть-чуть замѣтной бородки. Его монголообразная физіономія съ выдавшимися скулами и роскосыми глазами смотритъ лукаво, хитровато и онъ думаетъ, какъ-бы ему провесть на шкуркахъ купца и обмануть его.

Вогулъ тащитъ съ поклономъ нѣсколько плохихъ шкурокъ.

— Что это проценты за долгъ? — спрашиваетъ купецъ.

Но вогулъ упирается, проситъ сбавить часть долга, купецъ-же, пересматривая шкурки и отбрасывая ихъ къ себѣ въ сторону одну за другой, говоритъ, что и за проценты-то такую дрянь взять нельзя.

Набираются въ юрту вогулы и съ другихъ юрть паулы; они также оказываются должниками купца, который опуталъ своей паутиной давно уже всю ихъ паулу. Несутъ и они часть своей зимней добычи для разсчета, но

и отъ нихъ купецъ беретъ шкурки прежде всего за проценты. Вогулы сами хорошо знаютъ, что купецъ не скинетъ долга безъ уплаты части процентовъ; у кого-же нѣтъ хорошей добычи, отъ того купецъ возьметъ за проценты, что есть, а товаръ снова въ долгъ отпуститъ. Обездоленный вогулъ тянется ради этого изъ послѣдняго; если-же явится при этомъ еще и водка отъ купца, тогда вогулъ забудетъ всѣ свои хитрые планы и становится сговорчивѣе ребенка; за какой-нибудь бочекъ водки онъ отдастъ купцу лучшіе мѣха и вытащитъ изъ темныхъ угловъ все, что накопилъ. Онъ счастливъ настоящей минутой; передъ его голоднымъ желудкомъ вкусное варево, водка; онъ наложилъ уже себѣ свѣжаго табаку въ кисетъ, сдѣланный имъ изъ высушеной лебединой лапы; купецъ одѣлилъ его и нюхательнымъ табакомъ; и онъ изъ всей своей добычи бережетъ купцу глаза только ясакъ (дань), котораго и купецъ не трогаетъ, такъ какъ знаетъ, что при неуплатѣ ясака чиновники и его за обирательство не помилуютъ.

Вогулъ такимъ образомъ, благодаря купцу, напѣлся, напился, накурился и снесъ чиновникамъ ясакъ, съ обычнымъ при уплатѣ приговоромъ: „такъ будетъ вѣрно и на будущій годъ“. Вогулъ въ этомъ случаѣ аккуратенъ, какъ рѣдко кто изъ инородцевъ, и онъ гордится своей аккуратностью, къ начальствующимъ-же лицамъ отно-

сится съ почтеніемъ и считаетъ невозможнымъ ослушаться какого либо приказанія. Уплативши ясакъ и вдоволь нагулявшись, онъ въ тоже время не забылъ совершить и свое языческое жертвоприношеніе, развѣсивъ шкуру жертвеннаго животнаго (быка или лошади) на дерево: ему посчастливилось купить себѣ и жену: то есть уплатить за нее колымъ отъ 15 до 60 рублей. уплатить и священнику за вѣнчаніе. и шаману за его языческій обрядъ. Вогулъ давно уже христіанинъ; но онъ не отстаетъ и отъ вѣры предковъ, отъ язычества; онъ такимъ образомъ двоевѣръ, но онъ исполняетъ все, что отъ него требуется. Онъ вѣритъ въ Бога, но тутъ-же признаетъ за божества и солнце, и луну, и воду; онъ поклоняется образу Николая Чудотворца, но тутъ-же рядомъ съ нимъ ставитъ на полку и своихъ идольчиковъ. Свадебныхъ обычаевъ нѣтъ у него никакихъ, кромѣ принесетъ да жертвоприношенія: жену онъ просто покупаетъ; и она у него работница, такъ какъ вся тяжелая работа должна исполняться ею. Вернувшись съ охоты, вогулъ ни до чего нѣтъ дѣла: онъ ѣстъ, спитъ, курить да играетъ въ карты.

Послѣ отъѣзда купца, вогулъ иногда просуществуетъ годъ до слѣдующей весны: но иной разъ той провизіи, которая пріобрѣтена у купца, не хватитъ даже до вскрытія рѣкъ, и вогулъ впадаетъ въ бѣдствіе. Ему не откуда добыть

никакой свѣжины, не на что и купить ее, — все отдано купцу; поэтому наступаетъ и тяжелая пора голодовки, а затѣмъ и всякаго рода болѣзней. Въ одной изъ юртъ дѣти уже кричатъ отъ голода, и сердобольные вогулы, всегда помогающіе другъ другу, дѣлятся между собой тѣмъ, что у кого есть; но отъ такой скудной братской помощи голодъ не уничтожается. Они начинаютъ обращаться съ мольбами къ своему высшему божеству Торыму, который живетъ, по ихъ понятіямъ, на небѣ; призываютъ на помощь своихъ главныхъ идоловъ Ортика и Золотого идола, святилище котораго, по ихъ увѣреніямъ, находится на одной изъ возвышенныхъ долинъ Уральскихъ горъ, среди болотъ и дремучихъ лѣсовъ; призываютъ и шамановъ для заклинаній и устраненія несчастья. И, какъ ни лѣнивъ вогулъ, какъ онъ ни старается забыться, лежа на своей лавкѣ и посасывая свою уже пустую костяную трубочку; но приходится искать повсюду и собирать выброшенныя обглоданныя собаками кости, толочь ихъ и варить изъ нихъ похлебку; приходится питаться корой, отчего, конечно, голодъ не прекращается. И, вотъ, въ одной изъ юртъ умеръ отъ голода одинъ человѣкъ, въ другой не выдержалъ голода слабый ребенокъ, тамъ умираетъ старуха, тамъ опять сидитъ у юрты отощавшій вогулъ, точно окаменѣлый, не двигаясь, не шевеляясь и не подавая уже никакого звука. У всѣхъ глаза

и щеки ввалились, кожа какъ-бы отстала отъ костей, руки и ноги еле подымаются, въ глазахъ мутно... Бѣдствіе общее...

Вогулы похоронили мертвыхъ, похоронили также съ почетомъ и погибшую собаку, которая служитъ всегда вогулу на охотѣ лучшимъ пособникомъ и другомъ. Для нея построили на могилѣ ея хозяина домикъ, съ тѣмъ, что, когда домикъ разрушится, ее положатъ въ могилу къ хозяину. Совершивъ эти погребенія, вогулы бросили свою наулу и разбрелись по лѣсамъ, кто куда, искать себѣ пристанища и добычи. Иные не могли спастись и умерли неизвѣстно гдѣ въ лѣсахъ, не оставивъ даже слѣда своего пребыванія, какъ дѣлаютъ это они, вырѣзая на деревьяхъ свои клейма,—лукъ, кольцо, стрѣлу; иные-же пристроились, кто гдѣ, по другимъ науламъ, а не то работниками у русскихъ, или у кого либо изъ сосѣдей инородцевъ. Однимъ словомъ, кто куда дотащился,—тамъ и остался...

Такимъ образомъ, вслѣдствіе подобныхъ условій жизни, пропадаетъ этотъ народъ изъ года въ годъ, и нѣтъ ему спасенія ни отъ голода, ни отъ заразительныхъ и эпидемическихъ болѣзней; у него-же у самого точно опустились руки, и онъ, какъ безпомощный, то сливается съ другими инородцами, то превращается въ русскаго, и превращается до того, что забываетъ даже свой языкъ.

Вогулы, которые живутъ ближе, занимаются и земледѣліемъ,—сѣютъ ячмень, овесъ, держатъ кой-какой скотъ, но хлѣбъ у нихъ не всегда созрѣваетъ, и они больше всего промышляютъ сборомъ орѣховъ и разведеніемъ пчелъ, не оставляя конечно и самаго главнаго промысла всѣхъ вогуловъ—звѣроловства. Но и тутъ купцы забрали въ аренду за безцѣнокъ ихъ земли, ихъ пасеки, ихъ рыбныя и всякіе другіе промыслы; такъ что и тутъ вогулы не обогащаются, а обѣднѣютъ и тоже, въ силу своей немощности, никакъ не могутъ считаться народомъ долговѣчнымъ. Купцы на много лѣтъ закабалили ихъ; оленныхъ-же вогуловъ, которые живутъ на сѣверѣ возлѣ самоѣдовъ и остяковъ, одолѣваютъ все болѣе и болѣе торговцы-зыряне.

Такъ, скажемъ въ заключеніе, дни вогуловъ почти сочтены, и этотъ нѣкогда сильный и воинственный народъ также исчезнетъ, какъ, напримѣръ о м о к и, которые, по словамъ сѣверо-восточныхъ сибирскихъ туземцевъ, „были многочисленны, какъ звѣзды небесныя". Не останется и имени вогуловъ, какъ стерты давно уже съ лица сибирской земли шелаги, х о д ы н ц ы и о н а у л ь ц ы, которые извѣстны теперь намъ только по историческимъ преданіямъ. Смѣшаются съ другими народами и перемрутъ вогулы, какъ на нашихъ глазахъ, послѣ завоеванія Сибири, пропали а р е н ц ы. Въ 1608 г. арещовъ было 300 се-

мей, а въ 1735 г. извѣстные путешественники Миллеръ и Гмелинъ видѣли послѣдняго человѣка, говорившаго по-арески. Точно также на нашихъ глазахъ пропало множество самоѣдскихъ и остяцкихъ родовъ: и, какъ объяснено официально чиновниками: „одни изъ этихъ родовъ, будучи въ малочисленности, присоединились къ другимъ родамъ, а другіе вымерли...“

Передъ нами такимъ образомъ въ Сибири повторяется и теперь та сцена, которою начинается слѣдующая самоѣдская сказка.

„Въ одномъ мѣстѣ стояло семьсотъ шатровъ, въ которыхъ жило семьсотъ человѣкъ. Ими управляли семь мужей; всѣ они были бездѣтны, и только у одного былъ лѣнивый (какъ вогулъ) и сопливый сынъ. Проснулся онъ однажды утромъ и видитъ, что всѣ семьсотъ человѣкъ умерли. Онъ посмотрѣлъ на оленей—всѣ олени подохли. Онъ смотритъ на собакъ,—и онѣ лежатъ мертвыми. Онъ отправляется въ путь. Идетъ онъ день, идетъ другой, идетъ третій, идетъ недѣлю, идетъ семь мѣсяцевъ. Все идетъ онъ безъ пищи по голодной пустынѣ и, наконецъ, въ изнеможеніи падаетъ на снѣгъ. Лежитъ онъ, лежитъ долго, долго. Вотъ онъ пробуждается и снова отправляется въ путь. Идетъ, идетъ—и приходитъ на мѣсто, на которомъ видны слѣды бывшаго тутъ жилья. Онъ ищетъ пищи и находитъ въ снѣгу только обглоданныя собаками кости. Онъ грызетъ

ихъ, бросаетъ и ростетъ снова въ снѣгу, или другихъ костей. Затѣмъ онъ снова отправляется въ путь, питаясь единственно отрываемыми изъ снѣга обглоданными костями. Встрѣчаются ему и люди другихъ племенъ, но они коварно и враждебно относятся къ несчастному: его бьютъ и нѣсколько разъ убиваютъ, только его постоянно воскрешаетъ одноруkій, одноглазый старикъ съ желѣзной палицей."

Вотъ въ такомъ-же положеніи находятся и вогулы, пережившіе свой могущественный нѣкогда родъ.

Объясненіе причинъ,—отчего они перемерли, мы относимъ къ „Толкователю".

СИБИРСКІЕ ТАТАРЫ
И
БУХАРЦЫ.

Сибирскіе татары и бухарцы живутъ, какъ въ трущобахъ тайги, такъ и по окраинамъ ея, заходя далеко въ степи. По численности своей и по исторіи татары принадлежатъ къ самымъ выдающимся инородцамъ Сибири. До прихода русскихъ у нихъ было уже свое царство — Сибирское, такое-же, какъ Казанское и Астраханское, и также явившееся послѣ раздоровъ у нагаевъ,—этихъ страшныхъ пришельцевъ изъ средней Азіи, разорявшихъ Россію. Какъ Казанское царство образовалось изъ Кипчикской орды, а Астраханское изъ Золотой, такъ и Сибирское изъ Кучумовой орды. Въ со-

ставъ Сибирскаго царства вошли: покоренные остяки, нѣкоторая часть башкиръ, по главнымъ образомъ, ядромъ царства, были туземные татары, издревле населявшіе Сибирь и принадлежащіе также какъ якуты къ тюрско-татарскому племени. До завоеванія Сибири Ермакомъ, царь Кучумъ имѣлъ уже сношенія съ Казанью и Бухарой; и, воюя съ татарскими полчищами Кучума, Ермаку приходилось брать татарскіе города, городки, или крѣпостцы, гдѣ татары жили уже не какъ кочующіе дикари, а какъ благоустроенный народъ, имѣвшій свою аристократію, духовенство, воиновъ, черныхъ людей, а вмѣ городовъ поселянъ, занимавшихся скотоводствомъ и земледѣліемъ. По словамъ ученыхъ, изучающихъ старинную жизнь, татарамъ того времени извѣстно было воздѣлываніе металловъ, они пользовались желѣзомъ и жили въ деревянныхъ и глинобитныхъ жилищахъ. Найдены остатки ихъ прежнихъ жернововъ и сошниковъ, на ихъ земляхъ видны слѣды искусственныхъ каналовъ, орошавшихъ поля и кое-гдѣ наконецъ сохранились ихъ старинныя, не лишенныя роскоши, одежды. Они жили въ мѣстахъ теперешней Томской и Тобольской губерній, и, подобно своимъ сосѣдямъ вогуламъ и остякамъ, были язычниками - шаманистами. Но Кучумъ, самъ магометанинъ и женатый на магометанкѣ, сталъ обращать и ихъ въ магометанство: бухарцы-же, торговавшіе издревле своимъ

издѣліями среди сибирскихъ инородцевъ, какъ истые мусульмане, явились ревностными помощниками Кучуму. Посредствомъ своихъ муллъ (священниковъ) они распространяли ученіе Магомета, строя повсюду мечети и заводя школы. Сперва татары противились новой вѣрѣ, и, подстрекаемые шаманами, убивали бухарцевъ, но потомъ съ помощью школъ магометанство скоро привилось къ нимъ и такъ вошло въ ихъ кровь и плоть, что они сдѣлались самыми страстными его приверженцами.

Въ настоящее время, кромѣ Томской и Тобольской губерній, мелкіе татарскія племена заселяютъ часть Енисейской губерніи, часть Восточной Сибири и, наконецъ, мы видимъ ихъ въ областяхъ Семипалатинской, Семирѣченской и Акмолинской. Всѣ онѣ извѣстны подъ разными названіями и отличаются другъ отъ друга не только по образу жизни, нравамъ и обычаямъ, но даже и по наружности. Это произошло отъ разнаго сосѣдства съ другими народами; такъ что въ Енисейской губерніи вполнѣ сохранили татарскій типъ—татары, именующіе себя „сагай“ (сагайцы) и „кизи“ (кизильцы); татары-же качинцы, получившіе это названіе отъ рѣки Качи, впадающей въ Енисей, какъ по наружности, такъ въ нравахъ и въ одеждѣ имѣютъ много общаго съ сосѣдями ихъ калмыками; въ татарахъ „кайбаи“ (кайбалы) замѣтно сильное

ріяніе сосѣдних съ ними самоѣдовъ и остяковъ, а татары чулымскіе, живущіе въ Томской губерніи по низовьямъ рѣки Чулымы, совсѣмъ обрусѣли и позабыли даже свой родной языкъ. Татарскія племена въ Восточной Сибири, каковы карагасы, ариты и сойоты, омонголились и сманжурились, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній и близкой жизни съ этими народами, а въ мѣстахъ возлѣ якутовъ оякутились. Такимъ образомъ только татары Томской и Тобольской губерній вполнѣ сохранили свой прежній обликъ и до сихъ поръ ведутъ свой самостоятельный образъ жизни. Съ покореніемъ Сибири царство Сибирское, конечно, пало; и городскіе татары изъ аристократовъ и воиновъ сдѣлались по большей части мелкими торговцами. Какъ въ Россіи теперь, такъ и въ Сибири нѣтъ города, гдѣ-бы бритоголовый татаринъ въ круглой шапочкѣ, сдвинутой немного на затылокъ, и съ большимъ узломъ за плечами не ходилъ согнувшись со двора во дворъ, крича „халатъ! халатъ!..“ Какъ по Россіи ходятъ казанскіе и астраханскіе, или вообще волжскіе татары, такъ по Сибири преимущественно Томскіе и Тобольскіе. Они разносятъ тамъ чай вмѣстѣ съ сѣрными спичками, ваксой, помадой, духами и мыломъ, тутъ-же въ особыхъ сверточкахъ маленькія зеркальца, стальныя перья, прочныя ножики, вещицы для дамскаго туалета, а затѣмъ иглы, нитки, наперстки и дру-

гія мелочи; иные-же носятъ ситцы, платки, шали, а у нѣкоторыхъ найдутся и книги. Страсть къ торговлѣ развита у татаръ еще извстари бухарцами, которые дѣлали ихъ въ Сибири своими прикащиками. Особенными коммерческими талантами и способностями къ торговлѣ, чѣмъ въ Россіи отличаются казанскіе татары, въ Сибири славятся тобольскіе, обладавшіе въ концѣ прошлаго столѣтія нѣкоторымъ благосостояніемъ и капиталами, явившимися у нихъ послѣ успѣшной торговли съ Джунаріей (китайская провинція) и средиазіатскаго торга. Кромѣ торговли бухарцы-же развели среди сибирскихъ татаръ и ремесла, изъ которыхъ Тюменевское кожевенное производство давно уже пользуется извѣстностью.

Всѣ городскіе татары живутъ также, какъ русскіе; въ такихъ-же домахъ, съ той-же обстановкой, только одна изъ комнатъ убрана непремѣнно въ татарскомъ вкусѣ, съ кованымъ сундукомъ въ углу, съ пуховиками, съ ковриками на полу и съ полочками по стѣнамъ, на которыхъ разставлена разная утварь. У сельскихъ-же татаръ все зависитъ отъ мѣстности и климата, гдѣ они живутъ и отъ тѣхъ промысловъ, которыми они занимаются. Такъ, у кочевыхъ татаръ есть деревянные кое-какъ сколоченные зимники, обложенные землей, и есть легкопереносимые повсюду лѣтники, то есть лѣтнія конусообразныя юрты, обшитыя или войлокомъ, или берестой; осѣдлые-же татары живутъ въ де-

ревянныхъ срубахъ на подобіе русскихъ избъ, но есть у нихъ и домики, но большей части въ двѣ комнаты, съ окнами подъ крышей. Они многое перенимаютъ отъ русскихъ; и у болѣе зажиточныхъ можно видѣть въ комнатахъ обои, цвѣты на окнахъ, шторы, а затѣмъ самовары и русскую посуду. Кочевники бродятъ по сѣвернымъ окраинамъ тайги и въ глухихъ ея дебряхъ; осѣдлые-же расположились въ тѣхъ мѣстахъ, куда явились въ сосѣдство къ нимъ и русскія поселенія, и гдѣ татарскія деревни достигаютъ иной разъ до тысячи душъ.

Какъ лѣсные жители, они мало занимаются скотоводствомъ, а также хлѣбопашествомъ и огородничествомъ, воздѣлывая поля и огороды только для собственнаго прокормленія; ихъ главный промыселъ звѣроловство и рыболовство, а во многихъ мѣстахъ тайги пчеловодство и орѣховый промыселъ. Этими послѣдними болѣе всего занимаются черневые татары, то есть татары, живущіе въ тайгѣ на алтайскихъ горахъ, покрытыхъ черноль̀емъ, по преимуществу пихтой и кедрами.

Охотой и рыболовствомъ они промышляютъ такимъ-же способомъ, какъ и всѣ инородцы, о которыхъ мы говорили. Татаринъ также разставляетъ на звѣря ловушки, капканы, также идетъ на охоту съ винтовкой и на лыжахъ, таща за собой нарты съ припасами; а одѣтъ онъ въ овчин-

ную шубу, сверхъ которой надѣваетъ еще шубу изъ простеганнаго войлока, считающуюся теплой, легкой, прочной и не стѣсняющей движеній охотника, которому приходится, гоняясь за звѣремъ, дѣлать на лыжахъ сотни верстъ. На ногахъ у охотника сапоги, а также шерстяные чулки, или узагата, — это мягкая осока, которую они предпочитаютъ чулкамъ, такъ какъ она превосходно грѣетъ ногу, а затѣмъ не можетъ и легко, и быстро высушивается. При рыбномъ промыслѣ опять таки тѣ же способы и тѣ же незамысловатые орудія: вслѣдствіе чего пчеловодство и орѣховый промыселъ, какъ новинку среди всѣхъ извѣстныхъ уже намъ лѣсныхъ инородческихъ промысловъ, опишемъ здѣсь болѣе или менѣе съ нѣкоторыми подробностями.

На промыселъ кедровыхъ орѣховъ отправляются обыкновенно осенью въ августѣ, и отправляются цѣлыми семьями, ставя на тайгѣ то тамъ, то самъ, гдѣ придется работать, временные шалаши. Добыча производится очень просто: влѣзетъ татаринъ на дерево и дѣйствуетъ то рукой, срывая кедровыя шишки, то сбивая ихъ палкой, то стряхивая съ вѣтвей ногой. Женщины и дѣти подбираютъ эти шишки и носятъ въ шалаши, гдѣ идетъ очистка орѣховъ отъ чешуекъ и гдѣ возлѣ шалашей образуются потомъ цѣлыя горы шелухи.

Этотъ промыселъ очень легкій и въ урожайные годы весьма обильный. Имъ одинъ могли бы

жить инородцы, но русскій скупщикъ и свой братъ торговецъ татаринъ опутали промышленника также, какъ повсюду; и татаринъ не избѣгаетъ той-же участи, какъ вогулъ и тунгусъ. Такой-же результатъ даетъ, конечно, и пчеловодство, которое находится въ самомъ первобытномъ видѣ, но зачастую въ большихъ размѣрахъ. При самой бѣдной юртѣ у черневыхъ татаръ есть непремѣнно насѣка въ нѣсколько колодокъ; у богатыхъ-же по нѣсколько сотъ колодокъ и по нѣсколько насѣкъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ на таёгѣ. Насѣки предоставлены самимъ себѣ, и дѣло хозяина заключается, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы вырѣзать поскорѣй медъ. Работа на насѣкѣ ограничивается тѣмъ, что весной онъ вытащитъ изъ амбара колодки, которыя сохранялись тамъ въ теченіе зимы, и поставитъ ихъ куда-либо въ излюбленное имъ мѣсто. Въ теченіи многихъ дней и даже недѣль онъ и не навѣдается на насѣку, и не только въ первое время, когда поставитъ колодки, но даже и тогда, когда пчелы начинаютъ роиться. Если въ случаѣ заведется въ ульѣ гнилецъ и дно усѣется трупами пчелъ, онъ не вычиститъ улья, и пчелы погибаютъ отъ смрада и удушья. Если-же пчелиное семейство разростется до того, что быстро занесетъ весь улей медомъ, и, не зная куда дѣваться, облѣпитъ его снаружи, тогда татаринъ прикладываетъ только ухо къ сильному улью и наслаждается страшнымъ

шумомъ пчелы. хвастаясь, что у него есть такая сильная колодка, что пчеламъ и мѣста нѣтъ. Пчелы однако посидятъ, посидятъ, и, поднявшись тучей, улетятъ на тайгу отыскивать гдѣ-либо пустое дупло, чтобы основать свою колонію. Такія пчелы слывутъ на тайгѣ за дикихъ и ихъ такъ много, что у татаръ явился новый особый промыселъ пчелованія; то есть отысканія пчелъ въ лѣсу, въ дуплахъ деревьевъ. Найдя дуплянку съ пчелами, татаринъ срубаетъ дупло, придѣлываетъ къ нему днище и ставитъ на пасѣку, продавая его потомъ скупщикамъ за безцѣнокъ. Такимъ образомъ ясно, что татаринъ и понятія не имѣетъ о разведеніи пчелъ: онъ только смотритъ на нихъ да караулитъ отъ медвѣдя. Но медвѣдь, если повадится на пасѣку, то и на глазахъ татарина таскаетъ колодки. На него дѣлаютъ облаву человѣкъ восемь, десять, но медвѣдь преспокойно отъ облавы уходитъ, а на другой день тащитъ подъ мышками къ себѣ въ лѣсъ колодки съ пчелами, иной разъ по двѣ сразу; татаринъ хлопаетъ только глазами. Точно также онъ хлопаетъ глазами, смотря и на медъ и на орѣхи; ими ему и полакомиться никогда не приходится,—все забираетъ скупщикъ.

Есть у татаръ и еще одинъ дикій промыселъ,—ловля піявокъ, которыхъ въ Тобольской губерніи очень много, и добыча которыхъ совершается или на мясную приманку, или-же весьма просто: залѣзетъ татаринъ въ озеро по горло и сидитъ

себѣ тамъ до тѣхъ поръ, пока не облѣпятъ всего его піявки. Облѣпленный ими, онъ несетъ на себѣ этотъ живой товаръ домой, и, продавая его, зачастую существуетъ этимъ однимъ промысломъ цѣлой семьей. Татарки ближайшихъ къ городамъ юртъ занимаются припускапіемъ піявокъ и также зарабатываютъ порядочныя деньги, такъ какъ славятся въ этомъ дѣлѣ своимъ умѣньемъ.

Кромѣ всѣхъ такого рода промысловъ, рѣдкій изъ татаръ, живущихъ особенно по большимъ трактамъ, не гоняетъ троекъ. Извозъ,—это одно изъ любимыхъ его занятій, вслѣдствіе его любви къ лошади; и, если онъ бѣденъ, то нанимается въ извозъ къ другимъ. Онъ перевозитъ клади, и доставляетъ отъ станціи до станціи проѣзжающихъ, хотя, какъ ямщикъ онъ плохъ,—запрягаетъ долго и скверно, а веревочная его сбруя рвется на каждой верстѣ. Зато, какъ наѣздникъ, татаринъ не имѣетъ себѣ равнаго. На сѣдлѣ вы его не узнаете; онъ точно приростаетъ къ сѣдлу, и свалить его можно только сонпаго или пьянаго. Лошадь свою онъ никогда не ударитъ; онъ ее нѣжитъ, ласкаетъ и бережетъ. Любимое его веселье,—это скачки; и на праздествахъ, которыя никогда не обходятся безъ скачекъ, татары держатъ пари за ту, или другую лошадь, при чемъ выигрышъ достается не тому, кто выигралъ пари, а тому, чья лошадь взяла верхъ.

Самое шумное празднество бываетъ у сибир-

скихъ татаръ разъ въ году при сборѣ ясака. Это обыкновенно происходитъ въ срединѣ лѣта, въ іюнѣ, или іюлѣ, въ какомъ нибудь поселеніи, ближайшемъ къ мѣсту жительства башлыка, то есть ихъ князя, или старшины волости, именуемой у нихъ улусомъ. Сюда съѣзжаются со всего улуса каждый со своей провизіей, и тутъ можно видѣть татаръ и татарокъ не въ обыденныхъ ихъ лѣтнихъ костюмахъ, — холщевыхъ длинныхъ рубахахъ и такихъ-же штанахъ, подпоясанныхъ шерстянымъ кушакомъ, — какими встрѣчаются они на поляхъ и на работѣ, а въ лучшихъ праздничныхъ одеждахъ. Тутъ толпа пестритъ черными, сѣрыми, желтыми суконными халатами, разноцвѣтными бешметами, или кафтанами; есть желтые, есть синіе кафтаны съ красными воротниками, а у татарокъ халаты и шапки обшиты блестящимъ позументомъ и у нѣкоторыхъ красуются въ ушахъ особыя серьги, невольно обращающія на себя вниманіе. Они сдѣланы въ видѣ спирали изъ проволоки, къ концамъ которой отъ одной серьги къ другой пристегивается связанное изъ бусъ ожерелье, проходящее подъ подбородкомъ. Такія-же массивныя украшенія виднѣются кой-гдѣ и въ косахъ, къ которымъ привѣшиваются длинныя шнурки изъ бисера, а также и трехугольныя матерчатыя пластинки, усаженныя стеклянными пуговицами и маленькими бусами. У всѣхъ татарокъ на шеяхъ ожерелья,

на рукахъ браслеты, а на пальцахъ, какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ непремѣнно кольца. Въ шумной праздничной толпѣ есть и дѣти, и старики, и даже муллы (священники), важно расхаживающіе въ своихъ зеленыхъ и бѣлыхъ чалмахъ. Всѣ ждутъ пріѣзда башлыка и всѣ толпятся у балагана, нарочно выстроеннаго для сбора ясака и для суда надъ тяжущимися и провинившимися. Въ балаганѣ у задней стѣны лежатъ доски, покрытыя мѣховыми шкурами, на которыхъ на главномъ мѣстѣ посерединѣ садится, поджавъ подъ себя ноги, башлыкъ, рядомъ съ нимъ, по ту и по другую сторону, его помощники д и м п ч и,—нѣчто въ родѣ сотскихъ, а затѣмъ э с а у л ы, нѣчто въ родѣ десятскихъ, и наконецъ по сторонамъ длиннаго балагана р о д о в и ч и, или представители родовъ, а также старики и остальные болѣе или менѣе почетныя лица. Непомѣщающіеся въ балаганѣ стоятъ толпой у входа. Сперва собирается ясакъ; платятъ пушниной, деньгами; старшины исключаютъ изъ списковъ умершихъ дряхлыхъ стариковъ и наоборотъ вносятъ возмужавшихъ, окрѣпшихъ; опредѣляютъ кому сколько платить, сообразно его достаткамъ; и наконецъ, когда сборъ ясака кончится, покупаютъ на общественный счетъ корову или лошадь и устанавливаютъ въ полѣ котлы для варки мяса. Тутъ-же курятъ и вино въ значительномъ количествѣ; и въ это-же время, пока все для пиршества го-

товится, въ балаганѣ совершается судъ и расправа. Истцы, свидѣтели и судьи всѣ на лицо; и виновнаго, послѣ разспросовъ, уликъ и очныхъ ставокъ, по рѣшенію собранія, приговариваютъ къ штрафу, дѣлаютъ выговоръ, а иногда и наказываютъ. Пиршество продолжается дня три, четыре. Ѣдятъ вареное и жареное на вертелѣ мясо, мелкую рыбу, дичину, ѣдятъ мучнистыя лепешки, преимущественно изъ ячменя, но самое главное и всеобщее угощенье,—это кирпичный чай, который завариваютъ, какъ въ чайникахъ, такъ и въ кувшинахъ, и пьютъ безъ сахара, но съ молокомъ. Изъ крѣпкихъ напитковъ,—кто пьетъ кумысъ (кобылье молоко), кто айранъ, приготовляемый изъ коровьяго молока и неуступающей водкѣ; не пренебрегаютъ и аракой, тоже водкой, перегоняемой изъ кумыса, и наконецъ всѣ и каждый съ особымъ наслажденіемъ угощаются, если найдется, русской хлѣбной водкой, которую, по ихъ мнѣнію, пророкъ Магометъ пить не запрещалъ, такъ какъ при немъ она и не была еще извѣстна. Во время пиршества, послѣ ѣды и угощенья, начинаются пѣсни, игры и выступаютъ пѣвцы, которые у татаръ въ большомъ уваженіи. Татары считаютъ пѣсни выраженіемъ высшей мудрости, и пѣвецъ подъ звуки кобыса, или джатыгана,—нѣчто въ родѣ балалайки съ тремя или семью струнами, — поетъ заунывнымъ голосомъ разныя богатырскія былины, въ которыхъ

татарскій витязь побѣждаетъ не только людей, но и боговъ и гдѣ все, что ни есть въ природѣ,— птица, рыба, кустъ, камень, даже бревно, — все одарено чувствомъ и все горюетъ или радуется.

Пѣсни и игры, въ разныхъ мѣстахъ, возлѣ юрть и въ полѣ, продолжаются долго, но когда начинаются скачки, то вся толпа собирается въ одну массу, и не только дѣти, но и взрослые влѣзаютъ на ближайшія крыши, на деревья, чтобы лучше видѣть все мѣсто ристалища. Всѣ съ напряженіемъ слѣдятъ за каждой лошадью, за каждымъ всадникомъ, любуются тѣмъ, или инымъ движеніемъ, спорятъ, доказываютъ другъ другу тѣ, или иные достоинства и недостатки, но молодежь тутъ-же посматриваетъ и на собравшихся красавицъ. А красавицы точно писанныя: черныя брови дугою, толстыя косы, какъ змѣи, карiи продолговатые глазки блестятъ, губки пухлыя, носикъ прямой съ раздувающимися нѣсколько поздрями, а тѣло бѣлое, гибкое, плечи отброшены гордо назадъ и только у иныхъ слишкомъ ужъ выдались скулы. Широколицые, бритоголовые, но смуглые и крѣпкіе, хотя сухощавые и небольшого роста, молодцы сластолюбиво ухмыляются при видѣ красавицъ; и тутъ такимъ образомъ завязываются романы. Въ то время, когда пиршество длится всю ночь до утра и звонкія пѣсни раздаются то тамъ, то сямъ, молодежь гдѣ-нибудь украдкой сходится, объясняется въ любви,

а послѣ празднества отцы жениховъ ѣдутъ уже и сватать приглядѣвшихся ихъ сыновьямъ невѣстъ.

Сватовство и свадьбы у каждаго татарскаго племени большею частью разныя; у кизильцевъ—одни, у качинцевъ—другія, въ Восточной Сибири—опять иныя; но не только у язычниковъ-шаманистовъ, а также у магометанъ и даже у христіанъ-татаръ сохранились ихъ стародавніе обряды и обычаи языческіе. Въ общемъ однако эти обряды и обычаи такого-же характера, какъ у всѣхъ сибирскихъ инородцевъ; и татары также засватываютъ своихъ дѣтей, когда они еще въ пеленкахъ и также женихъ подростокъ ѣздитъ съ подарками къ своей невѣстѣ, работаетъ въ домѣ ея отца и выплачиваетъ калымъ, пока не дорастетъ до семнадцати лѣтъ, когда настанетъ пора и свадьбы. У взрослыхъ жениховъ свадьба совершается сейчасъ-же послѣ сватовства. Обыкновенно, отецъ того жениха, которому приглядѣлась красавица на празднествѣ, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, ѣдетъ сватать своего сына къ отцу невѣсты. Онъ беретъ съ собой жену, ближайшихъ родственниковъ, а также водку, разныя угощенья, подарки и непремѣнно, какъ самое главное для сватовства, китайскую трубку и въ кожаномъ кисетѣ китайскій табакъ. Входя толпой въ юрту отца невѣсты, женщины устраиваются направо отъ дверей на женской

половинѣ, гдѣ разставлена на полкахъ разная домашняя утварь, а мужчины проходятъ на лѣвую мужскую половину, гдѣ на лавкахъ лежитъ конская сбруя и стоятъ сундуки. Всѣ усаживаются у очага, который посерединѣ юрты, или-же у чувала (камина), который большею частью на женской половинѣ у задней стѣны и рядомъ съ которымъ, противъ входныхъ дверей, обращенныхъ всегда на востокъ, сидитъ на постелѣ, или на чемъ-то въ родѣ дивана, хозяинъ,—отецъ невѣсты. Послѣ обычныхъ привѣтствій и разговоровъ о новостяхъ, отецъ жениха обращается къ хозяину и говоритъ: „если вода притечетъ на твое мѣсто, я, сдѣлавшись крѣпкою плотиною, лягу; если вѣтеръ подуетъ на твое мѣсто, я стану стѣною; если ты мнѣ свистнешь, я, сдѣлавшись собакою, прибѣгу; если ты не ударишь меня по головѣ, то я, войдя въ твой домъ, сдѣлаюсь твоимъ родственникомъ". Сказавши такую рѣчь, онъ кладетъ трубку у чувала и выходитъ изъ юрты, а затѣмъ, вернувшись, смотритъ, — курилось-ли изъ трубки, или нѣтъ. Если увидитъ трубку не закуренной, то сейчасъ-же садится на коня и со всѣми родственниками уѣзжаетъ; если-же изъ трубки курили, то при всеобщемъ торжественномъ молчаніи, онъ вынимаетъ чарку и наливаетъ ее айраномъ, а одинъ изъ его родственниковъ набиваетъ вновь трубку. Когда съ одной стороны подносится чарка съ айраномъ, а

съ другой подается трубка, и, когда хозяинъ выпьетъ чарку и возьметъ трубку, то третій гость вынимаетъ изъ чувала горящую головню и также чинно тычетъ ею въ поданую трубку. Отецъ невѣсты выражаетъ тутъ свое согласіе на бракъ своей дочери, послѣ чего начинается угощеніе, а также и торговля невѣсты за скотъ, за мягкую рухлядь, платье и т. п., что называется к о л ы м о м ъ. Сватовство оканчивается тѣмъ, что отецъ жениха раздаетъ подарки отцу невѣсты, матери, ближайшимъ родственникамъ ея и условливается о днѣ бракосочетанія. Въ условленный день язычники зовутъ шамана, христіане татары отправляются въ церковь, а магометане приглашаютъ муллу, и мулла, опросивъ черезъ посланныхъ жениха и невѣсту объ ихъ согласіи, записываетъ ихъ имена вмѣстѣ съ свидѣтелями и затѣмъ читаетъ изъ корана опредѣленные молитвы. Все это, какъ и слѣдующее за симъ первое свадебное пиршество, на которомъ закалываютъ быка или рѣжутъ барана, происходитъ въ юртѣ отца невѣсты. На пиршествѣ поютъ пѣсни, играютъ, пляшутъ, но особенность этого свадебнаго пиршества заключается въ томъ, что разряженныхъ въ лучшіе одежды молодыхъ сажаютъ на лавку, покрытую коврами, а противъ нихъ становится два хора пѣвчихъ, которые держатъ въ рукахъ въ видѣ занавѣсокъ развернутыя цвѣтныя шали, и хоръ съ хоромъ перепѣваются. Хоръ,

стоящій передъ молодымъ, поетъ о томъ, что молодой пріѣхалъ взять красавицу, а хоръ со стороны послѣдней поетъ въ отвѣтъ, требуя выкупа и подарковъ. Когда-же отецъ молодой поднимется съ чаркой айрана, тогда одинъ изъ ея пѣсенниковъ говоритъ ей: „поѣдешь ты къ человѣку, назначенному тебѣ отцомъ; даннаго тебѣ коня не нзнуряя, не останавливаясь, доѣзжай до мѣста, отцомъ, матерью назначеннаго, и живи мирно и счастливо". Всѣ пьютъ айранъ, желая молодымъ счастья, а молодые, предшествуемые пѣсенниками, обходятъ, съ поѣзжанами позади, всѣ юрты, гдѣ также совершается тотъ-же обрядъ пріема и пожеланій, послѣ чего свадебная процессія возвращается назадъ, и тутъ, молодые, прощаясь съ родителями невѣсты, получаютъ благословеніе и садятся на коней. Всѣ кони убраны въ лучшія сбруи, пѣсенники опять впереди съ развивающимися своими шалями, бубенчики и колокольчики звенятъ въ конвоируемой шумной толпѣ поѣзжанъ, провожающихъ теперь уже молодыхъ въ аулъ или улусъ молодого. Тамъ свадебный поѣздъ встрѣчается парнями и дѣвушками, которымъ молодая бросаетъ колечки и серьги, въ самой-же деревнѣ приготовлена уже, по общему правилу татаръ, особая новая юрта, которую поѣзжане объѣзжаютъ съ пѣснями три раза и гдѣ у входа въ юрту ждутъ молодыхъ съ чаркою айрана родители жениха. Съ пріѣз-

домъ отца и матери молодой, пируютъ также и здѣсь, а ночью у юрты новобрачныхъ зажигаютъ костеръ, передъ которымъ между прочими играми, молодой въ борьбѣ съ родственниками невѣсты долженъ одержать побѣду. Когда же молодые уходятъ въ свою юрту на покой, гости разъѣзжаются.

У качинскихъ татаръ сохранился обрядъ и похищенія невѣсты. Такой обрядъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Въ день, назначенный родителями жениха и невѣсты, женихъ съ тремя, четырьмя парнями ѣдутъ въ ауль невѣсты, гдѣ подъ вечеръ трое или двое изъ парней выпрашиваютъ себѣ ночлегъ въ юртѣ отца невѣсты. Ночью, какъ только представится удобный случай, а онъ непремѣнно представится заботливостью самихъ родителей, парни хватаютъ невѣсту и мчатся съ нею въ ауль жениха. Тамъ они вталкиваютъ ее въ приготовленную для молодыхъ новую юрту и ставятъ вокругъ юрты караулъ. Но погоня уже слѣдуетъ за ними, скачутъ родители невѣсты, родственники, молодежь; но и для пиршества все уже заготовлено; собираются гости; и посредники отъ отца невѣсты ломятся въ юрту, гдѣ заключена невѣста, караульные-же ихъ не пускаютъ, они бьютъ караульныхъ, а тѣ кланяются имъ и просятъ выпить вина. Какъ вдругъ выходитъ изъ юрты молодая и объявляетъ, что она желаетъ остаться у мужа. Тогда посредники требуютъ колымъ,

о которомъ тутъ-же соглашаются, и затѣмъ начинается пиршество, послѣ котораго назначается день для „мировой“ между родителями жениха и невѣсты. Въ назначенный день родители жениха ѣдутъ съ виномъ къ родителямъ невѣсты, гдѣ, угощаясь, отецъ невѣсты бьетъ отца жениха, а дня черезъ три пріѣзжаютъ къ тестю повобрачные съ виномъ, и тесть, угощаясь, бьетъ по спинѣ плетью зятя. Этимъ свадебный обрядъ похищенія и оканчивается.

Въ старину, о которой свѣжо еще преданіе, молодую въ первую брачную ночь выводили на зарѣ изъ юрты подъ покрываломъ, и она должна была, обходя всѣхъ родственниковъ, низко кланяться у каждой изъ юртъ восходящему солнцу. Такой обрядъ совершался ради плодородія, или рожденія дѣтей, чему, по ихъ понятіямъ, способствуетъ лучь солнца.

Дѣтей татары любятъ, и не только никогда не бьютъ, но нельзя услышать даже брани, а подростаетъ ребенокъ и становится какъ-бы другомъ родителей, особенно отца. Мать всегда сама своей грудью кормитъ ребенка и на полевыя работы таскаетъ его за пазухой; въ юртѣ-же онъ лежитъ въ колыбели, которая дѣлается изъ бересты, и однимъ концомъ упирается въ полъ, другимъ-же подвѣшивается на веревкѣ къ потолку, такъ что качать можно только съ боковъ. При рожденіи ребенка ни у магометанъ, ни у хри-

стіанъ нѣтъ никакихъ особыхъ обрядовъ, но у язычниковъ, если родится мальчикъ, то вырѣзаются маленькіе лукъ и стрѣла, какъ эмблема звѣропромышленника, и прибиваются на стѣнѣ возлѣ колыбели, если-же дѣвочка, то верхушка березки. Смерть ребенка,—это безъисходное горе.

Какъ во всѣхъ обрядахъ, такъ и при похоронахъ осталось у татаръ много языческаго; но главнымъ образомъ похороны заключаются въ томъ, что могилы роются не глубоко, въ аршинъ или полтора, и непремѣнно съ востока на западъ, покойниковъ-же кладутъ на спину, и непремѣнно лицомъ на востокъ; дѣтей погребаютъ завернутыми въ бересту, женщинъ въ шелковую или какую другую матерію, а для мужчинъ дѣлаютъ ящикъ и одѣваютъ мужчинъ въ самыя лучшія ихъ одежды, а въ иныхъ мѣстахъ просто запиваютъ съ головой въ шубу, оставляя открытымъ одно лицо. Вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ въ могилу любимыя его вещи, а на могилѣ закалываютъ его лошадь и совершаютъ поминки, продолжающіяся иной разъ съ возліяніемъ айрана дня три, четыре. Поминаютъ на девятый, сороковой день, черезъ полгода, черезъ годъ, и при этомъ также какъ при похоронахъ пьютъ, ѣдятъ, а женщины плачутъ, неистово кричатъ и бьютъ себя въ грудь.

Судя по припѣвамъ, можно думать, что татары большіе пьяницы, но въ дѣйствительности

этого нѣтъ также, какъ нѣтъ и злого татарина, которымъ на Руси пугаютъ дѣтей съ стародавнихъ временъ, и вѣроятно со временъ злого татарскаго ига и страшныхъ татарскихъ полчищъ. Татары, напротивъ, народъ скромный, тихій, хлѣбосольный, гостепріимный и весьма сердобольный. Каждому гостю они рады, готовы угостить послѣднимъ и всѣмъ, что у нихъ есть лучшаго; каждаго бѣднаго они, чѣмъ могутъ, одѣлятъ, и у нихъ нѣтъ нищихъ. Нигдѣ такъ не примѣнима пословица „съ міру по ниткѣ—голому рубаха“, какъ у татаръ. Очень часто можно видѣть, что бѣдный татаринъ или татарка являются къ богатому съ какимъ-либо подаркомъ, что означаетъ съ поклономъ, и что показываетъ просьбу о помощи. И богатый отдариваетъ бѣднаго сторицею; онъ ему даетъ и денегъ, и хлѣба и всего, въ чемъ тотъ нуждается. Если бѣдный хочетъ жениться, а у него нѣтъ средствъ, то ему достаточно оповѣстить объ этомъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ. Вѣсть объ этомъ быстро разойдется; и къ свадьбѣ каждый что-нибудь ему притащитъ, — и денегъ, и скота, и одежду, и съѣстное, кто что можетъ; такъ что онъ справитъ на счетъ приношеній не только свадьбу, но и отложитъ изъ нихъ малую толику про запасъ. Если семья состоитъ изъ престарѣлыхъ родителей и малолѣтнихъ дѣтей, то ее содержатъ и помогаютъ работой по хозяйству не только сородичи,

но и сосѣди. Между собою татары живутъ очень дружно, честность же татаръ почти баснословна, а въ ихъ лѣности сказывается ихъ восточная кровь. Татаринъ работаетъ въ полѣ два, три дня лучше всякаго русскаго, но затѣмъ онъ едва двигаетъ ноги и все отдыхаетъ. Что-же касается женщинъ, то послѣднія неутомимы. Не только по дому, но и въ полѣ онѣ работаютъ съ утра до ночи, онѣ хорошо также шьютъ, вышиваютъ, но къ несчастью далеко не обладаютъ тѣмъ вкусомъ, какъ якутки и тунгуски; работа ихъ мелкая, тщательная, но не отличается красотой и изяществомъ.

Такъ, скажемъ въ заключеніе, сибирскіе татары, народъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма хорошій, но мало подвижной, и что внесли къ нимъ бухарцы до покоренія русскихъ, то осталось и до сихъ поръ, и какъ жили они тогда въ давнія времена, такъ живутъ и по днесь.

Бухарцы, жившіе, какъ намъ извѣстно, весьма давно среди сибирскихъ татаръ и игравшіе значительную роль въ ихъ жизни, теперь совершенно среди нихъ стушевались и не имѣютъ ни малѣйшаго значенія ни для нихъ, ни для русскихъ, которые вначалѣ, послѣ покоренія Сибири, долго имъ покровительствовали. Русскихъ они обольстили выгодами своей караванной торговли съ средней Азіей; и въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія бухарское населеніе въ Западной Сибири

и въ Восточной Россіи было довольно значительное. Исторія говоритъ, что татарскія слободы въ Тобольскѣ, Томскѣ, Тарѣ, Туринскѣ и Тюмени по большей части были населены бухарцами, кромѣ того бухарцы жили и въ особыхъ деревняхъ близъ городовъ. Бухарцы, какъ ловкій торговый народъ, пользовались въ Россіи разными льготами и жили, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ весьма зажиточно. При Екатеринѣ имъ дозволено было имѣть свои суды, своихъ выборныхъ правителей— ахуновъ, заводить школы, строить въ деревняхъ мечети, въ городахъ караванъ-сараи (гостинные дворы) и деревенскимъ муллямъ выдавалось жалованье изъ казны. Послѣдствіемъ такихъ мѣръ было то, что съ раззоренiемъ китайцами Джунгаріи множество азіатцевъ и бухарцевъ вышли оттуда въ наши предѣлы и поселились въ Сибири. Роль бухарцевъ въ сношеніяхъ съ Бухарою, Джунгаріей, Хивою и Китаемъ была весьма видная. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія сибирскіе бухарцы продолжали поддерживать азіатскій торгъ, между тѣмъ какъ наша собственная караванная торговля, къ которой мы никогда не имѣли большой склонности, развивалась чрезвычайно туго и терпѣла неудачи. Съ паденіемъ, однако, вслѣдствіе разныхъ новыхъ положеній, азіатскаго торга, бухарцы перестаютъ быть торговымъ сословіемъ, а въ деревняхъ имъ представляется одно исключительное занятіе земледѣліемъ и сельскими

промыслами. Бухарцы-же всегда любили больше базарь, чѣмъ землю; они такіе-же плохіе земледѣльцы, какъ и татары; и оброчныя и подушныя подати для нихъ настолько стали тяжелы, что они совершенно обѣдиѣли и живутъ теперь также плохо, какъ и татары. Большая часть изъ нихъ пережепилась на татаркахъ, восприняла нравы и обычаи татаръ, кромѣ языческихъ, существуетъ тѣми-же промыслами, какими и татары, устраиваетъ также свои жилища; и русскіе отличаютъ ихъ отъ татаръ только тѣмъ, что вмѣсто маленькихъ мерлушковыхъ шапокъ, какія у татаръ, бухарцы носятъ большею частью бѣлыя войлочныя шляпы съ полями. Ихъ деревни мы находимъ среди татарскихъ въ Томской и Тобольской губерніяхъ; мелкихъ-же торговцевъ-бухарцевъ можно встрѣтить во всѣхъ городахъ Сибири. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они образовали свои отдѣльныя общества и управы, но тѣмъ не менѣе исторія ихъ самостоятельной жизни въ Россіи окончена.

АЛТАЙСКІЕ КАЛМЫКИ.

Въ лѣсахъ Сибири есть еще инородцы,— это калмыки, которые представляютъ уже собою какъ-бы переходную ступень отъ лѣсныхъ кочевниковъ къ степнымъ номадамъ. Они живутъ на южныхъ склонахъ алтайскихъ горъ, въ окрестностяхъ Телецкаго озера, и хотя говорятъ по-татарски, но принадлежатъ къ монгольскому племени. Составляя нѣкоторую часть того калмыцкаго народа, который занялъ обширныя степныя пространства на юго-востокѣ Россіи и частью въ Азіи, они значительно разнятся, какъ отъ своихъ степныхъ сородичей, такъ равно и отъ своихъ сосѣдей алтайскихъ татаръ. Ихъ кочевья далеко не представляютъ того простора, какъ степи; онѣ стѣснены горами, и калмыки перекочевываютъ съ долинъ на близлежащія горы и съ этихъ горъ обратно

на тѣ-же долины. Тѣмъ не менѣе ихъ скотоводство несравненно выше, чѣмъ у татаръ; овцеводство-же составляетъ одно изъ богатствъ.

Растительность Алтая роскошна; есть долины, гдѣ въ высокой травѣ человѣкъ исчезаетъ съ головой; есть луга, покрытые альпійскими низкорослыми растеніями и пестрѣющіе цвѣтами альпійскаго мака, фіалокъ, гвоздики, кипрея и т. п. А горы такъ заросли непролазными лѣсами, что только калмыкъ пробирается сквозь ихъ чащи и одна его лошадь проходитъ по тѣмъ скаламъ, по которымъ вьются лѣсныя тропинки, то надъ бездонными пропастями, то надъ пѣнистыми горными потоками. Одинъ изъ путешественниковъ такъ описываетъ эти горные алтайскіе переходы. „Узкая тропа, лавируя между стволами осинъ, березъ и лиственницъ, зигзагами взбирается вверхъ и скоро теряется въ густой заросли кустарниковъ, гдѣ жимолость, спирея, смородина, калина перепутались съ высокой травой, корягами и каменьями. Чѣмъ дальше вверхъ, тѣмъ круче дѣлается подъемъ, тѣмъ неудобнѣе тропа. То недавно упавшій стволъ, загородившій тропу, заставляетъ продираться сквозь густую заросль, то нависшій камень прижимаетъ тропу къ самому обрыву,—и тогда одна нога невольно тверже опирается о стремя, когда другая виситъ надъ обрывомъ. Часто каменныя глыбы образуютъ на пути высокую, неровную ступеньку, куда

лошадь вскакиваетъ обѣими ногами вразъ, а мѣстами тѣ-же глыбы стѣсняютъ тропу до узкой щели, гдѣ не мѣшаетъ позаботиться о цѣлости ногъ, прижавъ ихъ къ шеѣ лошади... А внизу, глубоко подъ ногами все шире разстилается видъ на долину съ голубой лентой рѣки, которая то ярко выдѣляется на зеленомъ фонѣ луга, то прячется въ зарослях прибрежныхъ тополей..."

Но далѣе; „Лѣсъ дѣлается гуще, появляются косматые кедры, чаще попадаются завалившіеся стволы деревьевъ, видъ на долину закрытъ густой зарослью, и только изрѣдка, какъ-бы въ окнѣ, между вѣтвями видны игрушечная рѣка, игрушечныя деревья". Потомъ „подъемъ дѣлается менѣе крутъ, и склонъ переходитъ въ болотистую террасу, заросшую густымъ кедровымъ лѣсомъ, покатую къ какому-нибудь бурливому горному потоку..." Сырая, топкая лѣсная тропа, завалленная острыми камнями, страшно неудобна для лошади: то лошадь спотыкается о камень, то соскользнувъ съ него, тонетъ по колѣно въ черной грязи, то запутывается ногами въ густомъ сплетеніи корней, которые стелются между каменьями и въ топкой грязи. Выбирая мѣста посуше, лошадь часто жмется ближе къ деревьямъ, и тогда сильный ударъ колѣна о стволъ напоминаетъ объ опасности сбоку; а когда вниманіе сосредоточено на неудобной тропѣ и кедровыхъ стволахъ, грозящихъ колѣнямъ,—нависшія свер-

ху вѣтви царапаютъ лицо и шею, сбрасываютъ шапку, или прямо готовы высадить изъ сѣдла зазѣвавшагося всадника. Однимъ словомъ, здѣсь нужно быть внимательнымъ по всѣмъ направленіямъ, и, бросивъ поводъ, то обѣими руками отталкиваться отъ ствола или приподнимать вѣтвь, то вплотную припадать къ сѣдлу." Но на Алтаѣ есть еще знаменитые бомы, гдѣ, какъ говоритъ путешественникъ, „скалистыя горы отвѣсными уступами подходятъ все ближе и ближе къ рѣкѣ, и, наконецъ, повисаютъ надъ гремящей рѣкой. Въ этомъ именно мѣстѣ на протяженіи иной разъ нѣсколькихъ верстъ рѣка образуетъ прорывъ между сдвинувшимися горами. Первый карнизъ, на который выѣзжаютъ съ высокой террасы, до того нависетъ надъ рѣкой, что виденъ только противоположный берегъ, а рѣка, скрытая подъ скалами, шумитъ гдѣ-то внизу. Съ одной-же стороны стѣной подпимаются уступы горы, а съ другой страшный обрывъ; и въ распоряженіи путника узкая тропинка, иногда не шире аршина. Лошадь ступаетъ осторожно и все время прядетъ ушами по направленію къ обрыву. Ничего еще, пока карнизъ идетъ болѣе или менѣе горизонтально, но это бываетъ рѣдко; тропа то круто взбирается вверхъ, какъ-бы цѣпляясь за малѣйшій выступъ скалы, то большими ступенями на, адетъ внизъ. Ступени до аршина высоты и больше. Лошадь, пріостановившись на верху

ступени, какъ-бы измѣряетъ глазами разстояніе и потомъ сразу опускаетъ объ переднихъ ноги внизъ и затѣмъ осторожно переноситъ заднія. Иной разъ, плохо разсчитавъ разстояніе, она скользнетъ передними ногами и, видя опасность сорваться внизъ, моментально сгибаетъ заднія ноги и садится назадъ. Въ такихъ переходахъ можно только любоваться ловкостью и сообразительностью животнаго. Только калмыкъ и его лошадь отважно пробираются по этимъ тропамъ; но путешественнику жутко приходится даже и въ ложбинахъ и на открытыхъ долинахъ этой дикой Швейцаріи. Извѣстный путешественникъ по Алтаю естествоиспытатель Бунге говоритъ: „чувство робости невольно овладѣваетъ здѣсь путникомъ, особенно при наступленіи сумерокъ, при дикихъ кликахъ калмыковъ, трескѣ древесныхъ сучьевъ и ржаніи коней, которые становятся непослушнѣе и безпокойнѣе. Но къ этому присоединяется звонкое эхо долинъ и странный ревъ потоковъ, что еще болѣе усиливаетъ дикость; и путникъ успокоивается только, заслышавъ лай собакъ, извѣщающихъ о близости калмыцкихъ юртъ“.

Иные калмыки боятся путешественниковъ и укрываются отъ нихъ, полагая, что ѣдущіе къ нимъ будутъ ихъ крестить, но въ большинствѣ случаевъ калмыки привѣтливы, гостепріимны и далеко не жадны на подарки, какъ всѣ другіе

дикіе инородцы Сибири. Къ подаркамъ они относятся даже съ смущеніемъ и принимаютъ ихъ какъ-то пугливо, стараясь сейчасъ-же отдарить. За то всѣ вещи путешественника осматриваютъ съ особымъ любопытствомъ, перебираютъ ихъ по одиночкѣ по нѣсколько разъ и заглядываются на каждую бездѣлушку. При встрѣчѣ, даже въ горахъ, калмыкъ непремѣнно слѣзаетъ съ сѣдла и съ поклономъ говоритъ: „будь здоровъ, покочь!" Въ ауле его радушію и привѣтливости нѣтъ границъ, онъ встрѣчаетъ гостя, выходя изъ юрты, и вводитъ его въ юрту всегда подъ руку, усаживая сейчасъ-же на почетное мѣсто, покрытое мѣховымъ ковромъ, и угощая кумысомъ и теплой аракой.

Юрты ихъ большею частью коническіе, покрыты войлокомъ, но есть въ иныхъ мѣстахъ круглыя, съ конической крышею. Эти круглыя дѣлаются изъ жердей, вышиной въ ростъ человѣка, перекрещивающихся наискось въ видѣ рѣшетки, на столбы которой упирается коническая крыша изъ такихъ-же жердей, съ отверстіемъ въ серединѣ для выхода дыма. Дверь прорѣзается на восточной сторонѣ сбоку въ рѣшеткѣ стѣны и покрывается тѣмъ-же узорчатымъ войлокомъ, какъ и вся юрта.

Калмыки и лѣтомъ, и зимою встрѣчаютъ васъ обыкновенно въ очинныхъ шубахъ, или тулупахъ, надѣтыхъ прямо шерстью внутрь на голое тѣло,

безъ рубашки, которую можно видѣть только у богатыхъ. Кожаный поясъ съ мѣдными бляхами и съ большимъ ножемъ, а также и съ привѣшаннымъ на длинномъ ремнѣ огнивомъ, стягиваетъ тулупъ и лѣтомъ зачастую, при спущенномъ тулупѣ съ плечъ, обнажается темнобронзовая спина и грудь. Есть у нихъ и праздничные костюмы.—это кафтаны, или длинныя куртки, а также штаны и поверхъ всего съ узенькими рукавами халатъ. Женщины одѣваются точно также, по кое-гдѣ онѣ носятъ пестрыя юбки съ краснымъ поясомъ, а на головахъ пестрые платки, вмѣсто высокихъ, расширенныхъ къ верху, бараньихъ шапокъ, составляющихъ одну изъ характерныхъ принадлежностей калмыцкаго костюма. Изъ подъ этихъ шапокъ вьется коса.—у женщинъ двѣ, у дѣвушекъ нѣсколько, украшенныхъ блестящими стеклянными пуговками и змѣиными головками (раковины); у мужчинъ-же спускается изъ подъ бараньей шапки бритая голова и торчитъ толстая, туго сплетенная коса. Сапоги у всѣхъ съ широкими голенищами, за которыми спрятана трубка и кожаный кисетъ съ табакомъ. Трубку, впрочемъ, рѣдко когда калмыкъ не сосетъ; онъ даже и спитъ иногда съ трубкой въ зубахъ. Безъ нея не могутъ обойтись ни женщины, ни даже дѣти,—всѣ курятъ, точно также, какъ и всѣ пьютъ. Бунге пріѣхалъ разъ къ калмыцкому князю. Князя не было дома, а о княгинѣ калмыки сказали, что

она пьяна и лежитъ въ другой юртѣ. Скоро однако пріѣхалъ князь, но онъ былъ тоже пьянъ и сейчасъ-же пригласилъ Бунге къ себѣ на чай и на водку. Онъ ввелъ путешественника подъ руку въ юрту, гдѣ тутъ-же у входа по правую сторону стоялъ большой, въ ростъ человѣка, кожаный мѣшокъ (т у р с у к ъ), прикрѣпленный къ жердямъ юрты и наполняемый ежедневно сливаемымъ туда молокомъ. Каждый изъ калмыковъ, входившихъ въ юрту, мѣшалъ и сбивалъ палкой это окислившееся молоко, составляющее главную ихъ пищу. За большимъ т у р с у к о м ъ видѣлся цѣлый рядъ маленькихъ, служащихъ для сбереженія кумыса, а далѣе разные другіе сосуды и также кожаные для сохраненія свѣжаго молока и для доенія; посреди-же юрты у задней стѣны находилась постель, состоящая изъ наложенныхъ одинъ на другой войлоковъ, покрытыхъ коврами. Направо отъ постели лежали въ большомъ количествѣ мѣшки; въ нихъ заключается вся калмыцкая движимость, состоящая изъ шкуръ, платья, войлоковъ, бумажныхъ и шелковыхъ матерій, кирпичнаго чая и т. д. Эти мѣшки, связанные одинъ съ другимъ, образуютъ вьюки для лошади и перекидываются черезъ нее такимъ образомъ, что одинъ мѣшокъ виситъ съ боку по одну сторону, другой по другую. У богатыхъ они дѣлаются изъ красной кожи, нестро украшенной узорами изъ сафьяна. Голѣ стадъ, это главное бо-

гатство калмыковъ; и въ юртѣ оно всегда бережно прикрыто коврами, и надъ нимъ висятъ выточенныя изъ дерева фигурки идольчиковъ съ глазами изъ мѣдныхъ или стеклянныхъ пуговицъ.

Князь усадилъ путешественника при входѣ по лѣвую сторону, гдѣ устроено для гостей-мужчинъ почетное мѣсто, надъ которымъ всегда красуются ружья и охотничьи доспѣхи. Женщинамъ запрещается сидѣть на этихъ мѣстахъ, точно также какъ и проходить между идольчиками и очагомъ. У нихъ есть своя правая половина, гдѣ кричитъ и ребенокъ въ люлькѣ, и привязанный на веревкѣ маленькій ягненокъ или козленокъ. Когда всѣ усѣлись у очага, сложеннаго посрединѣ юрты изъ каменьевъ, на которыхъ стоялъ большой котелъ съ варившимся въ немъ кирпичнымъ чаемъ, князь, привѣтствуя гостя, закурилъ и подалъ ему трубку. Затянувшись раза два, три, гость долженъ былъ передать рядомъ сидящему, а тотъ слѣдующему; и такъ по очереди трубка пошла изъ рукъ въ руки. Наивнымъ распросамъ о цѣли путешествія и о Россіи не было конца, при чемъ скуластыя смуглыя лица калмыковъ иногда отъ удивленія вытягивались, а раскосые узенькіе калмыцкіе глаза искрились какимъ-то мутнымъ блескомъ. Всѣ пили чай, который приготовляется у калмыковъ съ мукой, масломъ и молокомъ; за чаемъ-же послѣдовалъ кумысъ, аракъ (водка изъ молока); и больше всѣхъ пила, отрезвившаяся уже и при-

глашенная князем. княгиня. Она, впрочем, скоро опять опьянѣла и ее вынесли. Калмыки, продолжая угощаться, тоже порядкомъ понатянулись, и Бунге говоритъ, что попойки играютъ у нихъ весьма видную роль, особенно въ іюлѣ и августѣ, когда трудно даже встрѣтить зажиточнаго калмыка не пьянымъ. Въ эти мѣсяцы, когда кобылы даютъ молоко, трезвыхъ калмыковъ совсѣмъ почти нѣтъ. Они спѣшатъ изъ одной юрты на попойку въ другую, и увѣряютъ, что ихъ лошади несравненно осторожнѣе носятъ пьяныхъ, нежели трезвыхъ. Большая часть однако, замѣчаетъ путешественникъ, переломовъ рукъ и ногъ относится къ этому времени. И днемъ, и ночью они падаютъ на всемъ скаку и остаются замертво на землѣ.

Страсть къ крѣпкимъ напиткамъ,—это ихъ единственный недостатокъ, хотя они любятъ также праздность, и крайне неопрятны. За то чрезвычайно честны, услужливы и обязательны.

Осматривая другія юрты, Бунге видѣлъ вездѣ ту же обстановку, что у князя, только бѣднѣе, и въ юртахъ повсюду было невозможно грязно. Въ одной изъ нихъ онъ встрѣтилъ дѣвушку невѣсту, одѣтую въ тотъ-же тулупъ, что и у всѣхъ, только онъ былъ нѣсколько красивѣе; главное-же отличіе невѣсты заключалось въ головномъ уборѣ. На головѣ у нея рдѣлась ярко-красная шапочка, отороченная мѣхомъ, а изъ подъ шапочки падали на плечи блестящіе, черные какъ смоль волосы,

заплетенные въ восемь толстыхъ косъ, украшенныхъ змѣиными головками, стеклянными бусами и перламутровыми пуговками, бряцавшими при каждомъ движеніи. Бунге не пришлось присутствовать при самой свадьбѣ, но она у сибирскихъ калмыковъ больше всего отличается неумѣреннымъ пьянствомъ, ради в с е о б щ а г о в е с е л ь я, а совершается также, какъ и у всѣхъ язычниковъ-шаманистовъ.

Ни магометанство, ни буддизмъ, который исповѣдуютъ всѣ степные калмыки, сибирскихъ лѣсныхъ калмыковъ не коснулись; и теперь есть между ними только крещеные—христіане, но эти послѣдніе сливаются съ русскими и дѣлаются осѣдлыми. У одной изъ юртъ путешественникъ видѣлъ, какъ калмыкъ сѣкъ своего идольчика, якобы въ чемъ-то провинившагося, и выбросилъ его вонъ изъ юрты, въ то время, когда другому, стоявшему въ юртѣ, вымазалъ роть саломъ. Похоронъ тоже не удалось встрѣтить путешественнику, но онѣ опять-таки сопровождаются тѣмъ-же неумѣреннымъ пьянствомъ какъ и свадьба, но уже отъ в с е о б щ а г о г о р я, а покойниковъ либо сжигаютъ, либо-же, закутывая ихъ въ войлоки, оставляютъ, въ лѣсахъ или на скалахъ, гдѣ и съѣдаютъ ихъ волки. Теперь, впрочемъ, к о г д а русскіе все болѣе и болѣе внѣдряются въ калмыцкія земли, дикіе нравы калмыковъ стали понемногу смягчаться и кое-гдѣ покойниковъ закапываютъ въ землю. А

не такъ давно, когда еще не была означена точно граница между Китаемъ и Россіей, когда калмыки платили дань и той и другой имперіи, и, называясь двоеданцами, жили совершенно особнякомъ, не соприкасаясь ни съ какимъ цивилизованнымъ міромъ, они пользовались во всемъ полной свободой. Теперь у нихъ есть зайсаны (старшины), которые именуются почетными дворянами и считаются въ маіорскомъ чинѣ; подъ зайсанами есть домечи, подъ домечами есть шуленги, а еще степенью ниже абранаки, имѣющіе въ своемъ вѣдѣніи только десять человѣкъ. Остальные-же калмыки равны между собою и различаются численностью своихъ стадъ и богатствомъ. За стадами своими лѣтомъ они кочуютъ съ мѣста на мѣсто, а зимою живутъ въ ущельяхъ, гдѣ вѣтеръ со скатовъ горъ сдуваетъ снѣгъ и лошадямъ, весь годъ пасущимся на волѣ, легче изъ подъ тонкаго слоя снѣга добывать себѣ кормъ.

Когда Бунге спросилъ калмыка,—отчего они не хотятъ жить на одномъ мѣстѣ и воздѣлывать хлѣбъ, который сѣютъ теперь въ весьма незначительномъ количествѣ, и то одинъ ячмень для муки къ своему чаю, тогда калмыкъ также наставительно и незадумываясь отвѣтилъ ему: „религія предписываетъ намъ кочевую жизнь, а русскимъ не дано благословеніе стадъ именно потому, что они живутъ на одномъ мѣстѣ и чистятъ свои молочные сосуды“.

При отъѣздѣ Бунге, князь послалъ калмыковъ загонять лошадей для доставленія путешественника на извѣстное мѣсто; и нельзя было при этомъ загонѣ, говоритъ Бунге, не любоваться ловкостью калмыковъ и изворотливостью животныхъ. Загонщики съ дикимъ крикомъ налетали на табунъ, а лошади, поднявъ головы, съ фырканьемъ и ржаньемъ быстро смыкались то въ одну, то въ другую сторону и близко прижимались одна къ другой. Арканомъ при этомъ трудно было зацѣпить какую-либо изъ нихъ; и загонщики снова съ разныхъ сторонъ бросались на табунъ, чтобы разбить его; опытный-же ловко аркапъ на отдѣлившуюся гдѣ-либо лошадь мгновенно захватывалъ ее, а калмыкъ тутъ-же соскакивалъ съ своего сѣдла на землю и давалъ себя таскать по землѣ, пока лошадь не уставала и пока мало по малу онъ не притягивалъ ее къ себѣ на аркапѣ.

Прощаясь съ княземъ, путешественникъ хотѣлъ заплатить ему за лошадей и провожатыхъ, но князь ни за что не взялъ ничего, и показалъ только при этомъ, какъ русскія, такъ и китайскія деньги, лежащія у него въ шкатулочкѣ вмѣстѣ съ идольчиками.

Калмыки, надо замѣтить, смотрятъ на деньги совершенно равнодушно; охотнѣе принимаютъ табакъ и водку, говоря, что разъ какъ-то во время голоднаго года, когда люди умирали отъ недостатка пищи, у одного изъ калмыковъ былъ ку-

сокъ золота съ конскую голову, но не было хлѣба и скота, и когда онъ пошелъ съ своимъ золотомъ къ сосѣдямъ, предлагая золото и прося за него немного пищи, то всюду ему отказывали; и онъ съ отчаянья бросилъ свое золото съ высокой скалы въ глубокое озеро, которое теперь и называется Алтынъ-Коль, то есть Золотое озеро.

Всѣ путешественники отзываются о калмыкахъ, какъ о народѣ добродушномъ, никогда не ропщущемъ и пріученномъ выносить всякія трудности. Они превосходные наѣздники, скачутъ у самыхъ пропастей и стерегутся только горныхъ потоковъ. Бунге говоритъ, что они пріятные и веселые спутники. Во время переѣзда, когда Бунге любовался Алтаемъ, его снѣжными вершинами, его ледниками, водопадами и голубовато-зеленаго цвѣта озерами, напоминающими швейцарскія, калмыки скакали, перегонялись одинъ съ другимъ, шумно разговаривали, а не то слышалась и пѣсня, звонкимъ эхомъ разносившаяся среди пустынныхъ скалъ. Пѣсня была не затѣйлива,—это были не больше какъ слова на распѣвъ, которые монотонно звучали то громче, то тише; и одинъ калмыкъ пѣлъ: „Тамъ бѣжитъ олень, я хочу убить его“, а другой затягивалъ: „Вотъ дерево, а подъ деревомъ зарыта дѣвушка“ и наконецъ болѣе другихъ понравилась всѣмъ пѣсня: „Я скачу весело своимъ путемъ, другъ послѣдуй ты за мною!“...

ТОЛКОВАТЕЛЬ.

I.

Что такое лѣсная полоса.

Сѣверныя полярныя страны раздѣляются на двѣ части, или на два пояса,— на поясъ безлѣсныхъ пустынь и на лѣсной полосъ. Первый опоясываетъ берега Ледовитаго океана; второй-же окаймляетъ съ одной стороны первый, а съ другой переходитъ въ степи, или-же заканчивается на высотѣ снѣжныхъ горъ, гдѣ и теряется отъ стужи вѣчной зимы. Границы этой лѣсной области, или лѣсной полосы и безлѣсной пустыни сѣвера нельзя опредѣлить съ точностью; такъ какъ въ иныхъ мѣстахъ тундра глубоко внѣдряется въ лѣсную область, а въ другихъ, наоборотъ, лѣсъ побѣдоносно стремится къ сѣверу. Одно можно сказать, что предѣлъ лѣсной растительности только иногда слѣдуетъ направленію параллельныхъ круговъ, онъ большею частью выдвигается остроконечными углами по направленію къ полюсу, слѣдовательно въ меридіанномъ направленіи. И это послѣднее потому, что въ сѣверной Сибири всѣ болѣе значительныя рѣки текутъ въ этомъ направленіи; глубоко-же промытые рѣчные берега весьма

содѣйствуютъ древесной растительности отчасти уже тою защитою, которую они ей даютъ, отчасти-же больш имъ постоянствомъ температуры, съ которымъ связаны болѣе значительныя водныя поверхности. Этимъ точно также объясняется и то явленіе, — почему послѣднія деревья на сѣверѣ попадаются въ видѣ островковъ или лѣсныхъ оазисовъ, которые нерѣдко составляютъ предѣлъ лѣсной растительности, или часто совершенно неожиданно являются въ видѣ передовыхъ постовъ, послѣ того какъ вы, подвигаясь все болѣе къ сѣверу, уже положительно распростились съ предѣломъ лѣсной растительности. Эти лѣсные оазисы тундры находятся въ болѣе или менѣе котловидныхъ углубленіяхъ почвы.

Такова неопредѣленность границъ лѣсной полосы; что же касается ея пространства, то слѣдуетъ замѣтить, что она обширнѣе области тундръ, и тянется вдоль всей сѣверной Азіи, Европы и сѣверной Америки шириною въ пятнадцать и двадцать градусовъ. Этой сѣверной области лѣсовъ уступаетъ даже лѣсная область рѣки Америки, которая своимъ пространствомъ превышаетъ въ двѣнадцать разъ Германію.

II.

Какое главное отличіе сѣвернаго лѣса.

Въ главныхъ или въ общихъ чертахъ отличительность сѣвернаго лѣса,—это крайнее однообразіе растительности. Здѣсь встрѣчается только хвойная растительность и хвойные лѣса; только сосны да ели покрываютъ необъятныя пространства, и эти сосны и ели невольно обращаютъ на себя вниманіе своей кажущейся

юностью, или молодостью. Имъ трудно дать болѣе полувѣковаго возраста, и только сѣдыя бороды, покрывающихъ ихъ мховъ, обнаруживаютъ преждевременную старость. Это явленіе вполнѣ объясняется краткостію лѣта и продолжительностью чрезмѣрно-холоднаго времени; кратковременныхъ жаровъ достаточно, чтобы выгнать молодые побѣги, но мало для образованія древесины. И чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ деревья медленнѣе ростутъ въ толщину; такъ что на Большомъ Медвѣжьемъ островѣ стволъ дерева въ 100 лѣтъ едва достигаетъ толщины человѣка, а на крайнемъ предѣлѣ лѣсной растительности, гдѣ продолжительность существованія дерева не болѣе трехъ, четырехъ столѣтій, ему-бы пришлось расти 2000 лѣтъ, чтобы изъ него могла быть выпилена доска въ футъ ширины. Такой-же тщедушностью страдаютъ сѣверныя деревья и относительно вѣтвей. Отсутствіе вѣтвей,—это отличительный ихъ признакъ; повсюду встрѣчаются только не развившіеся почки и побѣги. На крайней-же границѣ лѣсовъ лиственницы почти совершенно лишены вѣтвей, и имѣютъ веретенообразные, нерѣдко въ двѣ три сажени вышиною, стволы, на которыхъ вмѣсто вѣтвей видны только сплетенія высохшихъ побѣговъ; множество неразвившихся почекъ указываютъ на безплодную борьбу растительной силы. Этими неразвитыми вѣтвями кончаетъ на сѣверъ лѣсъ, гдѣ холодъ леденящаго вѣтра окончательно его сразилъ, и только подъ землею искривляется покрытый мхами стволъ кустарника, и только концы маленькихъ однолѣтнихъ побочныхъ вѣтвей, въ какихъ-нибудь два дюйма, украдкой поднимаются изъ подъ покрова земли и указываютъ на существованіе кустарника. Кромѣ малаго объема и отсутствія вѣтвей, сѣверныя деревья страдаютъ и своими корнями; корни ихъ очень слабы, плоски, тонки и не проникаютъ въ почву,

превращаемую морозами въ твердую какъ камень ледянистую массу, глубже двухъ футовъ. Вслѣдствіе этого бури весьма легко вырываютъ деревья съ корнями и уничтожаютъ лѣсъ на большія пространства.

Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ роста деревьевъ, чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ болѣе становится очевидно и уменьшеніе гущины лѣса: на 36—64 квадратныхъ футовъ приходится не болѣе одного дерева. Тѣмъ однако не менѣе вполнѣ развитыя шишки съ совершенно зрѣлыми сѣменами приносятъ даже и подземные кустарники. Множество деревьевъ вслѣдствіе суровости климата подвергаются разнымъ болѣзнямъ и неизбѣжному затѣмъ гніенію. Кромѣ того онѣ сильно страдаютъ отъ давленія снѣга. Иногда снѣговыя массы въ 4 и 5 футовъ лежатъ на сучьяхъ, или висятъ въ самыхъ фантастическихъ формахъ и сводами тянутся отъ одного дерева къ другому. Нерѣдко вся эта огромная снѣговая масса какъ будто виситъ въ воздухѣ, пригнувъ подъ собою густые стволы въ одну сплошную подстилку, и перѣдко деревья не выдерживаютъ этой тяжести и ломаются.

Хвойныя деревья, какъ сказано выше, составляютъ большую часть лѣса крайняго сѣвера: но необходимо замѣтить, что въ Америкѣ хвойныя деревья сѣвера совсѣмъ иныя, чѣмъ въ Азіи и Европѣ. Въ Сибири, напримѣръ, мы видимъ: сосну, сибирскую ель и сибирскій кедръ, а въ Америкѣ чаще всего встрѣчается: бѣлая и черная ель, пахучая ель и сѣрая пихта.

Въ тундрахъ березы поднимаются выше елей, а по берегамъ рѣкъ растутъ ивы и мѣстами попадается ольха. Изъ ягодныхъ деревьевъ и кустарниковъ первенствуютъ: можжевельникъ, рябина и красная смородина, но вообще ягодъ въ Сибири необыкновенное изобиліе; ими наполнены сибирскія пустыни до самаго дальняго

сѣвера. Болѣе всего преобладаетъ брусника; по всѣмъ предгоріямъ и безлѣснымъ высотамъ тянутся густо покрытые ею поля. Въ болотныхъ низменностяхъ невѣроятное множество черники, морошки, а гдѣ слишкомъ сочная почва—тамъ клюква. Есть также голубица, княженика; и нѣкоторыя изъ ягодъ даже при наступленіи осени остаются на кустахъ, на деревьяхъ, какъ рябина и другія, до слѣдующаго мая и іюня, пока снѣгъ совершенно не растаетъ. Это нисколько не вредитъ имъ; они становятся еще сочнѣе и вкуснѣе, представляя весною вкусный кормъ для перелетныхъ птицъ и лакомство для проснувшагося отъ зимней спячки медвѣдя.

III.

Почему въ Сибири зима суровѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Въ Устьянскѣ, мѣстечкѣ лежащемъ при полярномъ морѣ, подъ 75° с. ш. средняя температура самаго холоднаго мѣсяца доходитъ до 40°, въ то время, какъ въ Якутскѣ, лежащемъ южнѣе, подъ 62° с. ш. средняя температура холоднаго мѣсяца равняется 49°. Въ Иркутскѣ (51°, 16′ с. ш.), который стоитъ южнѣе Берлина (52°, 31′ с. ш.), зима доходитъ до 35° и 40°; въ Берлинѣ-же никогда не бываетъ суровой, а тѣмъ болѣе продолжительной зимы, о 35-градусномъ-же или 40-градусномъ морозѣ никто тамъ и понятія не имѣетъ.

Такая рѣзкая зимняя температура въ Сибири происходитъ отъ многоразличныхъ причинъ. Во-первыхъ, эта страна представляетъ большую равнину, косвенно

спускающуюся къ Ледовитому морю, во-вторыхъ, Сибирь лежитъ такъ далеко отъ умѣряющаго холодъ океана, что по ту сторону Уральскихъ горъ теплый западный вѣтеръ уже дѣлается холоднымъ континентальнымъ вѣтромъ, и въ-третьихъ, огромная въ 4.000 футъ высокая монгольская горная возвышенность не пропускаетъ въ Сибирь много тепла съ юга, такъ что зимой, откуда не дуй вѣтеръ, онъ приноситъ только холодъ.

Совершенно иное-же происходитъ въ Сибири лѣтомъ. Подъ вліяніемъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ около сѣвернаго полюса палящихъ лучей солнца, волны тепла развиваются по всей наклонной плоскости Сибири и быстро поднимаютъ ртуть термометра. Нѣтъ близкаго моря, освѣжающаго воздухъ прохладнымъ вѣтромъ; подуетъ-ли онъ съ раскаленной монгольской пустыни; или-же пройдетъ по обширной равнинѣ, онъ будетъ насыщаться тепломъ на всемъ своемъ пути. Вотъ почему за суровой якутской зимой слѣдуетъ знойное лѣто, которое въ Якутскѣ теплѣе, чѣмъ въ Прагѣ, Мангеймѣ и Ло-Рошели; такъ какъ въ Якутскѣ средняя температура въ іюлѣ 20°,3, а въ Прагѣ 20°,2, и вотъ почему, не смотря на вѣчно замерзшую почву на нѣсколько сотъ футъ въ глубину, оттаивающую только на аршинъ, въ Якутскѣ могутъ вызрѣвать и рожь, и ячмень.

Самый сильный холодъ, какой только существуетъ на земномъ шарѣ, бываетъ въ Якутскѣ; онъ не только доходитъ, но случалось, что и переходилъ за 50°. О такихъ холодахъ Миддендорфъ пишетъ слѣдующее: «Тяжелое впечатлѣніе, какое производитъ господство этой страшной стужи подъ открытымъ небомъ невозможно передать; надобно испытать что-нибудь подобное, чтобы понять то впечатлѣніе. Ртуть давно оцѣпенѣла и изъ нея

можно дѣлать пули; ее можно рубить и ковать, какъ свинецъ. Желѣзо становится хрупкимъ и при ударѣ брызжетъ обломками, какъ стекло; дерево, по мѣрѣ содержанія въ немъ влаги, дѣлается крѣпче желѣза и противостоитъ топору, такъ что только совершенно сухое рубится и колется; сторожевой огонекъ, въ другое время подымающійся высокимъ пламенемъ, теперь только стелется по дровамъ, липнетъ къ нимъ, какъ будто и онъ самъ мерзнетъ отъ стужи, и дѣйствительно стынетъ и гаснетъ, какъ скоро отваживается, увлекаясь какой-нибудь струей воздуха, взвиться выше костра, потому что охлаждаются газы, его питающіе. Далеко слышенъ скрыпъ каждаго шага по хрупкому снѣгу; съ сильными ударами лопаются одно за другимъ могучія деревья вѣковаго лѣса; имъ отвѣчаетъ, какъ громъ пушекъ и отдаленныхъ батарей, глухо раздающійся подземный гулъ, потрясающій землю; этотъ гулъ издаютъ разсѣлины ледянаго покрова и промерзшей почвы. Не вѣрится, чтобы при всемъ томъ растенія и животныя могли безвредно выносить это страшное лишеніе тепла».

IV.

Какимъ образомъ человѣкъ выноситъ сибирскіе холода.

Послѣ только что сказаннаго объ ужасѣ сибирскаго холода, невольно рождается предложенный вопросъ, на который тотъ-же Миддендорфъ отвѣчаетъ такимъ образомъ: «Было-бы свыше силъ человѣка выносить при кочевомъ образѣ жизни страшное нападеніе сибирскихъ морозовъ, еслибы ему не помогла

сухость воздуха. Именно, защиту отъ холода доставляетъ только совершенно сухое платье: въ мокромъ или влажномъ тамъ погибель. Между тѣмъ въ полушубкахъ и въ мѣховыхъ чулкахъ къ вечеру каждый день скопляется влажность отъ испареній тѣла. Что-же дѣлаетъ инородецъ? Всякій вечеръ, прежде чѣмъ лечь въ своей палаткѣ онъ выворачиваетъ помянутыя платья и кладетъ ихъ на снѣгъ. Утромъ онъ находитъ ихъ совершенно сухими. Хотя снѣгъ и ледъ испаряются несравненно медленнѣе воды, но при извѣстной степени сухости воздуха испареніе ихъ происходитъ необыкновенно быстро, какъ показываетъ слѣдующій, сдѣланный мной опытъ. 26 ноября я былъ на южномъ склонѣ Становаго Водораздѣла, къ вечеру ртуть замерзла. Я обмакнулъ въ воду свою рукавицу изъ дубленой замши, выжалъ ее слегка и положилъ мерзлую, какъ колъ, на снѣгъ. Не прошло еще полнаго часа, какъ я нашелъ ее совершенно сухою, такъ что она осталась суха и тогда, когда я нагрѣлъ ее у огня».

Но кромѣ такихъ пособій, какъ сухость воздуха и одежды, на что указываетъ Миддендорфъ, есть еще и другія, не менѣе важныя. Надо во-первыхъ замѣтить, что обыкновенно тѣ дни, когда термометръ наиболѣе понижается, отличаются безвѣтріемъ, отчего холодъ бываетъ не такъ рѣзокъ и отчего онъ выносится легче. Многое также зависитъ, какъ отъ жилья, такъ и отъ одежды; и небольшія, низенькія сибирскія жилища, какъ у якутовъ, обнесенныя иногда снѣговымъ валомъ, противостоятъ леденящему вѣтру; относительно-же мѣховыхъ одеждъ сибирскихъ инородцевъ Эрманъ говоритъ, что въ нихъ можно спокойно спать ночью въ открытыхъ саняхъ, когда мерзнетъ ртуть; можно даже спать и на снѣгу. Но самое главное однако, что спасаетъ человѣка, — это его удивительная акклиматиза-

піонная способность. У него необыкновенно быстро, въ нѣсколько дней уже развивается въ тѣлѣ тѣмъ болѣе теплоты, чѣмъ болѣе усиливается холодъ; человѣкъ вдыхаетъ болѣе кислорода, внутренній процессъ горѣнія идетъ быстрѣе, усиливающійся аппетитъ доставляетъ больше матеріала и поддерживаетъ внутреннее тепло. Поэтому не только коренные сибиряки, но и путешественники скоро привыкаютъ къ сибирскому холоду. Миддендорфъ, напримѣръ, находилъ удовольствіе, снявъ куртку, съ часокъ порубить дровъ на чистомъ воздухѣ, когда замерзла ртуть, и потомъ въ нижнемъ платьѣ и рубашкѣ грѣться въ палаткѣ передъ огонькомъ, жаръ котораго едва выносила рука, а за спиной термометръ спускался на 10° холода.

V.

Что такое вулканъ, или сопка.

Сопками въ Сибири называются вулканы, какъ дѣйствующіе, такъ и недѣйствующіе, находящіеся въ Камчаткѣ и на Курильскихъ островахъ. Вулканомъ-же называется гора, имѣющая (въ большинствѣ случаевъ) воронкообразное отверстіе (*кратеръ*), черезъ которое выбрасываются изъ нѣдръ земли массы раскаленныхъ камней, золы и расплавленныхъ минераловъ, называемыхъ *лавой*. Самое это явленіе именуется *извержеміемъ*. Промежутокъ времени между двумя послѣдовательными извержеміями, называется *покоемъ*, или періодомъ бездѣйствія вулкана. Продолжительность такого бездѣйствія для одного и того-же вулкана бываетъ весьма различна. Всѣ тѣ вулканы, которые послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго періода спокойствія, начина-

ютъ извергать, называются *дѣйствующими* вулканами. Существуютъ однако вулканы, извергающіе безпрерывно, втеченіи многихъ вѣковъ, у нихъ слѣдовательно не бываетъ періода бездѣйствія, и только по временамъ изверженіе нѣсколько ослабѣваетъ или усиливается. Такихъ вулкановъ немного: Страмболи въ Средиземномъ морѣ, Сіоа на Моллукскихъ островахъ, Тофуа на островахъ Дружбы, Самай и Катопаксі въ южно-американской провинціи Квито и въ Японіи Азама-Іома. Прямо противоположнаго характера дѣйствующимъ вулканамъ, — это *угасшіе*, то есть такіе, которые уже съ давнихъ временъ не извергаютъ ничего. Между-же дѣйствующими и угасшими существуетъ еще промежуточное состояніе вулкана, носящее названіе *сольфатора*. Отъ дѣйствующаго вулкана сольфатора отличается тѣмъ, что никогда не извергаетъ шлаковъ, пепла, лавы и никакихъ раскаленныхъ веществъ. Дно кратера въ сольфаторѣ, какъ и въ угасшемъ вулканѣ, закрыто, какъ-бы замкнуто изнутри застывшею лавою и другими веществами, и самый кратеръ не глубокъ. Отъ угасшаго вулкана, сольфатора отличается постояннымъ выдѣленіемъ изъ многочисленныхъ щелей и отверстій кратера горячихъ паровъ и различныхъ газовъ, свидѣтельствующихъ о подземной дѣятельности вулкана. Сольфаторъ очень много, но самые выдающіеся изъ нихъ: сольфатора Флегрейскихъ полей близъ Неаполя, затѣмъ Волкано, потомъ огромная сольфатора Уруштси въ Средней Азіи и наконецъ сольфатора въ Новой Зеландіи и на Явѣ. Сольфатору обыкновенно принимаютъ за переходное состояніе отъ дѣйствующаго вулкана къ угасшему.

Образованіе вулкановъ прежде приписывали дѣйствію подземнаго огня, расплавляющаго различныя вещества, которыя составляютъ внутреннее ядро на-

шей планеты. Теперь это опровергнуто и всѣ ученые изслѣдователи пришли къ тому заключенію, что всякій вулканъ есть ничто иное, какъ выходное отверстіе или жерло, временное или постоянное, сообщающее какой-либо очагъ лавы съ земной поверхностью. Реклю пишетъ объ образованіи вулкановъ слѣдующее: „Снаружи, вокругъ жерла обыкновенно накопляются извергнутые продукты, въ видѣ холма, болѣе или менѣе правильной конической формы; такой конусъ постепенно достигаетъ очень значительныхъ размѣровъ. Новые потоки лавы ложатся на старые и создаютъ остовъ горы; пепелъ и камни, выбрасываемые изъ кратера, съ своей стороны образуютъ длинныя пологія насыпи; вулканъ и расширяется, и ростетъ одновременно; наконецъ вершина его уходитъ за облака, въ царство постоянныхъ снѣговъ. Жерло, находившееся въ моментъ образованія вулкана на уровнѣ почвы, удлиняется, образуя въ центрѣ конуса каналъ; каждый новый потокъ лавы, изливающійся черезъ вершинный кратеръ, увеличиваетъ высоту этого канала». Такимъ образомъ кратеръ Этны достигъ 3194 метровъ, а исполинскіе вулканы, вродѣ Сангая и Сагамы въ Кордильерахъ—5600 и 7300 метровъ.

А. Гумбольтъ и другіе ученые высказывали совершенно иную гипотезу объ образованіи вулкановъ, и именно по поводу происхожденія такихъ вулкановъ, какъ Этна, Везувій и Тенерифскій пикъ. «По ихъ теоріи,—говоритъ Реклю,—такъ-называемые, вулканы *поднятія* обязаны своей настоящей архитектурой не вѣковому накопленію лавъ и пепла, а внезапному подъему земныхъ пластовъ. Предполагалось, что во время какого-либо переворота на земномъ шарѣ расплавленныя вещества, находящіеся внутри земли, напирали на кору планеты, внезапно вспучивали ее въ видѣ конуса, открывали широкое воронкообразное отверстіе между

перемѣщенными пластами, и, такимъ образомъ, однимъ усиліемъ создавали высокія горы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ теперь». Эта теорія, замѣчаетъ Реклю, фактически опровергнута изслѣдованіемъ коры вулкановъ, которая вездѣ оказалась образовавшейся изъ лавы, а не изъ пластовъ приподнятой или вздутой земли.

Въ спеціальномъ сочиненіи «Вулканы и Землетрясенія» Цюрхера и Маргалло о Камчаткѣ говорится: «Вдоль всего полуострова Камчатки проходятъ три параллельныя цѣпи горъ, занимающія, приблизительно, около шести градусовъ широты. Западная цѣпь есть самая низкая и горы ея, замѣтно понижающіяся по направленію къ Охотскому морю, у береговъ доходятъ до уровня моря. Срединная цѣпь, строго слѣдующая направленію Камчатки, съ сѣверо-востока на юго-западъ, достигаетъ высоты около 1800 футовъ. Она образована изъ трахитовъ и лавы и почти каждая вершина имѣетъ угасшій кратеръ. Восточная цѣпь, самая высокая, состоитъ изъ очень крутыхъ и высокихъ горъ и содержитъ много дѣйствующихъ вулкановъ. Они скучены наиболѣе между 54° и 55° с. ш. Въ западной цѣпи встрѣчается лишь нѣсколько вулкановъ и то угасшихъ. Вообще всѣхъ вулкановъ въ Камчаткѣ считается до сорока и главный между ними,—это Ключевская Сопка, который принадлежитъ къ числу самыхъ высокихъ вулкановъ на землѣ; конечный конусъ его возвышается надъ уровнемъ моря болѣе чѣмъ на 5,000 метровъ. Къ югу отъ мыса Лопатки, которымъ оканчивается полуостровъ Камчатка, идетъ цѣпь Курильскихъ острововъ, составляющихъ какъ-бы продолженіе камчатскихъ горъ, также обильныхъ вулканами, насчитываемыхъ до двадцати, и также во всѣхъ отношеніяхъ мало изслѣдованныхъ.

VI.

Причины вымиранія инородцевъ.

Въ очеркахъ настоящей книги отмѣчено, что Камчадаловъ почти уже не существуетъ, курильцевъ также, тунгусовъ, какъ и вогуловъ, годъ отъ году, становится меньше и меньше; иные-же инородцы Сибири совсѣмъ уже исчезли, а о нѣкоторыхъ остались одни только преданія да историческія записи.

Невольно является вопросъ, — отчего это происходитъ и что за причины такого исчезновенія народовъ?

Не такъ еще давно многіе ученые дѣлили человѣчество на низшія и высшія расы; и къ такимъ ученымъ, особенно по отношенію негровъ, принадлежали даже знаменитости, какъ Бурмейстеръ, Агассисъ, К. Фогтъ, Геккель, Миллеръ и др. Это предубѣжденіе унаслѣдовано съ древнихъ временъ, когда «варваровъ» истребляли, какъ существа низшія. И въ новое время европейцы отнеслись съ такимъ-же предубѣжденіемъ къ австралійскимъ дикарямъ, истребивъ многія ихъ племена; таково-же отношеніе европейцевъ было и къ индійцамъ. Тѣмъ не менѣе, наперекоръ предразсудку, мы видимъ побѣду справедливости и человѣколюбія, выразившуюся въ эмансипаціи негровъ и въ американской войнѣ за освобожденіе черпаго. Негры получаютъ теперь образованіе, издаютъ газеты, выдвигаютъ талантливыхъ людей; индійцы-же, какъ доказалъ Германіи, при благопріятныхъ условіяхъ не обнаруживаютъ ни малѣйшихъ признаковъ къ вымиранію. Такимъ образомъ множество фактовъ и антропологическихъ данныхъ опровергли прежніе предразсудки, а новая историческая жизнь въ Америкѣ, на островахъ и въ Австраліи доказала, что

расы, считавшіеся прежде писшими по своимъ способностямъ, сдѣлали значительные успѣхи въ культурѣ.

Изъ исторіи тунгусовъ мы знаемъ, что они нѣкогда съ манджурами составляли одинъ народъ; и въ то время, когда одна часть этого народа — манджуры завоевываютъ Китай, другая—тунгусы распространяется по всей восточной Сибири, изгоняетъ оттуда якутовъ, юкагировъ, чукчей, но въ тоже время въ 1640 году сама подпадаетъ подъ владычество русскихъ, а, спустя четыре года, въ 1644 г. на китайскій тронъ вошелъ первый манджурскій императоръ. Относительно духовнаго развитія манджуры отличаются теперь отъ сибирскихъ тунгусовъ настолько-же, насколько и различна сама судьба этихъ одноплеменныхъ народовъ. «Манджуры, какъ говоритъ Гартвигъ, представляютъ замѣчательное явленіе въ исторіи цивилизаціи; менѣе нежели 350 лѣтъ тому назадъ, они были такими-же кочевниками, какъ ихъ сѣверныя собратья, не умѣли ни читать, ни писать; въ настоящее-же время они имѣютъ богатую литературу, а ихъ языкъ сдѣлался придворнымъ языкомъ въ Пекинѣ. Въ тоже время покоренные и обинцалые тунгусы остались также грубы и невѣжественны, какъ и во время покоренія ихъ казаками».

Ясно, что раса тутъ не при чемъ; стало быть и тутъ дѣйствуютъ одинъ благопріятныя или неблагопріятныя условія, которыя заключаются въ слѣдующемъ.

Складъ, образъ жизни и культура каждаго народа обусловлены климатическими, физическими и топографическими условіями природы, среди которыхъ человѣкъ обитаетъ, и естественными произведеніями, которыми снискиваетъ пропитаніе. Кромѣ того Вамбери въ своей исторіи первобытной культуры пишетъ: «Кто будетъ имѣть случай жить продолжительное время между

различными народами и основательно ознакомиться съ ихъ духовными и физическими особенностями; кто обратитъ вниманіе на тѣ явленія, какія имѣютъ мѣсто при перемѣнѣ человѣкомъ отечества, климата, образа жизни, тотъ скоро придетъ къ убѣжденію, до какой степени человѣческое тѣло подвергается, да и должно подвергаться, внутреннимъ перемѣнамъ, тѣмъ-же самымъ, какимъ подвергаются растенія и животныя, при ихъ переселеніи съ родной почвы въ чуждый климатъ, подъ чуждое небо".

Понятно отсюда, что съ перемѣной мѣста жизни тунгусы во многомъ стали отличаться отъ манджуровъ, и понятно также, что климатическіе, физическіе и топографическіе условія тайги, гдѣ тунгусы поселились, далеко неблагопріятствовали ихъ благоустройству. Благоустройство народа такимъ образомъ въ полной зависимости, какъ отъ природы, окружающей человѣка, такъ и отъ его экономическаго положенія, которое въ свою очередь въ полной зависимости отъ всего окружающаго. Окружающее-же тунгусовъ, кромѣ тяжелой природы, былъ еще постоянно и тяжелый гнетъ казаковъ и кулаковъ купцовъ.

Вслѣдствіе всего сказаннаго причины вымиранія инородцевъ,—это чисто-экономическія, а не расовыя; и чѣмъ экономическое положеніе народа обездоленнѣе, разореннѣе, тѣмъ и слабѣе его плодовитость, и тѣмъ большая его смертность.

VII.

Выгодно ли вымираніе инородцевъ для Россіи.

Извѣстный изслѣдователь условій жизни сибирскихъ инородцевъ Н. М. Ядринцевъ въ своемъ трудѣ о совре-

мѣномъ положеніи инородцевъ пишетъ: «Измѣнить это ненормальное явленіе (то-есть вымираніе) въ человѣческихъ рукахъ и въ рукахъ цивилизаціи. Напрасно эту цивилизацію представляютъ дракономъ, пожирающимъ инородцевъ, напрасно отдаютъ инородца на жертву хищникамъ, торговцамъ, кулакамъ, которые являются не столько представителями цивилизаціи, сколько поддонками и обратной стороной ея. Цѣли и задачи человѣческой цивилизаціи другія, это—спасеніе человѣческой жизни, гуманизмъ, милосердіе, улучшеніе быта, подпятіе человѣческой личности и озареніе ея свѣтомъ разума—просвѣщеніемъ.

Мы не можемъ поэтому прикрываться неизбѣжностью гибели указанныхъ племенъ, но должны каждый разъ испытывать муки совѣсти объ ихъ бѣдственномъ положеніи и поставить вопросъ наканунѣ наступающаго XX столѣтія о сохранности тѣхъ остатковъ и потомковъ инородческихъ племенъ, которые сохранило еще время, человѣческія бури и человѣческое жестокосердіе.

Мы должны задаться вопросомъ: выгодна ли погибель на сѣверѣ десятковъ тысячъ людей. Всѣхъ остяковъ и самоѣдовъ на сѣверѣ Сибири можетъ насчитываться еще до 50.000. Имѣйте въ виду, что это населеніе составляетъ почти единственное и главное населеніе среди тундръ, среди негостепріимной природы и полярной стужи сѣвера, близъ береговъ недоступнаго океана. Вымрутъ они, и опустѣетъ сѣверъ, ибо русское населеніе является здѣсь скорѣе торговыми факторіями. Куда-бы не слѣдовалъ европеецъ или русскій человѣкъ на сѣверъ, онъ обязанъ услугамъ, руководительству и указаніямъ инородца (точно также, замѣтимъ, какъ и на тайгѣ; безъ него онъ-бы погибъ».

Въ заключеніе-же своего взгляда на жизнь сибирскихъ инородцевъ, Ядринцевъ говоритъ: «Такимъ обра-

зомъ все рѣзче и яснѣе выступаетъ вопросъ о положеніи и сохраненіи инородческаго населенія, что должно явиться обязанностью цивилизаторовъ. Снабженіе сѣвера больницами, миссіями, школами для инородцевъ становится настоятельнымъ. Наконецъ, для содѣйствія и облегченія помощи инородцу пора основать общество, къ которому привлечь образованныхъ людей, изслѣдователей инородческаго быта и лицъ, могущихъ сочувствовать просвѣщенію инородца. Это общество покровительства просвѣщенію инородца будетъ не менѣе полезно, чѣмъ общество спасенія на водахъ, общества филантропическія и общества покровительства животнымъ. Здѣсь дѣло идетъ о людяхъ».

VIII.

Выгодно-ли для человѣка истребленіе животныхъ.

Прежде чѣмъ говорить объ исчезновеніи нѣкоторыхъ животныхъ исключительно въ Сибири, упомянемъ объ общихъ выводахъ ученыхъ изслѣдователей, которые пришли по этому вопросу къ весьма печальному заключенію. Они говорятъ, что не только вредные животныя, но и животныя полезныя преслѣдуются человѣкомъ черезъ мѣру и вслѣдствіе грубаго корыстолюбія нѣкоторыя животныя не только уничтожены въ извѣстныхъ мѣстахъ и на обширныхъ пространствахъ, но и совершенно истреблены на земномъ шарѣ. Человѣческій произволъ, или, что еще хуже, человѣческая корысть изгнали прежде всего наиболѣе рослыхъ животныхъ, которымъ труднѣе было ускользнуть отъ вниманія, хитрости, изобрѣтательности и настойчивости человѣка.

Смотря по болѣе или менѣе благопріятнымъ усло-

віямъ мѣстности, и, смотря по тому, лучше или хуже животныя были защищены лѣсами и горами, они истреблялись въ Европѣ то тутъ, то тамъ, но болѣе всего на островахъ, на которыхъ убыль не замѣнялась новой прибылью, или приходомъ съ материка. Травоядныя животныя первыя подверглись нападеніямъ, какъ хищныхъ звѣрей, такъ и человѣка. Въ западной Европѣ давно уже исчезли не только хищныя животныя, вредныя человѣку, какъ львы, тигры, рыси, дикія кошки, медвѣди, волки, лѣсныя куницы и т. д., но и зубры, дикія овцы, лоси, обыкновенные олени, козули, кабаны, бобры, дрохвы, глухари, лебеди и пр. Кромѣ нѣкоторыхъ, впрочемъ очень не многихъ домашнихъ животныхъ, о размноженіи которыхъ заботится человѣкъ, взамѣнъ исчезнувшихъ величинъ явилась одна только мелкая черпь и крошечные паразиты. Съ теченіемъ времени фауны такимъ образомъ въ Европѣ страшно обѣднѣли и стали очень однообразны.

Въ Сибири, не смотря на всю пустынность и обширность края, переводится и совсѣмъ уничтожается множество всякаго рода животныхъ. Полтора столѣтія назадъ, то есть въ 1768 г. убита послѣдняя морская корова, такъ-называемая, Стеллерова, — это огромное, весьма полезное и кроткое животное. Истреблены также совсѣмъ *ариали*, исчезъ и *бородастый ягнятникъ*, исчезъ *торфяной бобръ;* переводятся и на нашихъ глазахъ одно животное за другимъ. Котики, напримѣръ, вслѣдствіе своего прекраснаго жира, мяса и шкурокъ давно были-бы уничтожены, еслибы Сѣвероамериканская компанія не приняла ихъ подъ свое покровительство и не установила-бы за ними присмотръ, какъ за домашними животными. Вслѣдствіе такого разумнаго отношенія къ животному, исчезавшіе котики расплодились настолько, что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ дали

компаніи хорошій доходъ. Благодаря такой-же охранѣ этой компаніи существуютъ и плодятся морскіе бобры, песцы, рѣчныя выдры, а также и суслики. Что касается материковыхъ животныхъ Сибири, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ изъ нихъ, на которыхъ наибольшій спросъ, съ каждымъ годомъ уменьшаются даже въ неизмѣримыхъ пустыняхъ Сибири, и что предѣлы ихъ распространенія съ года на годъ все болѣе и болѣе съуживаются. Такъ прошли тѣ времена, когда тунгусы за котелъ давали столько собольихъ шкуръ, сколько въ него ихъ укладывалось; соболь отъ преслѣдованія охотниковъ мало-по-малу уходитъ въ непроницаемые лѣса и переводится. Кабаргѣ, оленю, козулѣ, лосю, кабану на южномъ скатѣ Становаго Водораздѣльнаго хребта предстоитъ, по изслѣдованіямъ Миддендорфа, окончательное уничтоженіе. И, какъ Ядринцевъ взываетъ къ покровительству инородцевъ Сибири, такъ Миддендорфъ въ свою очередь взываетъ къ разумному пользованію животными. Онъ говоритъ, что „разумные законы объ охраненіи животныхъ принадлежатъ къ числу великихъ благодѣяній, и особое царское покровительство, оказываемое животнымъ, которымъ уже угрожаетъ окончательная гибель, какъ, напримѣръ у насъ зубру, должно считаться важною заслугою передъ человѣчествомъ. Само собою разумѣется, что скорѣе всего истреблены такія животныя, которыя были наиболѣе способны сдѣлаться полезными домашними животными. Но чтобы мы теперь не дали за возможность воскресить Стеллерову корову? Какую громадную пользу можно было-бы извлечь изъ нея, а также изъ китовъ, моржей, тюленей и т. д., еслибы поступать съ ними по тому-же принципу, съ какимъ отнеслась Сѣвероамериканская компанія къ котикамъ и другимъ эксплоатируемымъ ею животнымъ“

IX.

Чѣмъ полезенъ сѣверный олень.

Сѣверный олень приноситъ огромную пользу жителямъ сѣверныхъ пустынь; инородцы кочевники немогли-бы и существовать безъ него; онъ даетъ имъ и пищу, и одежду. Сѣверный олень не отличается ни красотою, ни изяществомъ формъ: туловище его неуклюже-угловато, у него короткія ноги и короткая шея, а подъ нею длинные волосы, нѣчто вродѣ бороды; на головѣ-же тонкіе рога, развѣтвленные и снабженные небольшими лопатками; эти рога мѣняются ежегодно; то есть ежегодно отпадаютъ и вновь вырастаютъ. Въ Европѣ и въ Азіи сѣверный олень водится отъ Монгольскихъ отроговъ въ бассейнѣ рѣки Амура до Ледовитаго океана и отъ Уфы до Новой Земли и Шпицбергена, гдѣ олени живутъ также, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тундры и тайги, даже и въ дикомъ состояніи. Въ древнія времена олень водился во Франціи и въ Германіи, гдѣ и теперь еще находятъ его кости въ пещерахъ, что показываетъ прежнюю суровость климата этихъ странъ; такъ какъ въ настоящее время всѣ попытки сохранить его даже въ зоологическихъ садахъ Германіи оказались безплодными. И не только въ Германіи, но и въ Стокгольмѣ нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ имѣли лѣтомъ утомленный видъ и заболѣвали. Лѣтомъ олень чувствуетъ себя хорошо только въ прохладномъ горномъ воздухѣ или у берега моря и съ такимъ-же наслажденіемъ втягиваетъ въ себя прохладу, какъ продрогшій человѣкъ радуется благодатнымъ лучамъ грѣющаго солнца.

Сѣверный олень не отличается робостью и легко

становится ручнымъ: онъ скоро привыкаетъ къ людямъ и любитъ быть съ ними вмѣстѣ, между тѣмъ для него вовсе не нужно такой особенной заботы человѣка, какъ это требуютъ другія домашнія животныя; сѣверный олень самъ находитъ себѣ пищу, какъ лѣтомъ, такъ и зимою; онъ пасется совершенно свободно и его не нужно ни привязывать, ни огораживать плетнемъ. Инородцы кочевники навьючиваютъ на оленей свои палатки и разное свое имущество; оленей-же запрягаютъ въ санки для поѣздокъ и переѣздовъ; и только для паѣздничества олень менѣе годенъ. У него слабая спина, и при спускѣ съ возвышеннаго мѣста слѣдуетъ ѣхать какъ можно осторожнѣе,—въ противномъ случаѣ онъ можетъ сломать себѣ спинную кость. Когда-же запрягаютъ оленя въ санки, то его нельзя бить, или дурно съ нимъ обращаться; его можно приручать только терпѣніемъ и ласкою. Бывали случаи, когда оленя принуждали переносить слишкомъ большія тяжести или погоняли его; и онъ начиналъ тогда бить ногами своихъ вожатыхъ. Тутъ остается одно спасеніе отъ оленя,—поскорѣе опрокинуть санки, лечь подъ нихъ и спокойно оставаться до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ гнѣвъ разъяреннаго животнаго. Самка оленя производитъ на свѣтъ ежегодно одного дѣтеныша и кормитъ его очень короткое время, а, когда перестанетъ кормить, то даетъ молока не болѣе бутылки въ день. Такое количество весьма не велико, но оленье молоко замѣчательно своимъ качествомъ,—это положительно настоящія сливки и его можно выпить только нѣсколько ложекъ, не смотря на то, что у молока очень пріятный вкусъ. Обыкновенно его смѣшиваютъ съ водою; и необходимо налить очень много воды, чтобы оно подошло къ коровьему молоку. Сбивать изъ него масло нельзя; оно отзывается жиромъ, но сыръ

довольно вкусенъ и напоминаетъ овечій. Кровь оленя пьютъ горячую; пузыри употребляются для сосудовъ, въ которыхъ сохраняется молоко, табакъ и пр.; жилы скручиваются и употребляются вмѣсто нитокъ; шкуры оленьи идутъ не только на одежду, но и на одѣяла, постели, колыбели, на обшивку сапокъ, на обшивку юртъ; изъ роговъ-же, какъ и изъ костей оленя, изготовляютъ разныя мелкія подѣлки въ родѣ ложекъ, а въ Швеціи изъ роговъ вывариваютъ прекрасный клей. Такъ ничто не пропадаетъ отъ оленя, и инородцы вполнѣ цѣнятъ пользу, приносимую этимъ животнымъ; они обращаются всегда съ нимъ ласково, относятся къ нему съ любовью, и рѣдко когда можно видѣть, чтобы инородецъ билъ оленя. Но враговъ у оленя не мало; и самые опасные,—это волкъ и свирѣпая прожорливая россомаха. Не имѣя возможности при коротких лапахъ скоро бѣгать, она взамѣнъ этого можетъ быстро карабкаться на деревья и самыя отвѣсныя скалы, откуда и стережетъ свою добычу, то ложась на вѣтку, то прячась въ ущелье скалы. Если олень отдѣлится отъ стада и подойдетъ близко къ мѣсту ея засады, она или прямо вскакиваетъ на него, или-же осторожно ползкомъ по землѣ бросается на спину своей жертвы и убиваетъ оленя, прокусывая ему затылокъ. Разсказываютъ весьма много анекдотовъ о прожорливости россомахи; между прочимъ утверждаютъ, что она въ состояніи съѣсть за одинъ разъ двухъ оленей; когда-же ея брюхо наполнится до такой степени пищей, что натянется, какъ барабанъ, то она усиленно протискивается между двумя близъ лежащими камнями или близко стоящими деревьями, чтобы добыть себѣ воздуха и мѣсто для новой пищи.

Кромѣ такого сильнаго врага, на сѣвернаго оленя нападаютъ еще и насѣкомыя, которыя причиняютъ ему

не мало страданій. Эти насѣкомыя—два рода оводовъ, одни изъ которыхъ кладутъ яички на кожу животнаго, и личинки, пробуравливая кожу, превращаются подъ ней въ куколки, такъ что вся спина животнаго покрывается желваками и животное сильно отъ этого изнемогаетъ; другая-же порода оводовъ кладетъ яички въ ноздри животнаго и изъ этихъ яичекъ появляется множество маленькихъ червяковъ въ гортани. подъ языкомъ; и олень начинаетъ безпрестанно чихать и мотаетъ головой отъ боли.

Собратъ оленя—лось, водящійся въ большомъ количествѣ въ Сибири, до сихъ поръ преслѣдуется человѣкомъ, какъ вкусное мясо. Но этотъ огромный олень, самое большое животное, обитающее въ сѣверныхъ лѣсахъ, весьма сильное, съ длинными ногами и большими трехугольными, лопатообразными по краямъ развѣтвленными, рогами,—могло-бы послужить на пользу человѣку также, какъ и олень, своей жизнью.

X.

Какую приноситъ пользу въ Сибири собака.

Собака въ Сибири, кромѣ ея неоцѣнимаго пособничества на охотѣ, что не можетъ быть исполняемо никакимъ другимъ животнымъ, дѣлается также и упряжнымъ животнымъ, какъ олень и лошадь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири, какъ напримѣръ въ Камчаткѣ, служба ея никѣмъ другимъ незамѣнима. Лошадь, какъ упряжное животное, никогда въ Камчаткѣ не вытѣснитъ собаки; лошадь вязнетъ въ снѣгу по самое брюхо; и кромѣ того въ Камчаткѣ много рѣкъ и источниковъ, которые или вовсе не замер-

заютъ, или ледъ на нихъ такъ тонокъ, что не выдержитъ тяжести лошади; сильныя-же и частыя мятели мѣшаютъ образованію торной дороги. При этихъ мятеляхъ, когда нельзя открыть глазъ, собаки, вслѣдствіе своего природнаго чутья, служатъ хорошими проводниками и никогда не сбиваются съ дороги. Но, кромѣ того, если мятель очень сильна и приходится остановиться и лечь на землю, что бываетъ довольно часто, то собаки согрѣваютъ хозяина и по цѣлымъ часамъ спокойно лежатъ около него. Нельзя не надивиться также ихъ силѣ. Въ сани обыкновенно запрягается пять собакъ, которыя везутъ во всю прыть трехъ взрослыхъ людей и до двухъ пудовъ поклажи. Съ небольшимъ грузомъ пять собакъ по дурнымъ дорогамъ дѣлаютъ тридцать-сорокъ верстъ въ день, а по хорошимъ — отъ восьмидесяти до ста. По виду эти собаки напоминаютъ волковъ, но короткія, торчащія уши придаютъ ихъ остроконечнымъ мордамъ весьма веселый видъ. Объ ихъ кормѣ породцы не особенно заботятся; собака ѣстъ всякіе отбросы, а съ ранней весны и до осени она бѣгаетъ на свободѣ и прокармливаетъ сама себя, ловя по рѣкамъ рыбу. Зимой-же заботливые хозяева даютъ ей, и то не часто и никоимъ образомъ во время ѣзды, или вонючую, или-же заплѣсневѣлую на вѣтру сушеную рыбу, но главное ея лакомство,—это, конечно, отбросы костей животныхъ. Охотничья-же собака въ Сибири такъ хороша, что въ «Запискахъ охотника Восточной Сибири» г. Черкесовъ разсказываетъ для подтвержденія незамѣнимости ея, какъ помощника и друга, слѣдующій случай. «Въ одномъ селеніи въ Забайкальи жили вмѣстѣ два брата, страстные звѣропромышленники, собака которыхъ ходила за всякимъ звѣремъ. Ее торговали у братьевъ за дорогую цѣну, но братья не продали, когда-же одинъ

изъ нихъ женился и пришлось братьямъ дѣлиться, то они собрали общество для того, чтобы помочь имъ въ этомъ дѣлѣ. Общество присудило сдѣлать такъ: оцѣнить собаку въ какую-нибудь сумму денегъ, по ихъ общему согласію, и кинуть жребій, кому достанется собака, тому и заплатить другую половину той суммы, въ которую будетъ оцѣнена собака. Братья такъ и поступили, оцѣнили собаку въ 500 р. ассигнаціями и кинули жребій. Она досталась младшему, и старшій получилъ деньги. Но, когда настала горячая пора охоты, братъ, лишившійся собаки, затосковалъ, и какъ то разъ, не владѣя уже собой, забрался ночью въ амбаръ и выстрѣлилъ въ себя изъ винтовки. Къ счастью, пуля сорвала только верхнюю часть живота и не повредила кишокъ».

Собаки эти дѣлятся на множество охотничьихъ спеціальностей и рѣдкая изъ собакъ можетъ ходить за всякимъ звѣремъ. Есть *бѣлковыя* собаки, которыя болѣе всего ходятъ за бѣлкой; есть *кабаньи*, ходящія за кабаномъ; третьи опять хороши только за сохатыми и изюбрами,—онѣ называются *звѣровыми* собаками и четвертыя хороши для гоньбы козъ, волковъ и лисицъ, — онѣ называются *промышленными*. Сибирскія собаки дѣйствуютъ только по инстинкту, безъ всякой науки или дрессировки. Сибирскія собаки и по смерти своей приносятъ пользу хозяину: изъ собачьихъ шкурокъ шьются превосходныя шубы, рукавицы и теплые сапоги. Но шубы дѣлаются только изъ черныхъ собакъ, а сѣрки, бѣлки и другія идутъ на прочія подѣлки. Собачьи шубы чрезвычайно теплы, въ самые трескучіе морозы ихъ надо предпочесть овчинымъ и даже волчьимъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОЛКОВАТЕЛЯ.

I. Что такое лѣсная полоса.
II. Какое главное отличіе сѣвернаго лѣса.
III. Почему въ Сибири зима суровѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ.
IV. Какимъ образомъ человѣкъ выноситъ сибирскіе холода.
V. Что такое вулканъ, или сопка.
VI. Причины вымиранія инородцевъ.
VII. Выгодно ли вымираніе инородцевъ для Россіи.
VIII. Выгодно ли для человѣка истребленіе животныхъ.
IX. Чѣмъ полезенъ сѣверный олень.
X. Какую приноситъ пользу въ Сибири собака.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Камчадалы съ Курильцами 3
Тунгусы. 43
Амурскіе Тунгусы (Орочане, Манягры, Бирары, Мангуны или Ольчи, и Орочи). 75
Гольды и Гиляки 113
Якуты и Долгане. 135
Вогулы 169
Сибирскіе Татары и Бухарцы 185
Алтайскіе Калмыки 211
Толкователь 225

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

А. Я. Панафидина.

Москва, Покровка, Лялинъ пер., собств. д., № 11—13.

Продаются, между прочимъ, слѣдующія книги:

Александровъ П.
Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ.

Чтеніе 1-е. Самоѣды, Лопари, Зыряне и Поморы. М. 1897 г. ц. 10 к.

Чтеніе 2-е. Жители лѣсной полосы. М. 1897 г. ц. 10 к.

Чтеніе 3-е. Новороссія (Богатыя степи). М. 1898 г. ц. 10 к.

Чтеніе 4-е. Малороссія (Благодатный край). М. 1898 г., ц. 10 к.

Чтеніе 5-е. Крымъ. (Жемчужина Россіи), съ 2-мя рисунками въ текстѣ. М. 1898 г. ц. 15 коп.

Каждая книжка съ картинкою на обложкѣ соотвѣтствующая тексту.

Александровъ, П. Какъ завелись у насъ правильныя артели? ц. 10 к.

Д-ра Andrie. Зубныя болѣзни. Клиническія лекціи. Пер. съ франц. подъ ред. врача Л. Коченовскаго. Спб. Ц. 2 р. 25 к. Содержаніе: Показанія къ извлеченію зубовъ.—Объ экстракціи зубовъ.—О трудныхъ случаяхъ извлеченія зубовъ. — О случайностяхъ при извлеченіи зубовъ. — О резекціи зубовъ. — О гигіеническомъ уходѣ за полостью рта. — О провизорныхъ пломбахъ. — О выборѣ веществъ, годныхъ для пломбъ.—Объ умерщвленіи пульпы.—О пломбировкѣ корней.—О зубныхъ нарывахъ.—О воспаленіи надкостницы зубной луночки.—О пульпитѣ или воспаленіи зубной мякоти.—О прививкѣ зубовъ.—О зубныхъ фистулахъ.

Беймертъ, В. Университетское образованіе женщины, ц. 10 к.

D-r Paul Berger. Леченіе худобы на діэтетическихъ основахъ. Симптомы, сущность, распознаваніе и леченіе худобы и сопутствующихъ ей болѣзней. Съ нѣмецкаго перевелъ врачъ Б. М. Цымковскій. Спб., ц. 65 к.

Бибиковъ, Викторъ. Разсказы: Барьерная сторожиха.—На лодкѣ.—Любочка. — Встрѣча. —Писатель. — Счастье. — Путевой альбомъ. — Приключеніе.—Всеволодъ Гаршинъ.—С. Я. Надсонъ. Спб., ц. 50 к.

Билибинъ, И. О тригонометрическихъ функціяхъ, ц. 1 р. 25 к.

Богословскій, М. Священная исторія Новаго Завѣта. 1895 г., ц. 1 р.

Его же. Ветхаго Завѣта. 1896 г., ц. 1 р. 25 к.

Его же. Великій Канонъ святаго Андрея Критскаго въ переводѣ на русскій языкъ, ц. 20 к.

Его же. Курсъ общаго церковнаго права. Уроки преподанные воспитанникамъ Императорскаго училища Правовѣдѣнія, ц. 1 р. 25 к.

Брандтъ. Популярная Зоологическая Энциклопедія. Млекопитающія, роскошное изданіе съ 563 рисунками. Алфавитъ названій на русскомъ и латинскомъ яз. 462 страницы, ц. вмѣсто 5 р.—2 р.

Булгаковъ, Ѳ. И. Ловля, содержаніе, строеніе тѣла и жизнь комнат. и пѣвчихъ птицъ, съ 27 рис., ц. 1 р.

Д-ръ С. Буше. Недостаточное упражненіе мускуловъ, какъ причина развитія многихъ болѣзней. Пер. съ франц. С. З. Поповой. Спб., ц. 60 к.

Бъловъ. Какъ устроить самыми простыми, находящимися подъ руками средствами, разные кабинеты и учебныя пособія при сельскихъ школахъ. Спб., ц. 20 к.

Бэкеръ, Д. Г. Начальныя основанія ботанической географіи. ц. 70 к.

Бэнъ, А. проф. Наука воспитанія. Спб., 1881 г., ц. 2 р. 50 к.

Видимъ, А. Лондонъ. Общественные и бытовые очерки. Съ иллюстр. Г. Доре. Спб., ц. 75 к.

Вильморенъ, Андріе и К°. Наставленія какъ сѣять воздушныя цвѣточныя растенія, ц. 1 р. 50 к.

Вилъ, д-ръ. Діэта для страдающихъ желудочными болѣзнями и діэтическая поваренная книга для здоровыхъ и больныхъ, ц. 2 р.

Виноградовъ. Наставленіе къ ловлѣ рыбъ и раковъ въ нашихъ прѣсныхъ водахъ. Съ 56 рис., ц. 1 р.

Военный судъ, его защитники и разрушители, ц. 1 р. 25 к.

Воленсъ. Собраніе ариѳметическихъ задачъ (по Грубе). Учебное пособіе при первоначальномъ преподаваніи ариѳметики. Въ 2 ч. Цѣлыя числа и дроби. Издан. 18-е. Спб., 1898 г., ц. 30 к. Допущенъ къ употребленію въ низшихъ училищахъ Мин. Нар. Просв.

Его же. Методъ элементарнаго преподаванія ариѳметики въ народной школѣ. Спб., ц. 1 р.

Его же. Руководство къ ариѳметикѣ. Изд. 16-е. Спб., 1891 г., ц. 60 к.

Его же. „Элементар. геометр." Руководство для низшихъ учебныхъ заведеній и вообще начинающ. Спб., ц. 50 к.

Его же. Начальная геометрія. Учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній, съ 6-ю литограф. табл. Спб., ц. 1 р. 25 к.

Его же. Задачникъ для начальныхъ народныхъ училищъ. Сборникъ простѣйшихъ ариѳметическихъ задачъ и предварительныя упражненія, служащія для изученія чиселъ до 100 и дѣйствій надъ ними. Изд. 6-е. 1896 г., ц. 10 к.

Волжинскій. Замѣчательные люди. Біографіи: Ломоносова, Кулибина, Власова, Сѣпушкина, Кольцова, Ермака Тимофеича, Меншикова, Потемкина, Сперанскаго, Суворова, Минина, Пожарскаго и Сусанина, ц. 20 к.

Его же. Полезное чтеніе для грамотнаго простолюдина, ц. 20 к. Съ картинкой на обложкѣ.

ГАЙ ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ
ЗАПИСКИ
О ГАЛЬСКОЙ ВОЙНѢ.

Книга 1-я. Переводъ съ примѣчаніями. М. 1897 г., ц. 30 к.

Книга 6-я. Переводъ съ примѣчаніями. М. 1897 г., ц. 30 к.

Гаршинъ, Евг. Новгородскія древности. съ рис. Спб., ц. 25 к.

Его же. Критич. опыты.—Испорченная жизнь.—Наши духовные отцы.—Поэзія А. П. Полонскаго.—Драмы Островскаго, какъ основа народнаго репертуара.—Рус. драма на новомъ пути.—Рус. литература за 1886 г. Спб., 1888 г., ц. 1 р.

Георгіевскій, С. Принципы жизни Китая. 494 стр. и 16 табл. прил. Спб., ц. 2 р. 50 к.

Его же. Отвѣтъ гр. Толстому на рецензію „принципы жизни Китая", ц. 50 к.

Его же. О корневомъ составѣ китайскаго языка, въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ. Спб., 1888 г., ц. 2 руб.

Его же. Анализъ іероглифической письменности китайцевъ, какъ отражающій въ себѣ исторію жизни древн. китайск. народа. Спб., 1888 г., ц. 2 р.

Гейнцъ. Справочная книжка и указатель русскаго правописанія, ц. 1 р. 25 коп.

Гинцбургъ. Русская правда. Текстъ по тремъ спискамъ, съ пред. и краткимъ объяснит. словаремъ. Спб., 1888 г., ц. 40 к.

Гирцъ. Руководство къ обученію кройкѣ, шитью, бѣлошвейному мастерству и вязанью, съ 196 рис. въ текстѣ, ц. 1 р.

Голландеръ. Извлеченіе зубовъ; подъ редак. В. П. Діанина. Съ рис. въ текстѣ. Спб., ц. 75 к.

Гурьевъ, П. Практ. ариѳметика. Кн. I. Низшій курсъ. ц. 75 к.

Его же. Кн. II. Высшій курсъ, ц. 1 р. 25 коп.

Де-Барн, А. Ботаника. Съ 47 рисунками. Спб., ц. 40 к.

Дівсъ, Авг., д-ръ. Ревматизмъ и радикальное лѣченіе его, ц. 40 к.

Древніе классики для русскихъ читателей. Лукаса Кодлиза, Гомеръ Одиссея, Гомеръ Иліада; Ливій; письма Плинія, Эврипидъ; Юлій Цезарь, цѣна каждому выпуску по 1 р.

Дружокъ. Календарь для учащихся, издающійся ежегодно въ учебному времени. 170 страницъ, ц. 15 к.

Дьяконовъ, Д. Аллюминій, его свойства и техническая обработка, сплавы его съ другими металлами. Спб., 1884 г., ц. 25 к.

Дюфренъ, І. Руководство къ изученію шахматной игры для начинающихъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ указаніемъ на рисункахъ разстановки и др. ходовъ шахматъ. М., 1897 г., ц. 50 к.

Жиро, Ш. Начало геометрической теоріи механизмовъ (безъ помощи высшей математики). Съ 167 чертежами въ текстѣ. Спб., ц. 1 р. 20 к.

Заблудовскій. Матеріалы къ вопросу о дѣйствіи массажа на здоровыхъ людей. Спб., ц. 50 к.

Занд-Жоржъ. Орасъ. Романъ. Перев. В. Крестовскаго. Спб., ц. 1 р. 75 к.

Зиновьевъ. Наши сельскіе пожары. Наставленіе волостнымъ старшинамъ, сельскимъ старостамъ и всѣмъ грамот. крестьянамъ, какъ обезпечиться отъ пожаровъ въ селеніяхъ, лѣсахъ, степяхъ и торфяникахъ и какъ ихъ тушить, съ рисунками, ц. 60 к.

Воля, Эмиль. Трясина, ром. Спб., ц. 1 р. 50 к.

Зорька. Книжка для народнаго чтенія. Годъ 1-й. Съ письменными упражненіями и задачами для правописанія въ предѣлахъ 1-го года. Добровольскаго и Цвѣткова, ц. 25 к.

Иванова, Е. Сельско-хозяйственный сборникъ, в. 1-й, ц. 20 к.

Иверсенъ. О вредныхъ насѣкомыхъ и о важности охраненія насѣкомоядныхъ птицъ, какъ даровыхъ помощниковъ въ борьбѣ съ вреднымъ насѣкомыми. Спб., ц. 15 коп.

Изъ жизни русскихъ писателей. Разсказы и анекдоты, ц. 75 к.

Иллюстрированные разсказы для дѣтей изъ жизни животныхъ. Сост. по Брему, Жоффруа, Сент.-Илеру, Франклину и друг. въ папкѣ, съ рисунк. въ текстѣ. Спб., ц. 50 к.

Историческіе разсказы. Испанцы въ Мексикѣ. Ріенцы. Жизнь Вашингтона. 366 стр. Спб., ц. 50 к.

Какъ я поступилъ въ школу. Разсказъ, ц. 30 к.

Каченовскій, Л., врачъ. Новѣйшій способъ леченія подъострого и острого воспаленія пульпы зубовъ. Спб., ц. 30 к.

Кирьевскій. Промышленность садовыхъ соединеній, вып. 1-й, ц. 1 р.

Классовскій. Замѣтки о женщинѣ и ея воспит., ц. 50 к.

Классе, К. Учебный Нѣмецко-Русскій Словарь синонимовъ и однозвучныхъ словъ нѣмецкаго языка, ц. 40 к.

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ 1-й и 2-й ч. учеб. франц. языка В. Игнатовича. 2-е изд., ц. 40 к.

Тоже. Къ русскимъ упражненіямъ 1-й части (этимологіи) латинской грам. Я. Кремера по Кюнеру. 1889 г., ц. 40 к.

Тоже. Къ практическ. руководству въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій, М. Массона, ц. 60 к.

Тоже. Къ учеб. Марго, ц. 40 к.

Кое-что, кое о чемъ. Дѣтскіе разсказы, ц. въ папкѣ 1 р.

Колокольниковъ, В. Кавказъ, очеркъ, М., 1898 г., ц. 15 к. Съ картиной на обложкѣ.

Ея же. Церковно-славянскій словарь. — Для толковаго чтенія Св. Евангелія, Псалтири и Часослова. Спб., 1897 г., ц. 10 к.

Ея же. Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Съ портретомъ Ломоносова. М., 1897 г., ц. 10 к.

Кольцовъ, А. В. Стихотворенія, съ двумя статьями о немъ П. Смирновскаго. Съ портретомъ Кольцова. М., 1897 г., ц. 20 к.

Д-ра Collineau. Терапевтическія указанія къ примѣненію гимнастическихъ упражненій и ихъ критическая оцѣнка. Пер. съ франц. подъ редакціей врача Л. Каченовскаго. Спб., ц. 60 к.

Компертъ. Ходебщикъ. Разсказъ изъ еврейской жизни, ц. 50 к.

Красногорскій. Учебный курсъ синтаксиса русскаго языка, съ приложеніемъ матеріала грамматическаго разбора и письменныхъ работъ. Изд. 3-е, исправленное. 1894 г., ц. 50 к., въ перепл. 60 коп.

Его же. Орѳографическія таблицы, 3 вып., ц. 50 к.

Его же. Задачи по русскому правописанію съ приложеніемъ орѳографическаго словаря. 9-е изданіе, ц. въ перепл. 85 к.

Красный цвѣтокъ. Литературный сборникъ въ память Всеволода Гаршина, ц. 1 р. 50 к.

Крепенберъ, А. Элементарныя начала геометрическаго анализа или такъ называемой новой геометріи. Съ атласомъ чертежей. Спб., 1880, ц. 3 р.

Кругловъ, А. Дѣти лѣсовъ. Повѣсть для дѣтскаго чтенія, ц. 1 р. въ папкѣ.

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА,

съ приложеніемъ портрета автора, его біографіи, написанной П. А. Плетневымъ, примѣчаній, составленныхъ по В. Ѳ. Кеневичу, и пяти этюдовъ о баснях Крылова П. Смирновскаго. 382 страницы 1897 года. Цѣна 1 руб.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы въ качествѣ пособія при изученіи басенъ Крылова въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для ученическихъ библіотекъ этихъ заведеній, а также для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Оглавленіе: Біографія Крылова (написанная П. А. Плетневымъ). Очеркъ дѣятельности Крылова до 1808 г. (П. Смирновскаго). Басни Крылова. Примѣчанія къ баснямъ (по В. Ѳ. Кеневичу). Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ баснях Крылова (П. Смирновскаго) Имена и образы, заимствованные изъ классической древности (П. Смирновскаго). Степень оригинальности басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Историческое и общечеловѣческое значеніе басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Алфавитный списокъ басенъ Крылова съ указаніемъ страницъ.

Книги, составленныя П. Смирновскимъ и продающіяся у книгопродавца А. Я. Папафидина (Москва, Покровка, Лялинъ пер., собствен. д., № 11—13).

I. Приготовительный курсъ русской грамматики. Учебникъ для приготовительнаго класса и вообще для начинающихъ. Изд. 5-е. Ц. въ перепл. 25 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. одобренъ въ качествѣ руководства въ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

II. Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Часть I. — Этимологія, изд. 14-е 1898 г. Ц. въ переплетѣ 55 коп. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобренъ для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Часть II. — Синтаксисъ, изд. 10-е 1898 г. Ц. въ переплетѣ 65 коп. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобренъ какъ руководство для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

III. **Грамматика древняго ц.-славянскаго языка, изложенная сравнительно съ русскою.** Изданіе 12-е 1897 г. Ц. въ переплетѣ 75 коп. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена какъ учебное пособіе для III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

IV. **Сборникъ періодовъ,** выбранныхъ изъ произведеній русскихъ писателей (1789—1880 г.). Ц. въ перепл. 30 коп.

V. **Русская хрестоматія** въ двухъ частяхъ: часть I (для 1-го и 2-го кл.,) изд. 13-е 1898 г. Ц. въ переплетѣ 85 коп.; часть II, изданіе 13-е 1898 г (для 3-го и 4-го кл.). Ц. въ переплетѣ 1 р. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена какъ учебное пособіе для 1-го, 2-го, 3-го и 4-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

VI. **Маленькая русская хрестоматія для дѣтей,** проходящихъ курсъ русскаго языка, соотвѣтствующій приготовительному классу при гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 112 страницъ и 8 стр. предисловія, съ 32 рисунками. 1897 г. Изд. 4-е, исправл. Ц. 15 к. Допущена въ приготовительные классы гимназій и прогимназій.

VII. **О курсѣ чтенія въ четырехъ младшихъ классахъ гимназій, основанномъ на задачахъ общеобразовательной школы, съ приложеніемъ объяснительной записки къ обѣимъ частямъ Русской хрестоматіи.** Цѣна въ перепл. 45 к.

VIII. **Теорія словесности,** съ приложеніемъ статей: 1) Поэзія, какъ изящное искусство, 2) Элементарныя свѣдѣнія изъ логики, 3) Элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи. Издан. 10-е 1898 г. Ц. въ перепл. 90 коп. Одобрено Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній—мужскихъ и женскихъ.

IX. **Сборникъ статей, какъ приложеніе къ учебнику теоріи словесности.** Изд. 3-е Ч. I. Ц. въ перепл. 75 к. Ч. II. Ц. въ перепл. 75 к.

X. **Пособіе при изученіи исторіи русской словесности.** Часть I (народная словесность и литература отъ начала письменности до Ломоносова). Ц. 1 р. 40 коп. Часть II (отъ Ломоносова до Карамзина). Ц. 1 р. 15 к. Часть III (отъ Карамзина до Пушкина). Ц. 1 р. 50 коп. Часть IV (отъ Пушкина до новѣйшаго времени). Ц. 1 р.

XI. **Курсы систематическаго диктанта.** Ч. I (для 1 и 2 кл.), изд. 14-е 1898 г. Ц. 75 к. Часть II (для 3-го и 4-го кл.). Изд. 6-е 1897. Ц. въ перепл. 55 к. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія какъ учебное пособіе для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

А. Я. Панафидина.

Москва, Покровка, Лялинъ пер., собств. д., № 11—13.

Продаются, между прочимъ, слѣдующія книги:

Александровъ Н.
Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ.

Чтеніе 1-е. Самоѣды, Лопари, Зыряне и Поморы. М. 1897 г. ц. 10 к.

Чтеніе 2-е. Жители лѣсной полосы. М. 1897 г. ц. 10 к.

Чтеніе 3-е. Новороссія (Богатыя степи). М. 1898 г. ц. 10 к.

Чтеніе 4-е. Малороссія (Благодатный край). М. 1898 г., ц. 10 к.

Чтеніе 5-е. Крымъ. (Жемчужина Россіи), съ 2-мя рисунками въ текстѣ. М. 1898 г. ц. 15 коп.

Каждая книжка съ картинкою на обложкѣ соотвѣтствующая тексту.

Александровъ, Н. Какъ завелись у насъ правильныя артели? ц. 10 к.

Д-ра Andrie. Зубныя болѣзни. Клиническія лекціи. Пер. съ франц. подъ ред. врача Л. Коченовскаго. Спб. Ц. 2 р. 25 к. Содержаніе: Показанія къ извлеченію зубовъ.—Объ экстракціи зубовъ.—О трудныхъ случаяхъ извлеченія зубовъ. — О случайностяхъ при извлеченіи зубовъ. — О резекціи зубовъ. — О гигіеническомъ уходѣ за полостью рта. — О провизорныхъ пломбахъ. — О выборѣ веществъ, годныхъ для пломбъ.—Объ умерщвленіи пульпы.—О пломбировкѣ корней.—О зубныхъ нарывахъ.—О воспаленіи надкостницы зубной луночки.—О пульпитѣ или воспаленіи зубной мякоти.—О прививкѣ зубовъ.—О зубныхъ фистулахъ.

Бейлертъ, В. Университетское образованіе женщины, ц. 10 к.

D-r Paul Berger. Леченіе худобы на діэтетическихъ основахъ. Симптомы, сущность, распознаваніе и леченіе худобы и сопутствующихъ ей болѣзней. Съ нѣмецкаго переведъ врачъ Б. М. Цымковскій. Спб., ц. 65 к.

Бибиковъ, Викторъ. Разсказы: Барьерная сторожиха.—На лодкѣ.—Любочка. — Встрѣча. —Писатель. — Счастье. — Путевой альбомъ. — Приключеніе.—Всеволодъ Гаршинъ.—С. Я. Надсонъ. Спб., ц. 50 к.

Билибинъ, Н. О тригонометрическихъ функціяхъ, ц. 1 р. 25 к.

Боголовскій, М. Священная исторія Новаго Завѣта. 1895 г., ц. 1 р.

Его же. Ветхаго Завѣта. 1896 г., ц. 1 р. 25 к.

Его же. Великій Каноне святаго Андрея Критскаго въ переводѣ на русскій языкъ, ц. 20 к.

Его же. Курсъ общаго церковнаго права. Уроки преподанные воспитанникамъ Императорскаго училища Правовѣдѣнія, ц. 1 р. 25 к.

Брандтъ. Популярная Зоологическая Энциклопедія. Млекопитающія, роскошное изданіе съ 563 рисунками. Алфавитъ названій на русскомъ и латинскомъ яз. 462 страницы, ц. вмѣсто 5 р.—2 р.

Булгаковъ, О. И. Ловля, содержаніе, строеніе тѣла и жизнь комнат. и пѣвчихъ птицъ, съ 27 рис., ц. 1 р.

Д-ръ С. Бунге. Недостаточное упражненіе мускуловъ, какъ причина развитія многихъ болѣзней Пер. съ франц. С. З. Поповой. Спб., ц. 60 к.

Вьюновъ. Какъ устроить самыми простыми, находящимися подъ руками средствами, разные кабинеты и учебныя пособія при сельскихъ школахъ. Спб., ц. 20 к.

Вэкеръ, Д. Г. Начальныя основанія ботанической географіи. ц. 70 к.

Бэнъ, А. проф. Наука воспитанія. Спб., 1881 г., ц. 2 р. 50 к.

Видинъ, А. Лондонъ. Общественные и бытовые очерки. Съ иллюстр. Г. Доре. Спб., ц. 75 к.

Вильморенъ, Андріе и К°. Наставленія какъ сѣять воздушныя цвѣточныя растенія, ц. 1 р. 50 к.

Вильк, д-ръ. Діэта для страдающихъ желудочными болѣзнями и діэтическая поваренная книга для здоровыхъ и больныхъ, ц. 2 р.

Виноградовъ. Наставленіе къ ловлѣ рыбъ и раковъ въ нашихъ пресныхъ водахъ. Съ 56 рис., ц. 1 р.

Военный судъ, его защитники и разрушители, ц. 1 р. 25 к.

Воленсъ. Собраніе ариѳметическихъ задачъ (по Грубе). Учебное пособіе при первоначальномъ преподаваніи ариѳметики. Въ 2 ч. Цѣлыя числа и дроби. Издан. 18-е. Спб., 1898 г., ц. 30 к. Допущенъ къ употребленію въ низшихъ училищахъ Мин. Нар. Просв.

Его же. Методъ элементарнаго преподаванія ариѳметики въ народной школѣ. Спб., ц. 1 р.

Его же. Руководство къ ариѳметикѣ. Изд. 16-е. Спб., 1891 г., ц. 60 к.

Его же. „Элементар. геометр." Руководство для низшихъ учебныхъ заведеній и вообще начинающ. Спб., ц. 50 к.

Его же. Начальная геометрія. Учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній, съ 6-ю литограф. табл. Спб., ц. 1 р. 25 к.

Его же. Задачникъ для начальныхъ народныхъ училищъ. Сборникъ простѣйшихъ ариѳметическихъ задачъ и предварительныя упражненія, служащія для изученія чиселъ до 100 и дѣйствій надъ ними. Изд. 6-е. 1896 г., ц. 10 к.

Волжинскій. Замѣчательные люди. Біографіи: Ломоносова, Кулибина, Власова, Слѣпушкина, Кольцова, Ермака Тимофеича, Меншикова, Потемкина, Сперанскаго, Суворова, Минина, Пожарскаго и Сусанина, ц. 20 к.

Его же. Полезное чтеніе для грамотнаго простолюдина, ц. 20 к. Съ картинкой на обложкѣ.

ГАЙ ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ
ЗАПИСКИ
О ГАЛЬСКОЙ ВОЙНѢ.

Книга 1-я. Переводъ съ примѣчаніями. М. 1897 г., ц. 30 к.

Книга 6-я. Переводъ съ примѣчаніями. М. 1897 г., ц. 30 к.

Гаршинъ, Евг. Новгородскія древности, съ рис. Спб., ц. 25 к.

Его же. Критич. опыты.—Испорченная жизнь.—Наши духовные отцы.—Поэзія А. П. Полонскаго.—Драмы Островскаго, какъ основа народнаго репертуара.—Рус. драма на новомъ пути.—Рус. литература за 1886 г. Спб., 1888 г., ц. 1 р.

Георгіевскій, С. Принципы жизни Китая. 494 стр. и 16 табл. прил. Спб., ц. 2 р. 50 к.

Его же. Отвѣтъ гр. Толстому на рецензію „принципы жизни Китая", ц. 50 к.

Его же. О корневомъ составѣ китайскаго языка, въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ. Спб., 1888 г., ц. 2 руб.

Его же. Анализъ іероглифической письменности китайцевъ, какъ отражающій въ себѣ исторію жизни древн. китайск. народа. Спб., 1888 г., ц. 2 р.

Геннингъ. Справочная книжка и указатель русскаго правописанія, ц. 1 р. 25 коп.

Гинцбургъ. Русская правда. Текстъ по тремъ спискамъ, съ пред. и краткимъ объяснит. словаремъ. Спб., 1888 г., ц. 40 к.

Гирцъ. Руководство къ обученію кройкѣ, шитью, бѣлошвейному мастерству и вязанью, съ 196 рис. въ текстѣ, ц. 1 р.

Голлендеръ. Извлеченіе зубовъ; подъ редак. В. П. Діанина. Съ рис. въ текстѣ. Спб., ц. 75 к.

Гурьевъ, П. Практ. ариѳметика. Кн. I. Низшій курсъ, ц. 75 к.

Его же. Кн. II. Высшій курсъ, ц. 1 р. 25 коп.

Де-Бари, А. Ботаника. Съ 47 рисунками. Спб., ц. 40 к.

Діэсъ, Авг., д-ръ. Ревматизмъ и радикальное лѣченіе его, ц. 40 к.

Древніе классики для русскихъ читателей. Лукаса Коллинза, Гомеръ Одиссея, Гомеръ Иліада; Ливій; письма Плинія, Эврипидъ; Юлій Цезарь, цѣна каждому выпуску по 1 р.

Дружокъ. Календарь для учащихся, издающійся ежегодно къ учебному времени. 170 страницъ, ц. 15 к.

Дьяконовъ, Д. Аллюминій, его свойства и техническая обработка, сплавы его съ другими металлами. Спб., 1884 г., ц. 25 к.

Дюфренъ, I. Руководство къ изученію шахматной игры для начинающихъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ указаніемъ на рисункахъ разстановки и др. ходовъ шахматъ. М., 1897 г., ц. 50 к.

Жиро, Ш. Начало геометрической теоріи механизмовъ (безъ помощи высшей математики). Съ 167 чертежами въ текстѣ. Спб., ц. 1 р. 20 к.

Заблудовскій. Матеріалы къ вопросу о дѣйствіи массажа на здоровыхъ людей. Спб., ц. 50 к.

Зандъ-Жоржъ. Орасъ. Романъ. Перев. В. Крестовскаго. Спб., ц. 1 р. 75 к.

Зиновьевъ. Наши сельскіе пожары. Наставленіе волостнымъ старшинамъ, сельскимъ старостамъ и всѣмъ грамот. крестьянамъ, какъ оберегаться отъ пожаровъ въ селеніяхъ, лѣсахъ, степяхъ и торфяникахъ и какъ ихъ тушить, съ рисунками, ц. 60 к.

Золя, Эмиль. Трясина, ром. Спб., ц. 1 р. 50 к.

Зорька. Книжка для народнаго чтенія. Годъ 1-й. Съ письменными упражненіями и задачами для правописанія въ предѣлахъ 1-го года. Добровольскаго и Цвѣткова, ц. 25 к.

Иванова, Е. Сельско-хозяйственный сборникъ, в. 1-й, ц. 20 к.

Иверсенъ. О вредныхъ насѣкомыхъ и о важности охраненія насѣкомоядныхъ птицъ, какъ даровыхъ помощниковъ въ борьбѣ съ вредными насѣкомыми. Спб., ц. 15 коп.

Изъ жизни русскихъ писателей. Разсказы и анекдоты, ц. 75 к.

Иллюстрированные разсказы для дѣтей изъ жизни животныхъ. Сост. по Брему, Жоффруа, Сент.-Илеру, Франклину и друг. въ папкѣ, съ рисунк. въ текстѣ. Спб., ц. 50 к.

Историческіе разсказы. Испанцы въ Мексикѣ. Ріенцы. Жизнь Вашингтона. 366 стр. Спб., ц. 50 к.

Какъ я поступилъ въ школу. Разсказъ, ц. 30 к.

Каченовскій, Л., врачъ. Новѣйшій способъ леченія подъостраго и остраго воспаленія пульпы зубовъ. Спб., ц. 30 к.

Кирѣевскій. Промышленность садовыхъ соединеній, вып. 1-й, ц. 1 р.

Классовскій. Замѣтки о женщинѣ и ея воспит., ц. 50 к.

Клоссе, К. Учебный Нѣмецко-Русскій Словарь синонимовъ и однозвучныхъ словъ нѣмецкаго языка, ц. 40 к.

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ 1-й и 2-й ч. учеб. франц. языка В. Игнатовича. 2-е изд., ц. 40 к.

Тоже. Къ русскимъ упражненіямъ 1-й части (этимологіи) латинской грам. Я. Кремера по Кюнеру. 1889 г., ц. 40 к.

Тоже. Къ практическ. руководству въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій, М. Массона, ц. 60 к.

Тоже. Къ учеб. Марго, ц. 40 к.

Кое-что, кое о чемъ. Дѣтскіе разсказы, ц. въ папкѣ 1 р.

Колокольникова, В. Кавказъ, очеркъ, М., 1898 г., ц. 15 к. Съ картиной на обложкѣ.

Ея же. Церковно-славянскій словарь. — Для толковаго чтенія Св. Евангелія, Псалтири и Часовлова. Спб., 1897 г., ц. 10 к.

Ея же. Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Съ портретомъ Ломоносова. М., 1897 г., ц. 10 к.

Кольцовъ, А. В. Стихотворенія, съ двумя статьями о немъ П. Смирновскаго. Съ портретомъ Кольцова. М., 1897 г., ц. 20 к.

Д-ра Collineau. Терапевтическія указанія къ примѣненію гимнастическихъ упражненій и ихъ критическая оцѣнка. Пер. съ франц. подъ редакціей врача Л. Каченовскаго. Спб., ц. 60 к.

Компертъ. Ходебщикъ. Разсказъ изъ еврейской жизни, ц. 50 к.

Красногорскій. Учебный курсъ синтаксиса русскаго языка, съ приложеніемъ матеріала грамматическаго разбора и письменныхъ работъ. Изд. 3-е, исправленное. 1894 г., ц. 50 к., въ перепл. 60 коп.

Его же. Орѳографическія таблицы, 3 вып., ц. 50 к.

Его же. Задачи по русскому правописанію съ приложеніемъ орѳографическаго словаря. 9-е изданіе, ц. въ перепл. 85 к.

Красный цвѣтокъ. Литературный сборникъ въ память Всеволода Гаршина, ц. 1 р. 50 к.

Кроненбергъ, А. Элементарныя начала геометрическаго анализа или такъ называемой новой геометріи. Съ атласомъ чертежей. Спб., 1880, ц. 3 р.

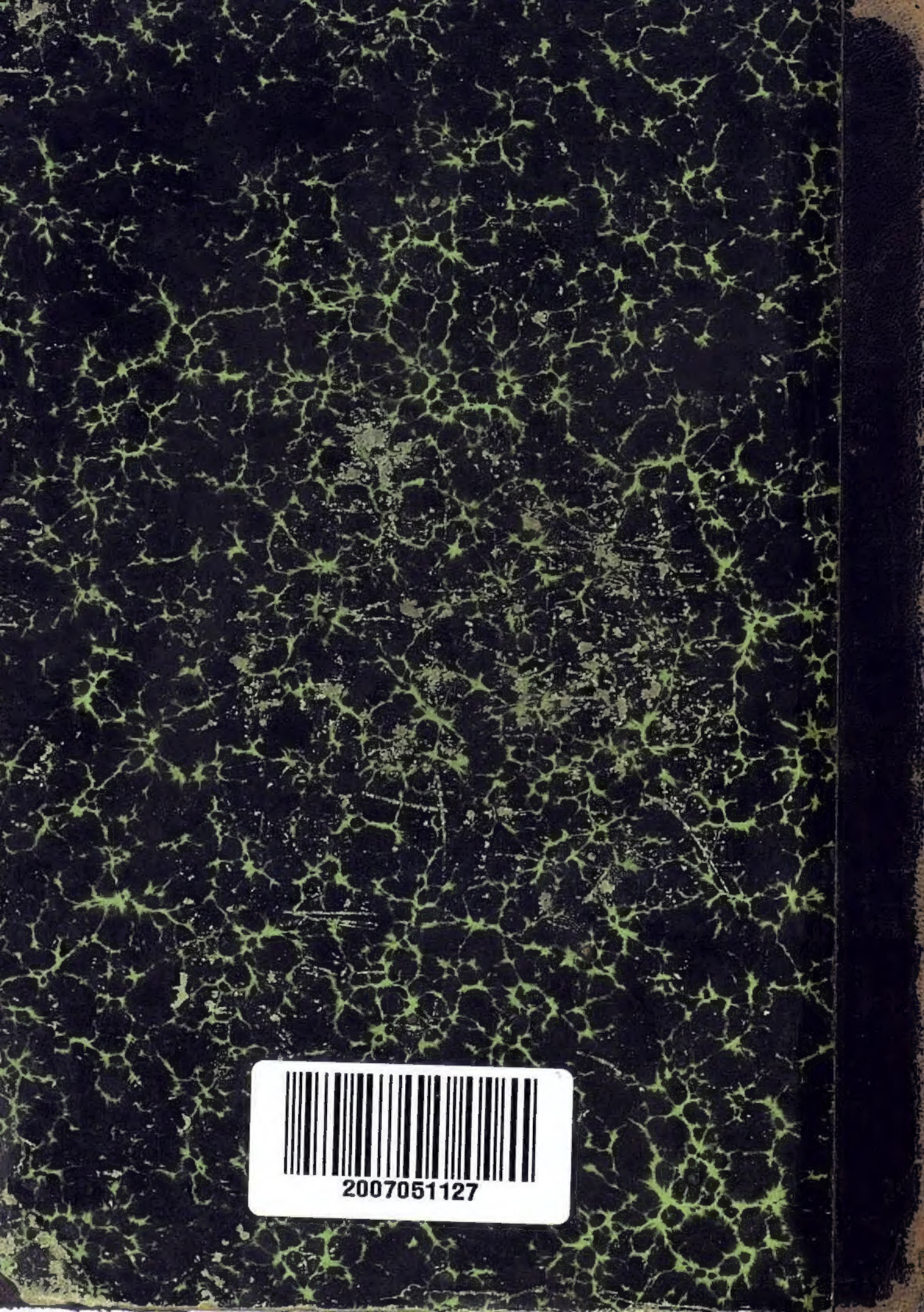
Кругловъ, А. Дѣти лѣсовъ. Повѣсть для дѣтскаго чтенія, ц. 1 р. въ папкѣ.

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА,

съ приложеніемъ портрета автора, его біографіи, написанной П. А. Плетневымъ, примѣчаній, составленныхъ по В. Ѳ. Кеневичу, и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова П. Смирновскаго. 332 страницы 1897 года. Цѣна 1 руб.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы въ качествѣ пособія при изученіи басенъ Крылова въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для ученическихъ библіотекъ этихъ заведеній, а также для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Оглавленіе: Біографія Крылова (написанная П. А. Плетневымъ). Очеркъ дѣятельности Крылова до 1808 г. (П. Смирновскаго). Басни Крылова. Примѣчанія къ баснямъ (по В. Ѳ. Кеневичу). Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ басняхъ Крылова (П. Смирновскаго) Имена и образы, заимствованные изъ классической древности (П. Смирновскаго). Степень оригинальности басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Историческое и общечеловѣческое значеніе басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Алфавитный списокъ басенъ Крылова съ указаніемъ страницъ.


2007051127